

ГЮСТАВ ЛЕФРАНСЭ

ВОСПОМИНАНИЯ КОММУНАРА

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО Е.Кофман

ЛЕНИНГРАД: РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ». 1925

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства

Предисловие автора

4 сентября 1870 – 18 марта 1871

18 марта 1870 – 3 июля 1871

Коммуна

Заключение

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Воспоминания коммунара» представляют собою часть книги Лефрансэ — «Воспоминания революционера», охватывающей период с сороковых годов прошлого столетия до падения Парижской Коммуны.

Печатаемая нами последняя часть, наиболее интересная, включает воспоминания за время с 4 сентября 1870 г. — дня падения империи Наполеона III.

Книга представляет большой интерес, как для читательской массы, так и для занимающихся изучением Парижской Коммуны: здесь и яркие страницы героической революционной борьбы парижского пролетариата, и подробности политической борьбы с буржуазным правительством и внутри Коммуны, анализ отдельных моментов этой борьбы и оценка значения Парижской Коммуны, как этапа социальной революции.

В «Воспоминаниях коммунара» вскрываются идеи, вдохновлявшие значительную часть революционных борцов Коммуны.

Автор «Воспоминаний» и известной работы «Этюд о коммунистическом движении в Париже в 1871 году» — Гюстав Лефрансэ (род. в 1826 г., умер в 1901 г.) был активным участником не только революционной борьбы 1870 и 1871 г.г., но и революции 1848 года. Учитель по профессии, он работал в 1848 году в национальных мастерских, за участие в революции 48 года был лишен права заниматься педагогической деятельностью, вступил после этого в союз учителей, в 1850 году был арестован в связи с опубликованием союзом новой программы воспитания и выслан в провинцию. После 2 декабря 1851 года за участие, в попытке противодействия монархическому перевороту Лефрансэ был выслан в Англию. Вернувшись в 1853 году во Францию, Лефрансэ отдается социалистической пропаганде, уделяя много внимания вопросу о положении работницы. В дальнейшем он принимает активное участие в политической борьбе (с подробностями читатель познакомится по «Воспоминаниям»), вплоть до падения Коммуны и бегства в Швейцарию, волнующие подробности которого живо описаны автором.

День погребения Лефрансэ — 19 мая 1901 года совпал с демонстративным шествием рабочих к Стене Федератов на кладбище Пер-Лашез, месту массового расстрела коммунаров. Свой последний земной путь он

совершил под сенью красного знамени пролетариата, борьбе за дело которого он посвятил всю свою жизнь; по обеим сторонам улицы выстроились «для поддержания порядка» агенты полиции буржуазной республики, против которой он боролся в славные дни Коммуны.

Его имя связано с международным гимном пролетариата, — Интернационалом, который посвящен его автором Потье Гюставу Лефрансэ.

Лефрансэ — непреклонный борец за освобождение пролетариата — сам считает себя фурьеристом, но с оговорками в смысле отказа от некоторых черт буржуазного характера в учении Фурье. Он принимает коммунистическую формулу: «каждому по его потребностям, от каждого по его способностям», но считает, что употребление, которое сделали из нее Бабеф, Кабэ и Бланки, противоречит требованиям индивидуальной свободы.

Он иронически относится к идеям Прудона о роли бесплатного кредита для рабочих и вообще о возможности разрешения социальных противоречий в рамках капиталистического общества.

В некоторых своих взглядах на роль государства Лефрансэ приближается к точке зрения, высказанной Марксом в «Гражданской войне во Франции», что не мешает ему, однако, придерживаться и некоторых пережитков прудонизма.

Он считает необходимым разрушение буржуазного государственного аппарата, превращения государства из органа подавления трудящихся в орган служебный по отношению к ним; но в то же время он не чужд и некоторых предрассудков парламентаризма.

Придавая слишком большую роль «самоуправляющейся коммуне», он считал все-таки, что провозглашение Парижской Коммуны должно было послужить сигналом к социальной революции, которая должна окончательно освободить пролетариат от экономического гнета, что Коммуна должна была наметить вехи социалистического строительства.

Он видит заслугу Парижской Коммуны, между прочим, в том, что она разрушила республиканские иллюзии. На место прежней «республики рабов» должна стать «Социальная Республика» трудящихся.

Во взглядах Лефрансэ царит обычная для большинства деятелей Коммуны путаница, мешанина из идей революционного социализма и мелкобуржуазного прудонизма.

Но это не лишает привлекательности образ самоотверженного, непреклонного, не признающего компромиссов революционного борца за полное освобождение пролетариата.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Предлагая вниманию читателя эти заметки и воспоминания, почти все набросанные в периоды времени, соответствующие описанным в них событиям, я не имею притязания считать их историей, или автобиографией

Для того, чтобы написать историю, нужно было играть в ней более значительную роль, или же обладать особой осведомленностью, какой у меня никогда не могло быть

Автобиография ли это? Еще менее того.

В моей жизни, как и в жизни тех миллионов существ, все заботы которых направлены на добывание хлеба насущного, не найдется ничего особо примечательного для рассказа. Я страдал и боролся не больше, чем они. Мне приходилось не больше и не меньше, чем им, быть недовольным той антиобщественной и бесчеловечной средой, в которой трудятся и умирают

пролетарии, и которую мы все стремимся уничтожить и заменить обществом истинно равных и свободных граждан.

Но мне, принимавшему почти сорок лет участие в общих усилиях, направленных к тому, чтоб приблизить час освобождения, думалось, что, быть может, молодым рекрутам революционной армии было бы интересно узнать, как запечатлелись в уме «юнца» прежних времен развертывавшиеся перед ним и таившие в себе грядущую социальную революцию события, и как, благодаря им, сложилось его сознание.

Мне пришлось случайно познакомиться с некоторыми группами, входящими в состав великой революционной социалистической партии.

Я никогда не принадлежал ни к одной из этих групп — это, несомненно, вопрос темперамента.

Во всяком случае это создает для меня то преимущество, что я никогда не принимал участия в их разногласиях и слишком часто сводимых ими между собою личных счетах. Мне дана этим возможность говорить без предвзятости и вражды.

Что же касается отдельных личностей, то я придаю им лишь второстепенное значение. Но в виду того, что они силой необходимости занимают определенное место в движении, я считаю себя вправе, и при случае этим правом пользуюсь, заклеить тех из них, чьи действия

находятся в ярком противоречии с принципами, которыми они прикрываются, чтобы добиться доверия угнетенных.

В свою очередь, я вполне признаю за ними и их друзьями право оспаривать сложившееся у меня о них мнение, но уверен, что им не удастся приписать его личной вражде или расчету.

Документы, исследования, публицистику, посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям, можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

4 Сентября 1870 г.—18 марта 1871 г.

4 сентября 1870 г.

Свершилось. Мнимый колосс, наконец, рухнул. Сдача Седана и позорная капитуляция Баденгэ * — сбросили его в грязь. Убийца Второго Декабря ² — впредь будет называться «Человеком Седана».

Со вчерашнего вечера дело уже было решено Трошю * и депутаты оппозиции сговорились, революция стала неизбежной. Эти господа поняли, что медлить более невозможно и ими, совместно с парижским губернатором, которому они принесли клятву в верности, была выработана программа буржуазного переворота.

Прежние, исключительно буржуазные, батальоны национальной гвардии, наспех реорганизованные, явились первыми с ружьями на плече, но без патронов — формальное условие церемонии — чтоб вступить во владение Законодательным Корпусом *, Люксембургом и всеми общественными зданиями.

Вслед за провозглашением низвержения монархии и роспуском Законодательного Корпуса и Сената, парижские депутаты отправляются в Ратушу. Здесь их вступление во власть получает

¹ При Седане 2 сентября 1870 г. сдалась почти 100-тысячная французская армия с Наполеоном III. Через два дня после Седана (4/IX) в Париже вспыхнула революция и империя пала. Баденгэ — насмешливая кличка, данная Наполеону III. *(Прим. шерев)*

² Убийца Второго Декабря — Наполеон III. 2 Декабря 1851 он произвел государственный переворот, который сопровождался жестоким террором и проложил ему путь к трону. *(Прим. перев.)*

³ Генерал Трошю, губернатор Парижа, ставший после 4 сентября, главой Правительства Национальной Обороны и военным министром.

* Законодательный Корпус — законодательное учреждение при Наполеоне III, соответствующее нижней палате, но с ограниченной компетенцией.

некоторое подобие санкции в виде, якобы, одобрительных приветствий, раздающихся среди гула собравшейся на площади Ратуши толпы.

Подчеркивая свою осторожность, члены нового, таким образом приветствуемого правительства, воздерживаются от провозглашения Республики. Они станут правительством «Национальной Обороны». Гамбетта * старается скрыться, присоединившись к своим коллегам, но, признанный, вынужден поневоле перед теми, кого в его устах не может удовлетворить иезуитский при данных обстоятельствах возглас: «Да здравствует Франция!» — воскликнуть: «Да здравствует Республика!».

Вот уж действительно республиканцы!

Они все же не осмелились навязать парижанам Тьера² в качестве члена нового правительства, председательствовавшие в котором Трошю потребовал для себя. Но удаление трансноэнского палача³ и деятеля всех реакций будет сделано лишь для вида. Ему, несомненно, поручены переговоры с неприятелем, в ведении которых они не признаются.

Я случайно сталкиваюсь с А. Ляфоном и Клемансо при входе в Законодательный Корпус, где мы в одном из закоулков застаем Жюль Симона и Тьера оживленно беседующими, если судить по взволнованным жестам последнего.

Клемансо направляется тогда к Симону:

— Как, — говорит он ему, — вы все еще здесь. Почему вы не в Ратуше?

— Но я еще не знаю, что предпринять... Еще не все окончено, — лепечет этот скрытный Тартюф.

И оба, застигнутые врасплох среди своих проделок, торопятся расстаться.

От всего этого так и пахнет изменой.

Государственная и муниципальная администрация находится уже в руках отборных национальных гвардейцев, грубого и высокомерного вида, занятых, главным образом, «поддержанием порядка». Находящиеся в распоряжении полиции агенты возвращаются в префектуру, где новый префект полиции Кератри старается дать им понять, что они, как он надеется, скоро вернуться

¹ Гамбетта, известный политический деятель, адвокат и журналист во время империи, депутат левой (в Законодательном Корпусе), член правительства Национальной Обороны (министр внутренних дел) и душа обороны Франции посл 4 сентября. Умер в 1881 году. (Прим. перев.).

Тьер — известный историк и политический деятель, министр при Людовике Филиппе, яры враг социализма, глава исполнительной власти третьей республики (с февраля 1871 до мая 1873). (Прим. перев.).

Будучи министром Людовика Филиппа, Тьер жестоко подавил восстание в Париже (в 1834), известное под именем дела в улице Трансноэн. (Прим. перев.)

к своей роли убийц. Они лишь будут ее выполнять во имя национальной обороны, вот и все. Для них тоже все остается попрежнему.

Людям моего возраста ничто не напоминает всеобщего подвема, сопровождавшего падение Луи-Филиппа в день 24 февраля, но юное поколение все же предается бурной радости, оно не знает, что Жюль Фавр, Жюль Симон. Кремье, Гарнье-Пажес и Пелльтан¹ были творцами или соучастниками июньских избиений, восемнадцать лет тому назад; что скептику Пикару в высшей степени на все наплевать, как он это заявляет всякому, кто согласен его слушать; что высокомерный и тщеславный Жюль Ферри² еще недавно обзывал «париками» республиканцев, не слишком доверчиво относившихся к либеральной империи; что Гамбетта только к тому и стремится, чтобы создать себе политическую карьеру какой угодно ценой и что наивный и любопытный Глэ-Бизон с полным безразличием пройдет через эту политическую авантюру, в которую он не верит.

Что же касается Рошфора, которого извлекли из Сент-Пелажи³ и навязали коллегам, вовсе к этому не стремившимся, то совершенно очевидно, что он не будет иметь на них никакого влияния. В лучшем случае он послужит им ширмой, как в былые времена Луи Блан и рабочий Альбер Временному Правительству 1848 года.

— Что с тобой и почему у тебя такой мрачный вид, когда все кругом радуются? — говорят мне жена и мой младший сын.

Они возвращаются, потрясенные манифестациями, которые они видели на бульварах.

— Мой милый друг, ни когда еще настоящая, столь дорогая для нас Республика, не подвергалась большей опасности, чем та, которая ждет ее теперь, если мы не будем осторожны

Вечером, 4-го сентября зал собраний рабочей федерации на площади Кордери дю Тампль переполнен членами секций и революционными социалистами, желающими обсудить положение.

Левердэ, Белэ, Толэн, Мюра, Камелина, Брион⁴ выступают один за другим.

¹ Умеренные республиканцы, ненавистники социализма, впоследствии члены Правительства Национальной Обороны. (Прим. перев.).

Жюль Ферри — один из депутатов «левой» (в Законодательном Корпусе), член Правительства Национальной Обороны и мэра Парижа в момент революции и 18 марта. (Прим. перев.).

¹ Тюрма Сент-Пелажи (в Париже). (Прим. перев.).
¹ Левердэ — радикал, Белэ — прудонист (член Интернационала), Мюра — прудонист, Камелина — рабочий-бронзовщик (член Интернационала), Брион — видный клубный оратор, социалист. (Прим. перев.).

Брион, один из немногих среди нас, кому удалось проникнуть в Ратушу в момент прибытия депутатов Парижа, рассказывает перипетии захвата ими власти.

По его словам, он попытался помешать этому новому покушению на верховную власть народа, но окружавшая депутатов толпа в большинстве состояла из преданных им людей и своим криком заглушала его протесты. Он не мог заставить выслушать себя.

Эммануэль Араго * тотчас по прибытии вытаскивает из кармана красный шарф и бросает его своему дяде Этьену со словами: «Бери, Этьен, я назначаю тебя мэром Парижа».

Таким образом, неожиданно для всех, управление великим городом передается в руки старика, явно неспособного и совершенно не отвечающего требованиям момента.

Гражданин Шарль Белэ, перед которым, благодаря его медали депутата 1848 года, раскрывались двери, закрытые для других, подтверждает рассказ Бриона.

Эта революция — лишь новый фарс.

Но во избежание грозящего чрезвычайными осложнениями конфликта, лучшее, что мы можем сделать, это попытаться организовать такую силу, которая бы заставила Ратушу² отнестись к обороне Парижа и Республики достаточно серьезно.

В этом смысле высказываются все присутствующие граждане. Тут же решено, хотя никто и не обманывается на счет возможных результатов, обратиться с воззванием к немецким рабочим — напомнить им о заявлении главы их нации, что он воюет с императором, но не с народом, указать, что нападение на французскую территорию придало бы войне национальный характер, и они должны бы л и бы отказаться от нее, во имя солидарности, объединяющей рабочих всего мира.

Призыв этот, без сомнения, не может иметь отклика, потому что он почти наверно даже не дойдет до тех, к кому он обращен. Но хорошо, во всяком случае, что он сделан парижскими рабочими, еще раз подтверждающими желание увидеть то время, когда, наконец, прекратятся эти братоубийственные войны, одинаково истощающие и победителей и побежденных и выгодные лишь их правителям.

Затем принято второе решение, более практического характера.

Решено послать делегацию к представителям новой власти и об'явить им, что, оставляя в стороне, в виду трудности положе-

ни'я, вопрос о законности присвоения ими власти, им может быть оказано содействие на следующих условиях:

«Выборы муниципальных советов, обязанных немедленно приступить к формированию и снаряжению батальонов национальной гвардии.

Немедленное упразднение полицейской префектуры и передача ее обязанностей муниципалитетам.

Упразднение нынешней магистратуры и замена ее выборными судьями.

Отмена всех фискальных и репрессивных мер в отношении печати, в отношении права собраний и союзов.

Упразднение всякого бюджета вероисповеданий.

Уничтожение, а не амнистия, всех обвинительных приговоров и прекращение всяких политических преследований за действия» совершенные до 4 сентября».

В час дня Гамбетта принимает депутатов. Он им отвечает» что в отношении прессы, собраний и союзов все права фактически осуществлены с падением Бонапарта, что декрет об амнистии печатается в настоящую минуту в Национальной типографии и будет через несколько часов опубликован.

Что же касается других мероприятий, то в виду серьезности их характера, они требуют обсуждения. В них заинтересована вся Франция и Национальная Оборона не может присвоить себе право предписать их осуществление. Но, само собой разумеется, злоупотребления, с этого момента, будут прекращены.

Постоянно та же комедия: эти господа считают себя вправе захватить во имя народа, власть, но воспользоваться ею для его освобождения от вековых оков — • это уж другое дело. Сомнения тотчас же овладевают их совестью и это продолжается до тех пор, пока они, укрепившись, в свою очередь, не закуют в цепи подвластных им.

От таких л ю д е й этого и следовало ожидать. И к тому же ветер дует сейчас не в сторону Революции. Все у м ы заняты лишь этим роковым нашествием.

Сам Бланки захвачен этим.

Первый номер его «Отечество в опасности» начинается с заявления о полной солидарности с Национальной Обороной.

И он также полагал, что иначе не могло быть.

Почему же империя пала п р и таких условиях?

6 сентября 1870 г.

Член правительства Национальной Обороны. (Прим. перев.).

Ратуша: подразумевается правительство заседавшее в Ратуше.

(Прим. перев.).

На мой взгляд вчера вечером на < улице Омэр было много сделано. А между тем начало собрания было далеко неблестящим. Лишь только заседание открылось, какой-то неизвестный смутьян

поднял крик: «полиция!» и, не проявив бюро энергии, все бы бросились врассыпную, до такой степени мало у людей уверенности, что право собраний на время, по крайней мере, вновь завоевано.

Когда паника улеглась, стали обсуждать вопрос о способах создания революционной силы, которая бы толкнула на чисто республиканский путь это правительство мошенников, несомненно, способных на всякого рода подлости, если за ними не будет серьезного надзора.

Решено было предложить каждому из 20 округов Парижа образовать наблюдательный комитет для проверки действий новых, беззащитно навязанных Ратушей муниципалитетов. Выступление по этому поводу делегации Кордери не было, разумеется, принято Ратушей во внимание.

А между тем, вопрос о выборах, на которых она настаивала, для организации этих муниципалитетов вовсе не требовал для своего разрешения мнения всей Франции.

Но эти господа из Оборона нашли более удобным, чтобы в мэриях были лишь преданные им люди.

И бывший лионский ткач Греппо, неистовый Греппо, единственный товарищ Прудона в знаменитом голосовании 8 июля 1848 г.¹ не побоялся принять, отрекаясь таким образом от своего прошлого, пост мэра 4-го округа и сделаться лакеем этих негодяев, собирающихся вторично предать народ и Республику.

Следовательно, эти 20 наблюдательных комитетов станут со своей стороны чем-то вроде революционных муниципалитетов. Они будут собирать всевозможные сведения о действиях официальных властей и сообщать их для выяснения их истинного характера Центральному Комитету, состоящему из делегированных и м и представителей Задачей этого Центрального Комитета, в свою очередь, будет координирование всех действий, направленных против реакционных происков Ратуши, или же изобличение ее перед парижским населением.

Если будет достигнуто соглашение по поводу этого весьма удобоисполнимого плана, можно будет, кажется, заставить Трошу и его сторонников вести себя, как следует.

Днем, в кафе «Мадрид», я встретил Жаклара²

Он покинул 4-го утром Женеву и направился в Лион, где тотчас же завязал сношения с местными революционерами.

Повидимому, в этом городе не желают опять подчиняться, как в 1848 г., фантазиям новых, более или менее чрезвычайных

¹ Имеется в виду голосование в интересах рабочих об отсрочке платежей и уменьшении наемной платы за квартиры. (Прим. перев.).

² Виктор Жаклар — видный бланкист, во время осады помощник мэра 17 округа, во время Коммуны начальник 17-го легиона. (Прим. перев.).

комиссаров, присланных этими парижскими господами. Революционеры собираются создать Коммуну, которая будет управлять городом и подготовит его к обороне. В крайнем случае они допускают, что агент из Парижа просто будет играть роль посредника в тех случаях, когда дело будет идти о согласовании способов обороны всей территории. Но они решили силой противодействовать проконсулу Шальмель-Лякур, которого им собираются послать; он, подобно своим предшественникам, во имя ответственности, которой на него вовсе не возлагают, будет лишь мешать деятельности на месте под предлогом ее регулирования.

В виду этого они послали граждан Жаклара, Андрие и Альбера Ришара, чтобы поставить господ из Ратуши в известность о своем плане действий.

Жаклар знакомит меня с обоими своими товарищами, известными мне лишь по имени.

Альберт Ришар — интернационалистская знаменитость \ Андрие — радикал, приобретший известность лишь со времени последних лионских выборов в законодательные учреждения, объявивший себя социалистом отчасти, по-моему, в интересах успеха своей кандидатуры.

— Будьте стойки, — говорю я спутникам Жаклара, которые завтра утром должны отправиться в Лион, будьте стойки, и надеюсь, что скоро и мы сможем последовать вашему примеру и сбросить гадов, засевших в Ратуше.

— Не вздумал ли ты, в самом деле, отнестись серьезно к этим людям, — говорит мне Жаклар, провожая меня.

— Почему бы нет? Я вижу их впервые и не могу ведь знать насколько они искренни.

— Дорогой мой, погляди на того, с длинными и уже седеющими волосами, несмотря на то, что ему, по-моему, немногим более тридцати лет. Это — Андрие. И вот он повидался с Кремье тайком от своего товарища, а тот, в свою очередь, тоже украдкой побывал у Гамбетты. У Андрие, лежит уже в кармане назначение на пост прокурора лионского судебного округа.

— А другой, Альбер Ришар?

— Ну, этот возвращается ни с чем. Ему была предложена всего лишь суб-префектура. По его мнению, заслуги его были и недостаточно оценены и он будет там попрежнему бесноваться, но думаю, что дело его все равно проиграно. Его коллега не постесняется его разоблачить.

Бедные лионцы! Их обошли точно таким образом, как парижан.

Одобренный на улице Омэр проект имел успех. В каждом округе Парижа имеется свой наблюдательный комитет и уже назначены делегаты этих комитетов в Центральный Комитет, заседающий постоянно в Ля-Кордери в помещении, снятом у Рабочей Федерации, собрания секций которой отложены до окончания войны.

Этот распад рабочих объединений является еще одним из губительных последствий военного положения, в котором мы находимся. Если бы они могли развиваться еще года два, то, разумеется, были бы в состоянии помешать насилию политических дельцов в надлежащий момент.

Как трудно будет восстановить все это впоследствии!

Комитет 4-го округа, в котором я живу, послал в Центральный Комитет меня в обществе гражданина Адольфа Клеманс, рабочего — переплетчика, художника и библиографа, члена Интернационала и автора замечательного доклада на всемирной выставке 1867 года по своей специальности.

Он друг Варлена.

Нашим товарищем является также гражданин Эжен Жирарден, маляр. Он рабочий, трудолюбивый, интеллигентный, но мало общительный, его образ мыслей никому в точности неизвестен. Говорят, будто он находится в сношениях с клерикалами, но узнать что-нибудь определенное — трудно.

Окружные комитеты, разумеется, на самом худшем счету у официальных муниципалитетов — еще одно доказательство их пользы.

Реакционный дух господствует или же, во всяком случае, имеется налицо во всех муниципалитетах. Особенно много встречается лже-республиканцев, католиков в духе Жюля Фавра. Это худший вид реакционеров. Их следует остерегаться больше, чем явных монархистов.

Что касается клерикалов, то не следует никогда забывать, что политический строй для них имеет мало значения — лишь бы власть была в их руках.

К тому же никто в этих муниципалитетах, равно как и в Ратуше, за самыми малыми исключениями, не верит в возможность для Парижа выдержать длительную осаду или, вернее, там, в общем, желают обратного.

Общее стремление всех, кто управляет и распоряжается Парижем — по возможности скорее капитулировать, чтобы не дать восторжествовать Революции, в случае, если Париж своим сопротивлением спасет Республику.

И это общество трусов спешит наперебой поздравить Жюля Фавра по поводу постыдного шага, только что предпринятого им

перед Бисмарком в Феррьерере \ В общем, всем понятно, что его знаменитая фраза: «ни пяди нашей земли, ни камня наших укреплений» служит лишь для прикрытия неудачи его недостойного и унижительного поведения. Этот человек заслужил, чтобы его расстреляли как собаку.

Если эти люди не верят в возможность борьбы, то пусть удалятся, пусть отрекутся от власти, которую они согласились принять, говорят эти истые иезуиты, лишь из патриотизма. Пусть они предоставят Парижу спасаться самому, в нем достаточно сил и умов, чтобы попытаться счастья с наибольшим вероятием успеха.

Продолжая держаться тактики, усвоенной и мной за два последних года империи, эти господа из Ратуши, в попытках уничтожить в самом начале влияние Комитета Кордери, распространяют устами своих низших агентов на публичных собраниях слухи о том, что в состав Комитета входят подкупленные империей лица.

Особенно выделяется из этой породы некто Жермен Касс, который имеет наглость называть суммы, переданные, по его словам, императорской полицией Бриону, Гальяру отцу и Валлесу².

Когда этого плута заставили повторить свои гнусности перед всем Комитетом и пред теми, кого он пытался загрязнить своей слухом, он вынужден был сознаться, что по отношению к Бриону и Гальяру у него нет никаких доказательств. Что же касается Валлеса, то все сводится к сплетне, что какой-то шпион якобы внес некоторую сумму полицейского происхождения в кассу комитета, выставившего в 1869 г. своего кандидата против Жюля Симона.

Господин Жермен Касс, само собой понятно, не мог установить, что Валлес когда бы то ни было имел хотя бы малейшее отношение к этому шпиону.

Вот к каким средствам стали прибегать эти люди.

После того, как гнусная роль Касса была выяснена, ему предложили воздержаться от нового появления в Кордери, если он не желает, чтоб ему, в конце концов, воздали по заслугам.

Чтобы решительно покончить с такого рода проделками, Кордери посылает гражданина Белэ и несколько других лиц к пра-

¹ В Феррьерере (под Парижем) в конце сентября 1870 года состоялось свидание между Ж. Фавром и Бисмарком по вопросу о заключении мира, которое не привело ни к каким результатам. *(Прим. перев.)*.

² Жермен Касс — студент бланкист. Брион — клубный оратор. Гальяр — старший — тоже. Валлес — видный журналист. (Обвинение, конечно, ни на чем не основанное, брошенное некоторыми бланкистами по адресу более мирных, прудонистски настроенных интернационалистов). *(Прим. перев.)*.

вительству Обороны с требованием обнародовать дела о всех, кто с 1852 года занимался политикой, начиная с Вермореля и наиболее известных ораторов публичных собраний.

Люди 4 сентября, прижатые, таким образом, к стене и не имея никакой возможное™ увильнуть, так как префект полиции Кер? три их человек, вынуждены объявить в «Официальной Газете»¹ что в политических делах Вермореля и других граждан, о которых идет речь, нет ничего, что послужило бы основанием для распространяемых клеветнических слухов.

Но почему бы не опубликовать дел? Это было бы более лояльно и более ясно.

Повидимому, это абсолютно не устроило бы тех, кто нас оклеветал

И действительно, не только дела эти не будут опубликованы, но и префект Кератри только что подал в отставку, после опубликования уничтожающего доклада против политической полиции. Ее злоупотребления вызвали отвращение в нем, руководителе мексиканской партизанской войны. Они, повидимому, уж очень грязны.

Мне только-что встретился земледелец из Бри, находившийся в состоянии настоящего бешенства

В виду непрерывного продвижения пруссаков к Парижу, можно почти точно установить момент, когда мы окажемся осажденными. Земледельцы, живущие дальше чем в 10 лье, естественно намерены убрать свои запасы и скот вместо того, чтоб ожидать пока неприятель придет их взять.

Итак, мой знакомый увозит семью, багаж и припасы, но у заставы его останавливают, задерживают его фураж и скот, требуя, чтобы он сначала внес около 1.500 франков за право в'езда.

Полторы тысячи франков - слишком большая сумма, когда жатва только что окончилась, а все сделки прерваны со времени наших первых неудач, т.-е. уже больше месяца Он сначала думает, что это мистификация и собирается ехать дальше, но ему просто на просто угрожают арестовать его и забрать его повозки.

- Но я вам выдам, — говорит он, - долговую расписку на требуемую вами сумму и вы ее удержите с полученного от продажи.

Не хотят ничего слушать Является начальник бюро «Не получено никакого распоряжения на этот счет после 4 сентября. Пошлина существует попрежнему и невозможно в'ехать не заплатив».

¹ Правительственная газета во Франции (начиная с конца II империи и по сие время) (При н перт).

Извозчики вынуждены повернуть оглобли и возвратиться домой. Пруссаки будут более сговорчивы.

- Неужели, - спрашивает меня в заключение этот честный земледелец, - ваши республиканцы до такой степени глупы? Прочем, мне сейчас сказали, что ваш новый мэр, гражданин */раго - сочинитель водевилей - тогда это неудивительно 1.

Военные власти со своей стороны распорядились арестовать всех, кто осмелится выкапывать овощи и картофель еще неубранный за недостатком времени огородниками, покинувшими свои жилища, чтобы укрыться среди нас.

Конечно, надо же и этим честным пруссакам тоже жить.

Воистину, сколько предупредительности по отношению к врагу.

Может быть, это было обусловлено между Жюлем Фавром и Бисмарком в Феррьере

19 сентября 1870г.

Теперь уже сомнений быть не может. Оборона устами господина Жюля Ферри, мастера на все руки, откровенно призналась, что не верит в возможность сопротивления Парижа

Командиры батальонов народных кварталов и делегаты Кордери явились вчера в Ратушу с предложением, в виду полной блокады Парижа спешно принять нижеследующие чрезвычайные меры экспроприировать в общественную пользу все с'естные припасы, находящиеся в данное время в частных помещениях или же в государственных складах, выдав нынешним владельцам подробную расписку на взятые товары, чтоб впоследствии установить их стоимость по оценке или же по накладной;

избрать в каждом участке комиссию, которой было бы поручено произвести эту опись и объявить владельцев упомянутых товаров впредь ответственными перед муниципальной администрацией за их целость;

распределять экспроприированные таким образом припасы между всеми жителями по мере надобности;

долю каждого определить принимая во внимание количество с'естных припасов и вероятный максимум длительности осады;

приостановить все работы, кроме относящихся к нуждам обороны, как то: устройство насыпей, военное снаряжение, выделка и починка оружия;

послать делегатов в провинцию с целью ознакомить ее с мерами, принятыми Парижем для продления обороны, и убедить

прибегнуть к таким же мерам везде, где в Т О М явится надобность, приблизив этим час освобождения страны.

Делегация особенно настаивала на мерах, касающихся распределения пищи в Париже, что вызвало ответ Ферри:

— Распределять. Что именно? Не далее чем Через две недели парижанам нечего будет есть.

— А запасы, сделанные Клеманом Дювернуа, когда он был в министерстве торговли, — спрашивает один из делегатов.

— Это — выдумка. Он не сделал никаких запасов

— Повторяю, — говорит он, — не пройдет и двух недель, как Парижу придется сдаться, если он не захочет умереть с голода.

Сегодня вся пресса, за исключением «Пробуждения», «Отечества в опасности», «Борьбы» и еще нескольких революционных листков, называет авторов этих предложений ворами и разбойниками. Господин Молилари в «Дебатах» написал следующие поразительные слова: «Распределение, которого добиваются эти господа, произойдет естественно путем повышения цен на продукты по мере их исчезновения с рынка».

О, святая экономия! Вот куда ты приводишь своих адептов Плут ли этот человек или же просто идиот?

Нужно думать, что и то и другое

Я только что провел сутки на укреплениях со своим батальоном — бывшим 22-м.

Когда мы отправлялись на назначенный нам пост — к Шатильонским воротам — произошел забавнейший случай, который весьма показателен для состояния умов нашего командования.

Перед отходом командир знакомится с нами. Отставной полковник, толстяк, около шестидесяти лет. У него налитое кровью лицо, но в общем довольно добродушный вид, — то, что, если не ошибаюсь, на казарменном языке называется «тюфяк».

Делеклюз, имевший с ним дело в Тулоне в 1856 г., когда он ожидал своей отправки в Кайенну, уверял меня, что тогда его поведение было прилично.

Познакомившись с нами, бывший полковник, ставший нашим батальонным командиром, произносит речь, в которой он поручает Республику покровительству богматери и Христа, «первого республиканца» Я, единственный, протестую против этого глупого обращения. Мне не дают кончить и угрожают предать в о е н н о м у суду. Это было бы забавно. Командир вскоре, однако, замечает, что такая угроза смешна и начинает меня уверять, что он больше республиканец, чем я думаю — обстоятельство для меня весьма безразличное

} 1 Йы подходим к сектору, в котором расположены Шатильонские ворота. Накануне авангард сражался на холме над Кашаном ' Говорят, что бретонские мобили довольно быстро отступили. • Бедные ребята' им нужно время, чтобы привыкнуть, а заодно и позабыть те молитвы, которыми их напутствовали священники по дороге сюда.

Мы и сами, впрочем, не очень-то доблестны, а между тем мы находимся в стороне от сколько-нибудь серьезной опасности.

Не то, чтоб мы были и трусы, но голова набита рассказами об осадах, с которыми с военной точки зрения наша не может, вероятно, иметь ничего общего.

Приходит, например, на ум, что пруссаки, пользуясь темнотой, могут бесшумно подойти к укреплениям и попытаться взять их уступом.

Наши часовые, выставленные у ворот, принимают, благодаря темноте, увеличивающей и искажающей очертания, за врага всякую замеченную ими по ту сторону рвов неровность почвы.

Один видит, как блестит ружье притаившегося будто за кустом человека. Другой слышит вдали, во мраке, топот всадника, несомненно производящего разведку. Тогда начинаются бесконечные сигналы к тревоге, перепуганное «кто идет?» и дело доходит до приводящих всех в смятение выстрелов. А после смеются над напрасной тревогой и вышучивают ее виновников. Все это нелепо и этого можно было бы избежать, еслиб вновь прибывающие знакомились с местностью днем.

» Но, быть может, предпочитают, чтоб это было так

Сделать нас смешными в наших собственных глазах — средство не хуже всякого другого, чтоб лишить нас бодрости. Оборона имела это, вероятно, в виду.

Наши правители назначили себе по две тысячи франков в месяц. Спрашивается, к чему такая сумма, раз люди и утверждают, что в Париже не хватит припасов и на две недели и на каком- основании она установлена.

А национальным гвардейцам, жившим лишь своим насильственно прекращенным трудом, назначили по 30 су в день, да еще взымают к и х _ патриотизму, убеждая не брать этих денег, если они в состоянии без них обойтись.

Нужно прочесть прокламацию Этьена Араго по этому поводу — это неслыханная глупость

Вначале предполагалось даже выдавать это жалованье лишь тем, кто его специально требует. Затем, однако, устыдились этого гнусного приема и отказались от него

Жалованье выдается всем солдатам. Не нуждающиеся передают его в товарищеский совет, имеющийся в каждом батальоне,

»и, таким образом, создается нечто вроде кассы взаимопомощи для товарищей, которые не в состоянии обойтись своими 30 су.

Всем становится понятным, что Оборона одна не в состоянии справиться с запросами создавшегося положения. Мало-по-малу в умах созревает проект присоединить к ней коммунальную делегацию, чтоб ей помочь и даже чтоб проверять ее действия.

Вчера же было решено устроить по этому поводу демонстрацию в согласии с батальонными командирами и делегатами Кордери.

Между тем, вчера утром в газете «Отечество в опасности» была помещена передовая статья под заглавием: «Не надо выборов». Передовая статья, решительно враждебная всяким выборам, даже коммунальным. В виду того, что Бланки председательствовал в заседании, в котором должны были и обсуждаться шаги противоположного характера, его просят разъяснить противоречие между его поведением и статьей его газеты. Он отвечает, что статьи этой не читал, и что он тут не при чем.

Итак, сегодня вечером мы, в количестве около двухсот человек, вышли, как это было вчера условлено, из мэрии на улице Друо, места нашего сбора. Ратуша поручила Гамбетте, Пикару и Ферри принять нас. Мы объясняем этим господам явную необходимость присоединить к ним выборный коммунальный совет, которому будет специально поручено озаботиться защитой Парижа. Благодаря этому у них будет больше времени сговориться обо всем, что касается общей обороны территории с обоими их коллегами, посланными в Тур в качестве представителей центрального правительства.

Мы напоминаем Пикару об его выступлениях в пользу муниципальных свобод во времена империи и о том значении, которое имело бы в данном положении предоставление Парижу большей инициативы. Завязывается довольно оживленный спор с Гамбеттой о своевременности мероприятия, о котором идет речь. Он отговаривается ответственностью, выпавшей на долю Национальной Обороны. Мы напоминаем ему, что никто им этой ответственности не навязывал и что именно для того, чтоб их от нее в некоторой мере избавить, мы и требуем присоединения к ним выбранного Парижем коммунального совета.

— Мы не можем принять такое решение, не посоветовавшись с нашими коллегами, — отвечает нам Гамбетта и Пикар. — Мы просим вас подождать, несколько минут, чтоб это обсудить.

Он и удаляются. Одни лишь Ферри остается с нами и заводит довольно резкий разговор с Бланки. Он ставит ему в вину присоединение к нашей манифестации, между тем как до сих пор Бланки сам был против всяких выборов.

Он, без сомнения, уже признал после того свою ошибку.

Во время совещания членов Обороны я замечаю частое появление двух батальонных командиров: господина Жермена Касса, присутствие которого среди нас довольно подозрительно, и гражданина Франши-Маньяда, фабриканта галантерейных вещей в Марэ, человека, как мне сказали, целиком преданного господам из Ратуши.

Совещание, к нашему удивлению, затягивается и мы начинаем терять терпение.

Вдруг разговоры прерываются звуком пушечного выстрела, что, впрочем, случается нередко.

Господин Касс, становясь тогда в позу циркового актера, восклицает: «Граждане, мы рассуждаем, а наши братья в это время сражаются. К укреплению! К укреплению!»

Как ни смешна эта выходка, большинство батальонных командиров на нее попадают и следуют за этим шутком, несмотря на наши усилия их удержать. Ферри исчез — он присоединился к своим коллегам. Затея, придуманная ими и этим фиглярном Касс, удалась. Наша попытка ни к чему не привела.

Повидимому, единственное, что остается сделать, это выбросить этих людей за окно; но поймут ли это, когда-нибудь, парижане?

Гамбетта отправился из Парижа на воздушном шаре, в сопровождении бывшего бланкиста, Ранка, ныне цепляющегося за фалды этого выскочки.

Они оба согреют двух мерзнущих там, в Туре, стариков, Кремье и Глэ-Бизуана, вокруг которых цвет реакции делает все, что в его силах, чтоб под видом патриотизма парализовать деятельность республиканцев и истинных патриотов.

Справятся ли молодые лучше, чем старики? Они захотят быть искусными, тогда как следовало бы прежде всего быть прямыми.

8 октября 1870 г.

Еще одна неудача, и на сей раз по вине батальонных командиров, не сумевших принять вб-время решение.

Эта нерешительность повлекла за собой ложный шаг Кордери, упорствовавшей в своем стремлении овладеть Ратушей, между тем как сил, на которые она рассчитывала, не оказалось налицо. На ее призыв ответило всего от 7 до 8 тысяч человек, к тому же недостаточно вооруженных.

Им пришлось уйти ни с чем.

Можно было, впрочем, предвидеть, что распыление революционных сил по батальонам, комитетам снаряжения и наблюдения неизбежно повлечет за собой гибельные для общего дела недоразумения и промахи.

На какого чорта Валлес, Милльер, Варлен, Ранвье, Бланки, Жаклар вбили себе в голову, что им следует согласиться на избрание их батальонными командирами?

Они думали, что владеют силой, между тем как это она ими владеет: им пришлось заняться тысячей организационных мелочей, которые до сих пор бы ли им совершенно чужды. К тому же они имеют дело с затаенной враждой подчиненных им кадров, которые состоят, в общем, из бывших офицеров и унтер-офицеров императорской армии, настроенных против республики, особенно же против революции. Эти лю д и умудряются оставаться безответственными пред солдатами за все несчастья, истинными виновниками которых они сами являются.

Брион был, на мой взгляд, более прав. Надо было оставить на своих местах бывших военных, более способных или, по крайней мере, более исполнительных по службе и бороться с их реакционными тенденциями путем вхождения в армейские товарищеские советы, распространять в них новые идеи и, таким образом, направить эту вооруженную силу на службу революции.

Реакция уже сделала свое дело, и наши друзья на подозрении у тех, кто их избрал.

Бланки, Жаклару, Валлесу пришлось подать в отставку. Правда, они были переизбраны, но нападение будет возобновлено.

Не будь этого распыления наших сил, мы может быть могли бы сегодня избавиться от предающих нас диктаторов.

Между тем, даже в рядах буржуазии имеется большое количество людей, относящихся всерьез к обороне и готовых ради нее всем пожертвовать.

Все, живущие личным трудом из среды буржуазии — коммерсанты, фабриканты, артисты — делают добросовестно свое дело. Но это топтанье на месте деморализует и раздражает решительно всех. К несчастью до сих пор еще не додумались взяться за прямых виновников создавшегося положения.

В Париже около пятисот тысяч вооруженных здоровых людей; столько же регулярных войск, сколько мобилей*¹ и национальных гвардейцев. В снаряжении нет недостатка. Если же пушек, как говорят, слишком мало, то имеются деньги, металлы и руки, чтобы их отлить. П о в с ю д у открыта подписка; деньги стекаются. Вооружением заведует инженер Дориан и все сходятся в его оценке, как способного и преданного своему делу человека.

Но в военном управлении все не налажено. Производится ли какая-нибудь вылазка — в самый разгар сражения подается сигнал к отступлению и все, таким образом, превращается в бесполезную потерю людей.

¹ М о б и л и — подвижная (мобильная) национальная гвардия департаментов
(Прим. перев.).

""Фортам запрещено стрелять по неприятелю, совершенно спокойно, благодаря этому, строящему свои редуты и окопы.

Запрещено даже стрелять по провиантским обозам.

Как же не зародиться в умах м ы с л и о прудумышленном предательстве со стороны военачальников и их сообщников в Ратуше.

Самые умеренные, но искренние республиканцы начинают, наконец, понимать, что поведение правительства необ'яснимо.

На пленарном собрании окружных комитетов, состоявшемся недавно в зале Арра, Локруа из «Призыва», которого никто, разумеется, не назовет бунтарем, и тот высказался за скорейшее избрание Коммуны. М ы с л ь эта прокладывает себе дорогу. Осуществится ли она во-время?

Я покинул слишком уж реакционный 22-й батальон и вступил в артиллерию.

Но увь! Это значит попасть из огня да в полымя.

Вот уже совершенно незаслуженно артиллерия, национальной гвардии слывет республиканской.

К тому же возымели остроумную идею поставить во главе ее защитника негров Шелхера, настоящего квакера, которому костюм протестантского пастора был бы гораздо более к лицу, нежели мундир артиллериста. О д н и м из начальников штаба у него состоит привратник Поземельного Кредита, гордо выставляющий на груди крест почетного легиона, который, как говорят, им, унтер-офицером, честно заслужен 2 декабря. Нежность, испытываемая, находящимися с 4 сентября у власти республиканцами ко всему, что отдает полицией и бонгпарчизмом, поистине назидательна. Они, несомненно, таким образом, берут у них уроки для своих будущих переворотов и планов предательства.

24 октября 1870 г.

Феликс Пиа в сегодняшней «Борьбе» сообщает ужасную весть, полученную им, по его словам, из верного источника, называть который он не имеет возможности.

Мец, неприступный Мец, сдался или, вернее, был предан тем, кого еще вчера Оборона, в своих прокламациях, называла «славными Базеном». М е ц , в котором находилось 270.000 вооруженных людей, в тем числе и национальная гвардия, был сдан, без каких бы то ни было условий, с армией и обозами.

Это невозможно. Но почему не назвать имени того, кто это сообщил? Неужели можно себе позволить умолчание по этому вопросу в такое время?

28 октября 1870 г.

Ратуша отрицает сдачу Меца. Это весьма просто и следовало к этому быть готовым. Но Оборона идет дальше: она предает автора этой лжи общественному негодованию, «гнушаясь предать его военному суду». Это подлинный призыв к убийству Пиа.

Толпа идиотов или, может быть, агентов, ринулась сегодня утром на улицу Тиктоннь, чтобы расправиться с изменником. К счастью Пиа это предчувствовал. Его не нашли, но служащим пришлось пережить довольно скверные четверть часа, и касса была разграблена.

29 октября 1870 г.

Сегодня большое смятение. Весть — правильная или ложная — о сдаче М е ц а моментально забыта.

Все в восторге: Бурже отбит у пруссаков. Почему это известие меня не радует? Неужели же я стал плохим патриотом? Нет. Но местность эта, которая находится на небольшой возвышенности по Суассонской дороге, мне хорошо знакома, и я не могу понять значения, приписываемого ей со стратегической точки зрения. Впрочем, я ведь ничего не смыслю в военном искусстве и, без сомнения, ошибаюсь. Будем надеяться.

30 октября 1870 г.

Вот и генерал Шмидт, правая рука Трошю, тоже полагает, что Бурже не имеет стратегического значения и предлагает парижанам утешиться по поводу вторичной его потери. Пруссаки овладели им после ожесточенной борьбы, в которой напрасно погибло свыше 200 наших.

Каким же образом то, что вчера еще имело такое значение, потеряло сегодня всякую цену для наших военных знатоков?

И тогда к чему столько бесполезных человеческих жертв? Эти господа, очевидно, издеваются над нами.

Когда же Париж решит расправиться с этими негодьями?

7 ноября 1870 г.

Увы, парижане хотели этого. Гнусная Национальная Оборона осталась хозяином положения. В лучшем случае вчерашний день отстрочил катастрофу, но Париж все же будет сдан Бисмарку.

Да погибнет Франция, да погибнет Республика — была бы спасена собственность. Да здравствует Трошю! Да здравствует

Жюль Фавр! Да здравствует вся шайка из Ратуши: мешок и касса в целости.

Но и сколько же ошибок допущено революционерами в роковой день 31 октября, который так славно был начат и так печально кончился.

Утром Оборона признала в прокламации, что она лгала, отрицая сдачу Меца.

О н и и хладнокровно подстрекали к убийству Феликса П и а и называли опубликованное им в «Борьбе» известие ложью, между тем как оно лежало у них в кармане.

Да, М е ц , с его значительной армией и припасами был предан Базеном. Да, «славный» маршал также нашел, что лучше предать свою страну, чем защищать Республику.

Но одновременно с вестью, об этом ужасном несчастье Оборона сообщила вчера парижанам, что и она, шествуя по стопам предателя, со своей стороны, собирается выдать их врагу, заключив с этой целью перемирие. Тьер был посредником в этой гнусной сделке.

Это было условием для получения парижанами хлеба, которого они чуть было не лишились, по наглomu утверждению бандитов из Ратуши, прекрасно сознающих, что они и в данном случае лгут, как лгали 29-го по поводу Меца.

Когда Париж узнал об этих чудовищных замыслах против его чести и свободы, он ярко вспыхнул от негодования. П о в с ю д у раздался крик: выкинуть в окно эту гнусную Национальную Оборону.

И в 8 часов утра гражданин Вальян и я отправляемся в Кордери и предлагаем постоянному: бюро созвать срочно, не позднее чем к часу дня, Ч л е н о в Центрального Комитета.

По дороге мы встречаем Авриала, который нам сообщает, что его батальон готов двинуться на Ратушу.

Затем мы идем в «Борьбу», чтоб там составить от имени Комитета воззвание к парижанам.

Гражданина Пиа нет в редакции, но мы знаем, где его найти, и действительно находим у его двух друзей на улице Сент-Онорэ, где он скрывается с 28 октября. Он тоже намерен пойти к Ратуше, во главе народа, но с тем, чтоб потребовать от Обороны восстановления своей чести.

Известие о сдаче Меца П и а получил от Флуранса, которому оно было сообщено Рошфором. Он поклялся не называть ничего имени.

Какое значение все это. может теперь иметь? Дело ведь не в том, чтоб восстановить честь Пиа, которую л ю д и 4 сентября и не могли задеть ... Дело совсем в другом.

Необходимо, чтобы не позже часу дня весь Париж поднялся в поход против предателей. Местом сбора назначена Кордери. Феликс Пиа обещает там быть. От него мы спешим на улицу Тамплъ к гражданину Клерэ, у которого приютился Бланки.

Бланки тоже признал, что необходимо помешать Ратуше привести в исполнение свои проекты, но он не сторонник ниспровержения власти. Нужно лишь принудить правительство к совместной работе с коммунальным советом. Он обещает нам быть в Кордери, но сперва должен отправиться в свой батальон и сговориться с коллегами.

Везде сильное волнение. Даже муниципалитеты, ставленники Обороны, чувствуют, что не могут оставаться инертными. Они отправляются в Ратушу за объяснениями.

Со всех сторон прибывают делегации и заполняют площадь.

Внутри здания Этьен Араго стонет, как старая баба, ссылаясь на то, что он старый республиканец и бьет себя в грудь, чтоб убедить в своем патриотизме.

Жюль Симон со своей стороны парадирует пред о д н и м из входов в Ратушу. Он, стоя на стуле, обращается с речами к прибывающим делегациям. У него хватает дерзости клясться, что ни он, ни его коллеги никогда и не помышляли о сдаче Парижа, что предложение перемирия исходило не от них и членами правительства никогда не будет принято.

Среди тех, кто громче других кричит против перемирия, особенно выделяется гражданин Лянглуа, командующий 116-м батальоном. Как видно, его революционные чувства, наконец, снова победили.

В половине второго Центральный Комитет Кордери в полном сборе. Милльер раз'ясняет цель его созыва. Не приходится спорить о необходимости наступления на Ратушу. Удэ, с ружьем на перевязи, подает сигнал к выступлению и мы трогаемся в путь с криками: « Д а здравствует Коммуна! Долой Национальную Оборону!»-.

Я попадаю^ случайно, в первый ряд, рядом с гражданами Белэ и Вальяном.

По пути, у улицы Риволи мы встречаем национальных гвардейцев, возвращающихся с возгласами: «Да здравствует Республика!».

— К у д а вы идете? Отчего вы возвращаетесь?

— Все кончено. Оборона, по соглашению с мэрами, распорядилась приступить к выборам. Декрет появится сегодня вечером.

Это, должно быть, ловушка. Мы продолжаем двигаться вперед с криками «Долой Оборону!»-

*На площади нас горячо приветствуют. Ряды раздвигаются, чтоб дать нам пройти. Со всех сторон подымается один и тот же крик: «Долой перемирие, долой перемирие!».

Пред левым порталом вырастает маленький человек с целью помешать нам войти. Это — директор небольшого лицея Людовика Великого, некий господин Шеврио, ^реакционер чистой воды. Он, несмотря на пышный титул военного коменданта Ратуши, в сущности не что иное, как привратник Обороны.

Решетка поддается под нашим натиском и мы попадаем на лестницу, полную мобилей департамента Илль-э-Вилэнь. Их начальник, захваченный врасплох, не знает, как ему быть.

Орудя зонтом, который ими, вероятно, принимается за оружие и подталкиваемый здоровым парнем, гражданином Бра, я легко проталкиваюсь и п е р в ы м попадаю в большой парадный зал.

«Между двумя окнами образовалась довольно многочисленная группа. Это мэры и их помощники, снисходительно выслушивающие объяснения Трошю о незначительности Бурже, как стратегического пункта.

Устремившись прямо к ним, я спрашиваю, откуда у них терпение выслушивать чепуху, которую им мелет Трошю.

Эти люди, которые еще не знают о вторжении в Ратушу, и думают, что я в единственном числе, изумленно смотрят на меня. Трошю направляется ко мне:

— Вы кто такой, что осмеливаетесь так разговаривать?

— Я — «Народ», который явился, чтоб выбросить вас за окно.

И, не останавливаясь, я открываю настежь окна и машу снятым с шеи платком, в знак того, что мы хозяева Ратуши.

Жюль Ферри бросается ко мне в сопровождении Чернуски, бывшего в 1849 г. римским триумвиром и ставшего, вероятно, из-за финансовых спекуляций лакеем Обороны.

— Это вы, я вас знаю, — говорит мне Ферри,

— Чорт возьми! Ведь это я однажды принял вас в газете «Время» в передней за слугу.

И я собираюсь дать ему пощечину. Старый Массоль останавливает мою руку.

Между тем толпа хлынула в зал. Трошю, Ферри и Чернуски быстро исчезают. Господа мэры и их помощники, в свою очередь, следуют их примеру.

На ш у м прибегает Рошфор. Он влезает на стол и призывает толпу к сдержанности.

— Почему вы не позволили Пиа назвать вас по поводу Меца?

Рошфор пытается дать объяснения, но ш у м не дает возможности их услышать. Обессиленный, он удаляется.

Заняв оставленное им место, я провозглашаю низложение Обороны и предлагаю назначить комиссию, единственной задачей которой будет завтра же приступить к избранию «Коммуны». Она-то (Коммуна) и будет отныне управлять всеми делами под непрерывным контролем граждан — единственных вершителей судеб Парижа.

Это предложение встречается единодушными аплодисментами.

Имена Дориана, Ледрю-Роллена, Луи Блана, Бланки, Феликса Пиа, Гамбона, Делеклюза и Милльера одобряются одно за другим.

Группа лиц входящих в этот список, до такой степени разношерстна, что как список членов правительства он был бы нелеп. Но эта-то особенность и делает его приемлемым для комиссии, назначенной лишь для руководства выборами, которые должны состояться немедленно: он послужит некоторой гарантией лояльности баллотировки.

Повидимому, все это так и понимают снаружи, на площади, где список приветствуется, лишь только он становится известным.

Но нужно еще, чтоб указанные граждане были налицо и согласились принять мандат.

Их напрасно ищут. Появился один лишь Пиа и толпа его приветствует, но он торопится заявить, что пришел только с тем, чтоб заставить Оборону реабилитировать его пред всеми. Его не понимают.

Становится известным, что Дориан находится в небольшом боковом зале там же, где и Жюль Фавр, Жюль Симон, Жюль Трошю, Жюль Ферри — сколько Жюлей! — Эмануэль А'раго, Гарнье-Пажэс и Пельтан.

Тотчас же занимают этот зал и, таким образом, Оборона вся, за исключением спасшегося Пикара, взята в плен.

Их извещают о том, что они низложены и приглашают Дориана немедленно занять свой пост в ожидании прибытия его новых коллег.

Дориан делает вид, что не разбирается в положении. Он уверяет, что не может взять на себя столь тяжелой ответственности.

— У него нет, говорит он, никаких гарантий, что и-его вскоре не обвинят в измене.

— Вы ошибаетесь, возражают ему. Дело идет лишь об избрании Коммунального Совета, который один и будет впредь нести ответственность. Будете ли вы избраны или нет, нам неизвестно. Если, что вероятно, вас выберут, вы будете лишь властью исполнительной, задача которой — следить, под всеобщим непрерывным контролем, за выполнением постановлений Совета.

Он все еще притворяется, будто уверен, что станет властью имущим. Нет возможности сбить его с этой позиции: нет хуже

глухого, чем не желающего услышать — говорит пословица. Мн е это скоро становится я с н ы м — Д о р и а н ничего не понимает именно потому, что ему не обещают президентского кресла в новом правительстве.

Трошю, тот соглашается отказаться от своего президентства и звания парижского губернатора, которое он имел наглость сохранять после 4 сентября, и просит, чтобы ему, по крайней мере, оставили командование в армии.

Ему отвечают, что такое притязание ни на чем не основано.

Время, однакож, проходит. М е ж д у победителями и людьми Обороны завязывается беседа.

Верморель и я, продолжающий стоять на столе, напрасно пытаемся получить согласие Дориана, которым все разрешилось бы.

Правда, можно было бы разрешить все и и н ы м способом, а именно: разбить головы подлецам, доведшим до такого дня. Но нужно было бы, чтоб все окружающее было соответственно настроено для такого шага. В противном случае только уменьшится число мошенников, а ведь их так много! Если их смерть не приведет к каким бы то ни было серьезным результатам, то к чему она? Вот в чем вопрос. И действительно она бессмысленна.

Налицо явная осечка, как неизбежное последствие бесконечно затянувшихся разговоров.

— Пустите-ка меня посмотреть, — говорит мне какой-то гражданин, стаскивая меня за ногу. — Как зовут оратора? — спрашивает другой не знающий Вермореля.

Развязка, приходившая, быть может некоторым на ум, не была бы понята. Нужно от нее отказаться.

К тому же происшедший комический инцидент показывает, что умы не подготовлены к трагедии.

Под влиянием духоты Гарнье-Пажэсу делается дурно. «Воздуху, воздуху», восклицает его сосед Эмануэль Араго и сотни рук протягиваются, чтоб открыть окна. В это время какой-то мальчуган кричит: «пускай посидит на своем воротничке» и раздается всеобщий хохот. «Человек 45 сантимов» * и в самом деле знаменит* своим огромным воротником с острыми концами, из которого выглядывает его голова.

В д р у г о к о л о б У г ч а с о в д н я начинается давка. Это Флуранс, которого торжественно вносят его стрелки.

С 4 сентября он именуется «майором укреплений». Повидимому, ему это доставляет удовольствие и в то же время никому не приносит вреда.

Он взбирается, в свою очередь, на стол и провозглашает образование Комитета Общественного Спасения, читая список

¹ Налог, установленный республиканским в р е м е н н ы м правительством в 1848 году по предложению Гарнье-Пажэса. (Прим. перев.)

входящих в него имен. Во главе фигурирует его собственное. Затем следуют имена Дориана, Феликса Пиа, Бланки, Делеклюза, Виктора Гюго, Ранвье, Моттю, Авриала и Мильера \

Эти граждане несомненно стоят не ниже входивших в предыдущий список — некоторые уже там значатся. Лишь имя Виктора Гюго режет слух, так как он никогда не принадлежал к числу людей, на которых революция могла бы рассчитывать.

Но ведь это простая перемена имен. Идея остается та же, которая передала власть в руки людей, чье низложение сейчас лишь провозглашено.

Это власть, наследующая другой власти. Где же тут народ?

Мы опять в тупике. Жюль Симон, один из самых плутоватых среди сентябрьской шайки, хорошо понимает это, и насмешливая улыбка показывается на его губах. Ему, вероятно, кажется, что при этих условиях партия еще может быть выиграна.

Вслед за этим обращением Флуранс объявляет, что отныне люди из Обороны его пленники и он «отвечает за них головой». Присутствующие аплодируют. Мы в самом разгаре представления.

Я соображаю, что мне нечего больше делать, раз я сам упустил удобный момент. Я слезаю со стола, на котором занимает место Морис Жюли, субъект, не внушающий мне никакого доверия. Этот адвокат был поочередно бонапартистом, орлеанистом, республиканцем и даже социалистом в публичных собраниях. Он — талантливый писатель, если судить по его произведению: «Маккиавелли в аду» — весьма умной критике императорского правительства, произведению, правда, уже преданному забвению.

Уходя, я сталкиваюсь, носом к носу, с Гамбоном и Андрэ Мюра, стоящими рядом.

— Куда ты идешь? — спрашивает меня Гамбон.

— Ты же видишь, что я ухожу. У Флуранса имеется к его услугам сила. Возможно, что предприятие его удастся. Мне же теперь нечего больше делать.

Ах, почему не оказался на месте ни один из тех, которые должны были и быть в Ратуше несколько часов тому назад.

Выход из Ратуши, переполненной национальными гвардейцами, для меня несколько затруднителен.

Тут скрещиваются многочисленные пароли.

¹ Дориан — член правительства Национальной Обороны (единственный имевший хорошую репутацию в Париже). Ф. Пиа — старый революционер, якобинец, будущий член Коммуны. Бланки — знаменитый революционер-коммунист. Делеклюз — старый революционер, якобинец, будущий член Коммуны. Виктор Гюго — знаменитый французский поэт, известный своей ненавистью к империи, республиканец, но не социалист. Ранвье — бланкист, будущий член Коммуны. Моттю — радикал, мэри IX округа. Авриаль — рабочий, прудонист, сотрудник «Марсельезы».

(Прим. перев.)

% тот момент, когда передо мной открывается выходящая на площадь решетка, я вижу Делеклюза в сопровождении Кантэна. Они сейчас только узнали о том, что сделал Флуранс. Делеклюз, на мой взгляд, не слишком стремится войти в состав нового правительства.

Площадь запружена любопытными, среди которых гораздо меньше вооруженных, нежели я предполагал. На мой взгляд, ей шгко было бы овладеть.

Париж, в общем, кажется, считает, что все окончено и, повидимому, соглашается на образование нового правительства. Он не озабочен и не настроен враждебно. Это безразличие не предвещает ничего хорошего.

Я иду в Кордери и встречаю там гражданина Аристида Рея, человека осторожного, который не любит себя компрометировать.

Впосто́йно* о мбюро я узнаю, что в амфитеатре Медицинской школы идет общее собрание двадцати окружных комитетов. Мы с гражданином Реем отправляемся туда.

Там, в связи с выборами в Коммуну (все уверены, что они завтра же состоятся¹), идет обсуждение списков. Повидимому, выступление Флуранса и образование Комитета Общественного Спасения и им тоже неизвестно.

Дюпа хотел бы, чтобы коммунальные выборы происходили по открытым спискам, чтобы каждый избиратель записывал желательные для него имена. Это вполне согласуется с взаимной ответственностью, связывающей уполномоченного с доверителем.

Но после Довольно оживленной дискуссии по этому вопросу, предложение снимается не по принципиальным соображениям, а потому, что дело касается проекта, который завтра же должен быть осуществлен. Таким образом, нельзя успеть растолковать тем, кто в этом заинтересован, этот новый способ подачи голосов.

Мы расходимся около 4-х часов утра, утвердив списки предлагаемых кандидатов.

Я провожаю Леверде до его дома на улице Ада и мы до расвета беседуем о совершившихся событиях. На бульваре Сен-Мишель нам встречаются многочисленные патрули, а на углу улицы Суфло даже бивуак и с трудом верится, что все кончено.

На рассвете я возвращаюсь на улицу Лионсен-Поль, где я живу.

Расклеивают объявления. Я подхожу, чтобы их прочесть; ничто не изменилось. Реакционные батальоны восстановили Обороны. Батальон свирепого Лянгла — 116-й — принимал участие во главе со своим начальником в этой реставрации.

Белэ был прав, в своем предсказании, что он нам «задасФ перцу»: он уже сделал это.

Парижане приглашаются путем плебисцита, своим да или нет голосовать за сохранение у власти людей 4 сентября. Опять как во времена империи, чорт побери.

Зачем же прогнали «человека Седана»?

По рассказам газеты, Ратуша была взята обратно около трех часов утра батальонами, собранными Ферри, которому Флуранс дал возможность улизнуть.

Затем, во избежание неминуемой стычки, было установлено соглашение и обусловлено, что присутствующие члены Комитета Общественного Спасения смогут свободно удалиться, и что за деяния вчерашнего дня никого не будут преследовать.

Но в воззвании, извещающем о плебисците и муниципальных выборах, которые за ним последуют, говорится о преследованиях против предполагаемых виновников, совершенных в Ратуше покраж. Исчезла, будто бы, часть серебра, равно как и правительственные печати.

4 ноября 1870 г.

Семь часов утра. Е д в а светает. Я сплю как убитый, потому что вернулся только около 4-х часов утра из Кордери, где говорилось о предстоящих муниципальных выборах. Кстати, они будут носить совсем другой характер, чем намечавшиеся 31 октября.

Звонок. М о я теща идет отпирать. Несколько человек врываются в мою комнату. Я спросонья собираюсь взяться за револьвер, но он уже в руках господина Тенай, полицейского комиссара участка Банка и Рынков, явившегося меня арестовать.

Они приступают к обычному обыску. Собирают в кучу найденное у меня оружие, оно было мне выдано 2 сентября при моем зачислении в национальную гвардию.

В течение этого времени господин Тенай считает своей обязанностью пошло выражать соболезнование, что вызывает резкий отпор со стороны моей жены.

— Исполняйте свое дело без фраз, говорю я ему в свою очередь. Я уже давно знаю цену человеку, предавшему ради получения премии Французского Банка своего ближайшего друга.

Намек на гнусную роль, сыгранную им когда-то в деле Жиро-Гарусс, заставляет этого тюремщика измениться в п и ц е *.

¹ Жиро Гарусе, бывший гравер при Банке, очень искусно подделал банковые билеты на сумму в несколько сот тысяч франков. Комиссар Тенай, близкий друг поддельвателя, выслеживал его несколько лет с целью получить обещанную за его выдачу премию. Наконец, он розыскал инструменты, которые его друг употреблял в дело, и выдал его правосудию. Тот, приговоренный к бессрочной каторге, поклялся, что убьет Тенай'я, но спустя некоторое время, во время попытки бегства из Кайенны/он умер. (Прим. авт.).

↑пускаясь с лестницы, мы проходим мимо небольшого помещения, которое нам служит уборной.

— Что это за помещение? — спрашивает Тенай.

— Если желаете, прикажите его открыть. Быть может, там найдутся печати ваших новых хозяев и серебро, которое, как они уверяют, украдено ночью 31 октября.

Он не смеет долгие настаивать, и мы отправляемся в его бюро, где мне приходится ждать более часа: отправки в Депо.

После выполнения формальностей регистрации, меня вталкивают в каморку, со стен которой сильно течет. Холод стоит ледяной. К счастью, во время моего пребывания в бюро Тенай'я, я велел принести из соседней молочной чашку шоколада, которую я, чуть не обжигаясь, проглотил. Это мне поможет в борьбе с обволакивающей меня сыростью.

После двух дней, проведенных нами в казарме Депо, мы были переведены в Консьержери \ где мне отвели камеру № 76. В ней чисто, хотя и темно, но, что самое важное, она достаточно теплая. По вечерам, когда зажигается газ, она бывает сносно; дан приказ тушить его лишь к утру, без сомнения для того, чтобы легче было наблюдать за нами по ночам.

Ключ от рожка имеется только у сторожа. На следующее утро посещение прокурора А н р и Д и д ь е , республиканца в духе Жюля Фавра. Его сопровождает директор Фонтэн, бывший унтер-©фицер зуавов, ставший тюремщиком.

Оба довольно вежливы и спрашивают* нет ли у меня каких-нибудь требований.

— Я требую, чтоб вы меня освободили или же оставили в покое. Вот и все.

— Сударь, я так же, как и вы, республиканец.

Эти господа удаляются, продолжая свой обход. Повидимому, они встречают везде такой же прием, судя по тому, что-двери отпираются и запираются с одинаковой быстротой. Я вскоре слышу как они проходят на обратном пути мимо моей камеры, первой у лестницы.

< Моей жене удастся, несмотря на то, что я в секретном отделе, предать мне вместе с кое-какой провизией и обрывок газеты, в л^эрой я нахожу интересные сведения.

Плейдвит собрал 321.000 «да» за сохранение у власти Обороны, против 54.000 «нет». Таким образом, число голосовавших^ не превышает 380.000, в то время как обычно их насчитывается в Париже 450.000. Солдаты, мобили и укрывшиеся в Париже деревенские жители должны составить добавочный контингент избирателей в 150.000 человек. Следовательно, количество воздержав-

¹ Одна из парижских тюрем,

2, (Прим. переетТ

шихся превышало 200.000, т.-е. 200.000 граждан сочли эту новую комедию плебисцита — жалкий плагиат той, которую недавно показала империя — слишком гнусной, чтоб принимать в ней участие.

Как только положение Обороны было узаконено, она не нашла ничего более спешного, как нарушить свободу данное ею слово, за которое ручались граждане Дориан, начальник главного штаба национальной гвардии Тамизье и преемник Кератри в должности префекта полиции, Эдмонд Адам. Был дан приказ о привлечении к суду граждан: Бланки, Милльера, Г. Флуранса, Жаклара, Вермореля, Феликса Пиа, Лефрансэ, Эда, Левро, Тридона, Ранвье, Разау, Тибальди¹ Валлеса, Гупиля, Пилло, Везинье, Режера, Мориса Жоли, Сирилла, Бауера и Женара.

Бланки, Милльеру, Флурансу, Левро, Валлесу и Режеру удалось (крыться от предварительного заключения Флуранс охраняется стрелками, поклявшимися не выдавать его.

Эдмонд Адам единственный из правительственной группы, предпочел лучше отказаться от должности, нежели изменить клятвенному обещанию.

Его заменили господином Крессоном, одним из голодных адвокатов, вечно находящихся в поисках какой-нибудь легальной пакости

Среди нас находится никому неизвестный гражданин по имени Женар, заведывающий обмундированием в батальоне Ранвье, роль которого в этом деле была абсолютно пассивной. Его присутствие среди нас непонятно, если только не .

Бельвилль, Ля Виллет и Монмартр показали свое сочувствие 31-му октября и подтвердили свою солидарность, выбрав мэром 20-го округа Ранвье, а Флуранса, Милльера и Лефрансэ его помощниками.

Делеклюз выбран мэром 19-го округа; Жаклар выбран помощником в 18-м.

В виду того, что весь выборный муниципалитет 20-го округа арестован или скрывается, Ратуша, шествуя всегда по стопам империи, поспешила назначить муниципальную комиссию, а лже-республиканцы Бельвилля не постыдились войти в ее состав.

Разбор дела 31-го октября поручен, разумеется, магистру времен империи, судьбе Керенэ Нам вменяется в вину: «призыв к гражданской войне и незаконное лишение свободы с применением угроз».

Судья этот не может не рассмеяться, когда я его спрашиваю, отчего меня не обвинили в единственном действии, которое я действительно совершил — в попытке «ниспровергнуть существующее «фавительство».

*— Думали об этом, но дело представило бы затруднения, — отвечает он

— Еще бы.

По носящимся во Дворце слухам помышляли даже о другом Господин Крессон — новый префект полиции, намекнул господам из Обороны, что в виду осадного положения, введенного в Париже 7 августа, для них было бы проще всего всех нас немедленно расстрелять \

Глупец не понимает, что они не стали бы ждать его советов, если бы нашли это выполнимым. Но это было довольно неосторожно. После того как все мы перебивали у следователя, условия нашего заключения были смягчены

Нам разрешили свидания и совместное времяпровождение с 8 часов утра до 10 вечера — Моя жена и госпожа Жаклар, отправились вдвоем в префектуру, чтоб получить пропуска.

Заметив Кобэ, который после 4 сентября втерся, разумеется, в полицию, они собираются обратиться к нему за справкой о том, какие шаги им следует для этого, предпринять Кобэ же думает, что они намерены просить у него протекции и это е г < ^ видимо, очень беспокоит. Дамы спешат вывести его из заблуждения. Презрение, с которым они с ним обращаются, мало успокаивает его и они получают необходимые им справки без его помощи.

Красавец Флокэ тоже показал уже г-же Жаклар, как плохо оказаться побежденным. Дама эта в Париже совсем недавно. Абсолютно незнакомая с судебными порядками, она отправилась к старому приятелю своего мужа, чтоб выяснить, в каком тот находится положении и чем она могла бы быть ему полезной. Красавец Флокэ принял ее с самым высокомерным видом, говоря, что ее муж «совершил преступление, да, сударыня, ужасное преступление, так что я никогда не согласился бы принять на себя его защиту». В этом сказался весь Флокэ, в натуральном виде.

Оборона не довольствуется тем, что продолжая дорогую сердцам республиканцев 1848 года традицию, превращает преступления, обычно определяемые как политические, в обыкновенные уголовные. Она, доходя в своей наглости до крайних пределов, добивается аннулирования выборов Ранвье на пост мэра 20-го округа под предлогом, что он несостоятельный должник, не восстановленный в правах.

Наш честный друг разорился в былое время, вследствие процесса, который возбудил против него торговый дом Гупиль за мнимую подделку моделей Но он с тех пор почти все выплатил кре-

¹ См. показание этой личности в следствии 1 8 - г о марта

(Прим. автора).

диторам, если не считать еще одной десятой доли, которую о» собирался заплатить в тот момент, когда была объявлена война.

Вот каков человек, которого они хотят выдать за лишенного всех гражданских прав.

Замечательно, что эти гнусные шуты притворяются, будто забыли, что во главе Парижа в с е г о несколько д н е й тому н а з а д ? находился посаженный и м и 4 сентября на в ы с ш у ю муниципальную должность господин Этьен Араго, а ведь он перед 24 февраля 1848 года, будучи директором Водевиля, обанкротился, никогда не б ы л восстановлен в правах, а в 1848 году был народным представителем и директором Почты.

Чем же Ранвье, выплативший почти всем кредиторам, менее достоин, нежели господин Этьен Араго, который, вероятно, никогда и не п о м ы ш л я л уплатить с в о й долг. Потребовалось не м а л о ¹ времени, чтобы разбудить высокую мораль людей из Ратуши. Одив из их друзей^ адвокат Демарэ, до того был возмущен э т и м и - , гнусными действиями, что предложил Ранвье в долг сумму, недостающую для окончательной ликвидации его несостоятельности.

Ах, какие гнусные Гартюфы!

Судья Керенэ, человек, повидимому, не глупый, поторопился избавиться от нашего дела, внушавшего ему отвращение. Он, как нас уверяют, не стесняется говорить об этом. Его доклад сводите» к заключению об освобождении от ареста.

Ни одно из выставленных против нас обвинений не может быть серьезно подтверждено. Но правящие нами законники перестали вести счет своим плутням.

Во времена Л у и Филиппа и империи они вопили по поводу судебных порядков этих правительств, отдававших распоряжения о преследовании судебным учреждениям и магистратуре. Они поступают лучше. Наше дело, по их распоряжению,» передано министру юстиции Эмануэлю Араго, который в э т о м » , тоже не видит уже ничего необычного

Генеральный прокурор — Леблон, настолько низок, что соглашается на это. Наконец, эти люди, постоянно протестовавшие против чрезвычайных судов, которые из'емлют обвиняемых из ведения обычного суда, решают, что в виду ненахождения судебных н ы м следователем состава преступления, мы б у д е м преданы военному суду.

Трошю, в качестве военного губернатора Парижа, будет вест» процесс по своему усмотрению.

Таким образом, законники и республиканцы, попирают в трогательном единении ногами свои мнимые принципы и свое так называемое уважение к закону.

Но не стало ли это за 80 лет уже о б ы ч н ы м явлением для этих* поклонников «бессмертных принципов».

Откройте уголовный кодекс, возьмите наугад любой из убийственных для свободы законов, которыми он кишит, и будьте уверены, что его предложили и прославили республиканские законники, которых, разумеется, не следует смешивать с Республикой.

Мы уполномочили Вермореля и Жаклара повидать генерального прокурора Леблona, чтобы потребовать скорейшего суда над нами или же нашего освобождения, согласно заключению судьи Керенэ об отсутствии состава преступления.

— Освободите вас, разумеется, это было б ы д л я нас самым желательным,—ответил этот иезуит, которого Делеклюз, не будучи с ним достаточно знаком, к несчастью, пригласил в юрисконсульты «Пробуждения».—Но знаете ли вы, почему мы этого не сделали, мои дорогие сограждане — мы ведь все в сущности республиканцы, не правда ли? — Так вот, это не сделано исключительно в интересах вашей безопасности. Знаете, дорогие • сограждане, что будь вы на свободе, мы не могли бы поручиться за вашу жизнь, до такой степени все возбуждено против вас.

Наши друзья поспешили расстаться с этим старым шутком, <юясь поддаться обуйавшему их желанию плюнуть ему в лицо.

Вынужденные ждать, мы стараемся всевозможными способами убить время. Тибальди отбывавший одновременно с Делеклюзом, десятилетнюю ссылку в Кайенне, за организацию одного из м н о г о - " численных заговоров против Баденгэ, рассказывает нам о своих юношеских походах 1848—49 годов с Гарибальди, пред которым • н прямо преклоняется.

Он говорит также о жизни, которую он вел в Кайенне, о долгих годах, проведенных им в тюрьме, г д е его единственными собеседниками были дежурные сторожа.

Мы с Верморелем тоже ведем длинные разговоры. Он рассказывает о своих первых шагах на поприще журналиста, о тех наивных надеждах, с которыми он вступил в борьбу, а также о разочарованиях, которые ему внушили низменные интересы, вдохновлявшие Симонов, Говенов и прочих той же закваски людей, с которыми он вначале столкнулся.

Тогда, охваченный безудержным желанием сбросить с них ласку, он, с целью добиться этого, счел возможным использовать >«ружьи, которое ему предлагали люди, по существу не менее презренные. При этом он забыл, что нравственное значение цели тесно связано с характером употребляемых для ее достижения ^приемов. Он высказал сожаление, что не понимал этого раньше.

Те, кого он хотел сразить своим справедливым негодованием, JA поныне торжествуют, между тем, как он возбудил против себя, .а главное против своего дела, тысячу подозрений.

Они еще долго будут тяготеть над ним, парализуя его труды на пользу дела, которому он хочет служить и за которое готов! отдать жизнь.

Чем больше я с ним беседую, тем он становится привлекательнее в моих глазах — столько самоотречения во всем, что он собирается делать. Он не отделяется словами и не легкомыслен. Он никогда ничего не предпримет, не уяснив себе положения, но зато уже потом пойдет решительно, без рисовки, а, главное, не отступит.

Хорошо сложенный, сильный, одинаково устойчивый как в борьбе с излишеством, так и с лишениями, он в силах проделать длинный путь трудовой деятельности; будучи скромным и искренним, он, однако, знает себе цену и при случае дает это почувствовать.

Он хороший товарищ, предупредительный, всегда готовый помочь каждому, кто в нем нуждается, но он одинаково умеет сохранить необходимую свободу действий, чтоб быть самому себе господином.

Мне кажется, что ему предстоит стать серьезной интеллектуальной силой социальной революции в той борьбе, которая неизбежно разразится тотчас после окончания войны.

Мне думалось, что вынужденный досуг сможет быть мною употреблен на то, чтоб выяснить самому себе все обстоятельства дня 31 октября, из-за которого мы временно выбиты из строя.

Я начал писать небольшую брошюру в форме «Писем к парижанам», помеченную камерой JV» 76. Я резюмировал в ней коротко все действия так называемой? Национальной Обороны с 4 сентября по 31 октября и объяснил, как и почему мы устроили этот день, что его оправдывало и делало, по существу, необходимым. Я объяснил, что те, кто, думая лишь о соблюдении собственных интересов, не приняли по ластоящему участия в этом дне, быть может, навсегда повредили себе этим, что, наконец, скорее приходится сожалеть о неудаче «нашей преступной попытки», а не радоваться ей.

Когда наступит момент объяснения перед будущими нашими судьями, кто бы они ни были, я смогу им рассказать, почему я считаю честью для себя участие в этом движении.

Мой замысел прославления стоит, пожалуй, большего, чем знаменитый план Трошю, «хранящийся у его нотариуса» и в который, как нам сообщают, простодушные парижане верят в данный момент.

План военных действий, хранящийся у нотариуса. Что бы это могло быть?

«Фигаро», который, по его словам, хорошо осведомлен, торжественно заявляет, будто дело идет о том, чтоб поручить Париж двойному покровительству Св. Женевьевы и Жанны д'Арк.

Еслиб Трошю обладал, по крайней мере, хоть четвертой долей ума и энергии, которую проявила Жанна д'Арк, можно было бы надеяться. Но этот, в своем роде, фанатик уже не девственник, в чем не приходится сомневаться, а умереть мучеником у него, наверно, нет ни малейшего желания.

Один из наших, доктор Гупиль, ушел из тюрьмы, не простившись с нашими тюремщиками, и мы от всей души над этим смеялись.

В виду желания некоторых его пациентов пользоваться, по-прежнему, его советами, он обычно отправлялся дважды в неделю к себе домой, в сопровождении двух следовавших за ним агентов.

Эта стеснительная предосторожность тоже один из деликатных приемов, к которым прибегает Оборона.

Даже во времена империи политические заключенные пользовались правом выхода «на слово». Впрочем, Жюль Фавры и их соратники имеют основания, коренящиеся в их личных свойствах, не полагаться на людскую честь.

Наш доктор, оскорбленный недостатком доверия к его лояльности, решил за это отомстить и освободиться от томительного своей неопределенностью заключения.

В последний свой выход он угощает своих аргусов плотным обедом и подпаивает их сверх меры. Когда они, наконец, уже под столом, он оставляет их там спокойно вытрезвляться, а сам скрывается.

Проснувшись, они напрасно ищут хозяина. Г-жа Гупиль, чтобы избавиться от них, говорит им, что её муж, вероятно, отправился один в Консьержери. Они бегут туда, смущенные, соображая, что над ними, главным же образом над их патроном — Крессоном, посмеялись.

С этого дня доктор присылает нам два раза в неделю несколько бутылок прекрасного вина. На корзине — очень заметный ярлычек: «От доктора Гупиля».

Директор и служащие, наконец, сами стали смеяться по этому поводу. Больше им ничего не остается делать.

29 ноября 1870 г.

Какой тоскливый день мы вчера провели! Каким тяжелым показалось нам вынужденное бездействие!

Еще 27-го числа в газетах были напечатаны воззвания Дюкро, в которых сообщалось о предстоящей на другой день вылазке и давались клятвы вернуться «мертвыми или победителями».

Каким образом возможно оповещать о вылазке и быть настолько неосторожными, чтоб указать даже место, где она будет сделана?

Не делается ли это для того, чтоб предупредить об этом осаждающих, чтоб дать им возможность принять меры предосторожности'

Пожалуй, услужливость простирается слишком уж далеко.

Наш друг Тибальди, проделавший с Гарибальди в Италии поход 1849 года, показывал нам вчера весь день на подробной карте окрестностей Парижа предполагаемые пункты встречи сражающихся и давал нам некоторые, смешные, может быть, с точки зрения специалиста, объяснения, которые нас все же интересовали. В десять часов вечера мы, в ожидании приятных известий, все еще занимались этим обсуждением

Увы! газеты извещают нас сегодня утром о неудавшейся вылазке и слишком уж реальном возвращении Дюкро. Вылазка не могла состояться. Мосту, по которому наши должны были и перейти через Марну, не хватало двух метров в длину

Газеты, переполненные техническими деталями, при помощи которых объясняют недостаточные размеры моста внезапным, непредвиденным половодьем Марны, говорят, что это лишь двухдневная отсрочка. Враг, следовательно, будет иметь еще два дня на подготовку к встрече с нами.

„ Парижане продолжают верить в план Трошю

Январь 1871 года.

С 5-го числа Париж подвергается бомбардировке. Жители окраин вынуждены были бежать в центр, так как в предместьях положение стало невыносимым

Свист снарядов, падающих ближе, чем на расстоянии километра от Дворца Правосудия, не дает нам заснуть по ночам в наших камерах. Они, повидимому, залетали даже на небольшую площадь Св Северэна. Нам хорошо слышно, как они разрываются

Наши жены, несмотря на опасность, которой они подвергаются, мужественно продолжают сообщать нам ежедневно новости

Положение угрожающее. Припасы мало-по-малу истощаются

Научные предсказания Молинару осуществляются. Распределение по пайкам давно уже началось для бедняков *

¹ Что же касается г. Молинару, Вильмессана и всей верховной клики реакционной прессы, то на них это очень мало отразилось. Всем памятно, как спустя некоторое время после «Кровавой Недели» эти господа не постеснялись поднести почетную медаль ресторатору Бребан, которому они были обязаны, по их словам, тем, что «не заметили осады».

(Прим автора).

Женщины и дети выдерживают долгие и тяжелые дежурства у дверей булочных в грязи и л и талом снегу, чтобы получить не сколько грамм несъедобного хлеба. Те же бесконечные дежурства повторяются около мясных, где распределяется не мясо, которое давно уже исчезло (его скупили богачи на консервы), а жалкие порции сухой провизии

Топлива тоже не хватает. Нет больше газа. Париж с наступлением темноты пустеет. Дрова выдаются сырые, и пища готовится среди густого, едкого дыма, в то время как можно было бы пустить в ход те заборы из сухого леса, которыми огорожены обширные участки. Некоторые мэрии имели это в виду, но правительство запретило сносить заборы под страхом наказания «за кражу изгородей»

Если оно и не защищает Парижа, то является, во всяком случае, верным слугой собственности. Впоследствии это будет вменено ему буржуазией в заслугу. Об этих людях скажет-они, как трусы, сдали Париж, но спасли собственность

Кордери попыталась сделать последнее усилие. Она распространила еще одно обращение к парижанам, в котором призывает их спасти - себ я учреждением Коммуны. Значительное число искренних республиканцев поддержало это воззвание, но было уже поздно. Ни в ком теперь нет больше мужества взять на себя ответственность. Лицам, подписавшим призыв, пришлось скрыться во избежание ареста.

Оборона достигла своей цели. Негодяи смогут осуществить вскоре свой план

Между тем на завтра, 19 января, назначена вылазка

На этот раз она произойдет в направлении Версаля и Сен-Жермена. Это известно наперед. Так же, как и про вылазку > III сторону Шампиньи. Уже несколько дней по Парижу снуют щогочисленные санитарные кареты, как будто для того, чтоб 'сказать женщинам и детям'

«Вот, взгляните хорошенько в эти кареты, через несколько дней мы в них привезем обратно ваших изувеченных и окровавленных мужей и отцов. Вот там, внутри, околеют, наконец, эти проклятые собаки «по 30 су». Эти «крайние», «нищие» национальные гвардейцы, которые, начиная с 31 октября, все мешают нам выдать вас неприятелю»

21 января 1871 г

После целого дня героических подвигов при Монтрету и Бюзенвале, подвигов, которые даже по свидетельству реакционных газет могли бы привести к серьезному успеху, национальная гвардия, несмотря на свой смелый порыв, потерпела неудачу из-за

явной измены Трошою и всех военачальников, которые должны были подготовить операцию.

Наши друзья, рассказывая нам об этих событиях, плачут от бешенства. Батальонный командир Рошбрюн, сражавшийся в рядах июльских повстанцев в 1863 году, пал смертью ^{***}славных в наступлении на Рюэль,

Ожесточение достигло крайних пределов. Революционеры решили, чего бы им это ни стоило, покончить с шайкой из Ратуши.

Сегодня ночью они должны выступить. Они собираются даже освободить нас, вместе с Флурансом, который, наконец, схвачен и сидит с гражданином Бауэром в Мазасе. По их совету, мы приготовились к всевозможным событиям.

Даже у сторожей очень смущенный вид, повидимому они чего-то ждут. Директор более подобострастен и в то же время более обычного сдержан. Он, несомненно, чувствует в нас возможных хозяев завтрашнего дня.

22 января. >

Все кончено, и на этот раз совсем кончено. Обороне остается лишь назначить час для начала своего предательского дела.

Сегодня утром наши камеры были отперты в обычное время, но сторожа оставались непроницаемыми.

Мы провели ночь, не раздеваясь, прислушиваясь, готовые уйти. Это было, несомненно, замечено, благодаря глазку, устроенному в двери.

Газет нет. Говорят, будто они не получены. Вероятно, произошло нечто такое, что хотят от нас скрыть.

Ни одного посещения до двух часов, что тоже не совсем обычно.

Наконец, в два часа меня вызывают, и в маленькой приемной я вижу свою жену, Она мне рассказывает, что ночью Мазас был захвачен и политические заключенные освобождены.

Большая толпа окружает Ратушу, но она безоружна и пока нет признаков надвигающейся борьбы.

Во время нашего разговора мне слышится нечто вроде залпа. Я вслушиваюсь более внимательно, сомневаться не приходится: в направлении Шатлэ идет бой. Сторожа приходят нас разлучить. Из внутренних дворов Консьержери, переполненных полицейскими агентами, которые переодеты в мундиры национальной гвардии, доносится шум оружия.

Жена моя прощается и обещает вернуться к себе домой на улицу Лион-Сен-Поль более длинным окружным путем, чтоб обойти те места, где должен произойти бой.

Мы все проводим несколько тоскливых часов на таллерее, на которую выходят двери наших камер и откуда через окна боль-

шого зала в нижнем этаже, выходящие на набережную, нам видна и набережная Межиссери и уголок площади Шатлэ.

Мы видим, как от времени до времени артиллерия и кавалерия направляются к Ратуше. На площади мы даже можем различить маленькие облачка дыма от перестрелки.

Борьба завязалась.

В сумерках до нас доносятся неясные крики, но мы не имеем возможности разобрать, что происходит. Потом все смолкает. Мы еле дотрагиваемся до пищи и делимся между собой впечатлениями. Сторожа, более молчаливые, чем когда бы то ни было, стали высокомерны, что не предвещает ничего хорошего. Один из них, единственный относившийся к нам всегда с сочувствием, делает нам знак головой, понять который нетрудно. Все потеряно.

Париж во власти тех самых хозяев, которых он сам себе так глупо навязал 5 месяцев тому назад.

25 января 1871 г.

Нас — 120 человек — кое-как разместили в Венсенне, в одной из больших комнат башни, выходящей на те рвы, где по приказу Бонапарта был расстрелян герцог Ангиенский.

Всех нас перевезли сюда вчера, в 8 часов вечера в тюремных каретах, под конвоем кавалерии, которая должна была нас охранять во время перевозки.

Нас набили чуть ли не по три человека в каждое отделение кареты, в то время как там с трудом может повернуться только один арестованный.

23-го числа Верморель, Тибальди, Ранвье, Везинье и я были вновь переведены в секретное отделение Консьержери, все же остальные наши друзья были постепенно освобождены.

Наш и новые венсенские товарищи были арестованы после 22 января.

В огромном помещении, где мы, однако, в буквальном смысле слова, еле можем повернуться, мы находим Делеклюза, в сильной лихорадке, последствии серьезного бронхита.

Он был избран после 31 октября мэром Вильетт и всегда поддерживал революционные мероприятия в переговорах муниципалитетов с Обороной.

Она-то и не приминула пристегнуть его к делу 22 января.

Делеклюз, несмотря на серьезную болезнь, захотел непременно проводить на кладбище своего старого друга Леклянше, умершего от черной оспы. При выходе с кладбища, он и был арестован. Его болезненное состояние не было, разумеется, принято во внимание, ибо правящим нами лже-республиканцам особенно ненавистны более деятельные противники империи

В довершение, хотя о нашем перемещении сюда и было известно, по меньшей мере, уже в течение суток, не было принято никаких мер к исправлению находящегося в разрушенном состоянии зала, куда нас загнали.

Во всех почти окнах нет стекол, и они не закрываются, так как задвижки вывинчены.

Посреди комнаты находится огромная печь, но она без труб и внутри развалилась

Холод стоит жестокий. На наши матрацы падает, гонимый резким северным ветром, мелкий и колючий снег.

Другой, такой же бедняга, как и Делеклюз, тоже схватил бронхит и раздрающе кашляет.

Он случайно помещен прямо против окна и находится на самом ветру.

Мы призываем на помощь добрую волю товарищей, и вскоре Делеклюз и гражданин М а н ь уложены на матрацы, спасающие их от совершенно ледяных плит пола и повернуты к печи, которая их защищает от порывов северного ветра и снежной бури

Окна снизу тоже прикрыты матрацами.

Всеми этими приспособлениями мы, главным образом, обязаны инициативе Вермореля, вносящего во все дьявольское оживление.

Так проходит первая ночь, менее ужасная для всех, чем она угрожала быть вначале

На третий день, благодаря нашим настояниям, положение стало почти сносным.

Нас разместили в двух залах, вмещающих, приблизительно, 60 человек каждая. В них поставлены печи, и вставлены стекла, благодаря чему мы меньше страдаем от холода.

У Делеклюза лихорадка прошла, и он смог подняться, но бедный Мань, повидимому, все еще очень болен, а между тем к нему не посылают врача.

Сторожа сообщают нам и грустное известие; впрочем после 22 января мы его предвидели. Перемирие заключено. Париж • с д а н , Ратуша одержала верх над патриотизмом его обитателей. План Трошю осуществлен.

Но только, будучи истинным иезуитом, благочестивый генерал, поклявшийся, что «губернатор Парижа» города не сдаст, попросту подал в отставку и предоставил своему преемнику Винуа честь подписания капитуляции.

Сторожа нам также сообщают, что будет избрано Национальное Собрание с целью окончательно выработать условия мира, т.-е. принять условия Бисмарка. Оно должно собраться в Бордо в первых числах февраля.

Возобновилась торговля съестными припасами, и главный сторож сообщает, вслед за политическими новостями, что в Венсенне © д и н колбасник вновь открыл свою лавочку и предлагает продавать нам сардели * по 50 сантимов за штуку — на 300% дороже обычной цены. Это даром. Вот так патриот.

Между тем это слово — сардели — пробудило в нас жадность. Мы устраиваем складчину и покупаем на шестьдесят франков этих вкусных вещей. У каждого будет отдельная сардель. Это приводит обе партии арестованных в восторг — ведь мы сообщаемся между собой.

В полдень нам приносят сардели. Они и с виду немного мятые, но колбасник велел нам сказать, что благодаря этому они будут еще вкуснее. Посмотрим.

Распределив их, мы за неимением ножа, пускаем в ход зубья. О ужас! Из ран, нанесенных ими, течет светлая и зловонная масса. Сардели начинены ужасной кашей из мелко изрубленных кроличьих шкур, попадают даже отдельные волоски. Они приправлены чесноком и луком и сильно наперчены.

Мы смотрим в недоумении друг на друга.

— • Чорт возьми! — восклицает Верморель, — • ведь в ней..

И Делеклюз, Ранвье и я трагическим жестом, напоминающим Горациев в картине Давида, энергично выбрасываем эту дрянь в открытое окно.

Вслед за этим во р в ы посыпался дождь сарделей.

Да простит нам священная тень герцога Ангиенского это нарушение его покоя.

Это был единственный раз, когда я услышал, как Верморель, обычно столь сдержанный, выразился так . . . резко

Наши друзья запросили меня, Делеклюза и Вермореля, не согласимся ли мы, чтоб в виде протеста против действий лже-Обороны, которая отныне в истории будет называться «Национальной Изменой» мы бы л и выставлены кандидатами.

М о е й первой м ы с л ь ю было отказаться наотрез, но мне указывают, что по существу это предложение не имеет в виду нас лично. Его главная цель подчеркнуть, что Париж относился к защите серьезно и отстаивает свою честь перед Бордосским Собранием. Н а м будет поручено обличить тех, кто изменил Парижу и предал его

Нужно ведь, чтоб Франция знала, как все это происходило, и нас пошлют в Собрание рассказать об этом.

При таких условиях мы решаем все трое заявить о своем согласии.

¹ Короткие толстые сосиски

(Прим. перее)

Спустя три дня нас переводят в Сантэ \ В данных обстоятельствах — смехотворное название.

Тюрьму эту пришлось эвакуировать во время бомбардировки и она уже давно не отапливается.

Со стен так течет, что наши кровати на другой день оказываются буквально вымокшими, вплоть до матрацов. Небольшой запас сахара и шоколада, который я накануне, в вечер нашего приезда, положил на стол, совершенно растаял и стек на землю.

Около 2-х часов пополудни вместе с директором в моей камере появляется громадный верзила. Он входит, не снимая шляпы, и спрашивает, не имею ли я каких-либо претензий. Это — главный тюремный врач департамента Сены, который делает свой обход.

— Я прежде «сего требую, чтоб вы сняли шляпу. Что же касается остального, то, раз вы врач, о д и н в и д этой камеры должен избавить меня от обяснений, — и я поворачиваюсь к нему спиной.

Он выходит и продолжает свой обход. Вскоре до меня доносятся звуки очень оживленных голосов. Воспользовавшись тем, что дверь моей камеры оказалась открытой, я выхожу на галлерею. Это — Делеклюз. Снова отчаянно кашляющий, он обызывает врача негодяем и гонит его из своей камеры. Этим точно дан сигнал.

Изо всех камер, оставшихся, как и моя, открытыми, выскакивают наши товарищи, и г. главный врач департамента Сены вынужден спастись бегством, провожаемый свистками и эпитетами, которые, полагаю, еще долго будут раздаваться в его ушах.

Вечером Делеклюза и Ранвье переводят в д о м Дюбуа, а бедного Мань, у которого уже нет сил даже кашлять — в больницу Сент-Пелажи.

На третий день и нас переводят туда же. Там так же холодно, но по крайней мере стены сухие.

Несчастный М а н ь тут же умирает, на другой день после нашего прибытия. О н , не п р и н и м а в ш и й н и в ч е м участия, б ы л а р е с т о в а н вечером 22-го января в окрестностях Ратуши, в тот момент, когда мирно возвращался к себе домой.

Он был сильно простужен, но, несомненно, справился бы в короткий срок со своей болезнью, еслиб условия, в которых ему пришлось жить последние две недели, не отразились на его здоровье.

Его убила Оборона.

Завтра должен быть официально объявлен список парижских депутатов; подсчет голосов продолжается уже по меньшей мере неделю.

¹ Сантэ — по-русски — здоровье, — названиетюрьмы. (Прим. перев.).

Верморель является поздравить меня.

«Фигаро» сегодня опубликовал список, который он считает окончательным, в виду того, что подсчет не закончен только в одном 13 округе. Округ этот, возможно, лишь увеличит число поданных уже за революционеров голосов. Я — 41-й из 43. Итак — я депутат.

Это меня несколько не радует, потому что мое положение будет далеко не завидным. Лишь мысль о том, что я буду участвовать в одном деле с теми из наших друзей, которые равно, как и я, выбраны для разоблачения правительства 4 сентября, несколько утешает меня.

К моему большому удовольствию, все члены Обороны, за исключением Жюля Фавра, к несчастью все же выбранного 82.000 голосов, постыдно провалились.

Наконец-то Париж расправился с этими негодями.

Через несколько минут после сообщения, которое мне доставил Верморель, директор тюрьмы приглашает меня к себе в кабинет. Он говорит мне, что сейчас только узнал о моем избрании и немедленно запросил распоряжений Крессона 'о моем освобождении.

В списке «Фигаро» фигурируют имена: Делеклюза, Милльера, Курнэ, Разуа, Малона, Феликса П и а и Гамбона. По числу поданных за них голосов их избрание гораздо вероятнее моего. Кот-д'Ор послал от себя Тридона, правую руку и ближайшего друга Бланки.

У Революции будут в Бордо хорошие представители.

Толэна я не считаю уже нашим. Он после 4 сентября, следуя, без сомнения, советам знаменитого Лянгау, всячески старался засвидетельствовать перед правительством свое благоразумие.

Он увеличит собой ряды Корбонов, Пепэнов и Грелло — этих перебежчиков социальной революции, рабочих, превратившихся милостью всеобщего избирательного права в буржуа.

Е с л и опубликованные вчера в «Фигаро» цифры б ы л и верны, то приходится признать, что 13 округ, единственный, в котором до сих пор еще не были подсчитаны голоса, не заслуживает несправедливо созданной ему революционной 'репутации.

Только что официально объявлен результат парижской баллотировки, и ужасный маленький Тьер, который, по данным «Фигаро», получил только 61.000 голосов, имеет теперь 103.000. Какой поворот!

Я уж больше не депутат, так как значусь в списке избранных **лишь** 47-м.

Прощай Бордо, которого я никогда не видал. Я его не узнаю м не б у д у законодателем. В сущности, ничего плохого я в этом не вижу.

Во всяком случае, остальные наши друзья все же выбраны. Это меня удовлетворяет и утешает в моем исчезнувшем величии.

Вот, что значит причинить Рошфору неприятность, как это было 31 октября. «Пароль» меня безжалостно вычеркнул из своего списка кандидатов. Это будет мне уроком...

Мы, наконец, получили повестку о том, чтоб явиться 23 февраля в в о е н н ы й с у д . Мы , несомненно, встретимся там с теми из наших «сообщников», кому повезло больше, чем нам, ибо их предварительное заключение уже давно окончилось.

М о й младший сын, которому всего девять лет, вернувшись вчера из Гранвиля, куда я его отослал перед осадой Парижа к брату, пришел с матерью меня повидать. Он уже побывал в этой тюрьме в прошлом году, в это же время, когда я ожидал здесь приговора по делу о публичных собраниях.

Он, не зная всего, что произошло в Париже за время его отсутствия, повидимому, поражен тем, что вновь нашел меня здесь.

— Послушай-ка, отец, в прошлом году ты сидел в тюрьме за то, что ты республиканец, потому что тогда был император. А теперь, п р и республике, ты вновь в тюрьме. Но так ты из нее никогда не выйдешь.

Это замечание ребенка наводит меня на мысль, что я, пожалуй, и в самом деле никогда из нее не выйду. Если я только буду осужден, меня могут приговорить к пожизненной каторге.

Люди 4 сентября назначили своих главных обвинителей.

Недаром же они адвокаты!

На каторгу! Хотя бы встретиться там, по крайней мере, с поддельвателем Жюлем Фавром, 'дело которого только-что опубликовал Милльер.

Гражданину Везинье, хотя он арестован по делу 31-го октября, вменяются в вину особые проступки, которые он решительно отрицает. Так же обстоит дело и с Тибальди.

Что же касается меня и Вермореля, то явись даже'у нас такая мысль, мы не могли бы отвергнуть выставленные против нас факты. Напротив, мы не имеем ни малейшего намерения в них о п р а в д ы в а т ь с я и готовы заявить об этом во всеуслышание.

В виду таких обстоятельств, у нас не может быть общего защитника. (Н а м приходится обращаться к адвокатам, потому что по правилам военного суда обвиняемые не имеют права сами себя защищать).

Гражданин Тибальди пригласил адвоката Прато, а Везинье— адвоката Ля-Виолет.

Посовещавшись с Верморелем. мы останавливаем свой выбор на гражданине Д ю п о н (д е Бюссак), о д н о м из наиболее уважаемых членов парижской адвокатуры.

Один случай из его политической деятельности, в 1850 году заставил меня проникнуться к нему исключительным уважением.

Он, будучи кандидатом в депутаты Парижа, явился в Центральный Социалистический Комитет, который в то время был полновластным хозяином выборов. Конкурентом его, если не ошибаюсь, б ь г л Эжен Сю; но, несмотря на б о л ь ш у ю популярность этого писателя, победа Дюпона над ним была почти обеспечена.

Один из сторонников Эжена Сю в комитете спросил у Дюпона, не без задней мысли, об его взглядах на смертную Казань за политические преступления.

Сантиментально настроенная в эти годы социалистическая партия склонялась к ее отмене, несмотря на то, что головы Дэкса и Ляра, приговоренных к смерти по делу Бреа, пали на восстановленном для политических дел эшафоте.

Дюпон знал это очень хорошо. Взгляды его конкурента на этот счет были издавна известны.

Дюпон не колеблется ни минуты. «Граждане,—отвечает он,— вопрос об отмене смертной казни за обычные уголовные преступления требует изучения и я лично отнюдь не возражал бы против этой отмены. Но что касается ее отмены по политическим делам, я говорю «нет», тысячу раз нет. Я хочу иметь возможность использовать ее против врагов Республики».

Прекраснодушие Комитета не позволило ему согласиться с этим заявлением. Он выставил кандидатом Эжена Сю, который и был выбран.

Вот такой-то адвокат и нужен нам.

Как только моя жена сообщила гражданину Д ю п о н о нашем желании, он ей ответил: «если дело в том, чтоб подтверждать или оспаривать факты — я не согласен; если же нужно доказывать их закономерность — тогда эти граждане могут на меня рассчитывать».

Итак, гражданин Дюпон (де-Бюссак) будет обвинять наших обвинителей.

23 февраля 1871 г.

Уже два дня как мы в Ш е р ш - М и д и ¹. Нас втиснули, иначе не скажешь, в комнату размерами менее 4-х метров ч длину на 3 метра в ш и р и н у . Д в а метра заняты чем-то в р о д е нар, которые тянутся во в с ю длину комнаты. Нам, ч е т ы р е м , остается для прогулок проход всего в метр ширины.

¹ Военная тюрьма.

С трудом удается сохранять чистоту.

Нам разрешена одна получасовая прогулка в день во дворе, во время которой бедняги арестованные солдаты, разумеется, не гуляют.

Мы добиваемся, но безуспешно, одной камеры на двух; нам ответили, что на этот счет не было распоряжений.

Несмотря на все это, мы испытываем некоторое облегчение при мысли, что сможем, наконец, объяснить по поводу этого знаменитого дня, отдавшего нас во власть наших врагов. Правда, если военные судьи захотят выполнить данный им, вероятно, приказ, они смогут отправить нас на каторгу. Ну что же, увидим!

Мы могли бы оспаривать компетентность военного суда, но тогда наше предварительное заключение, затянулось бы на неопределенный срок. Мы будем протестовать только принципа ради, чтоб подчеркнуть подлость наших противников, но, тем не менее, согласимся на немедленный разбор дела. Всем нам не терпится покончить с ним.

24 февраля 1871 г.

Оправданы! Оправданы, после двухдневного разбирательства. Да еще после того, как Дюпон так блестяще прославил этот день 31 октября.

А ведь правительство было уверено, что оно сделало все для получения обвинительного приговора.

Все члены суда, за исключением одного офицера — батальонного командира, были выбраны из среды испытанных бонапартистов, и капитан — докладчик не удержался, чтоб не напомнить суду, что мы были «самыми яростными противниками империи».

Председатель, полковник Леспио, командир 42-го полка, в прежнее время постоянно бывал в Тюльери.

Но вышло так, что этот полковник отнесся к защите Парижа всерьез, и поведение Обороны его возмутило. Он посмотрел на движение 31 октября, не считаясь с его революционным характером, как на последние усилия заставить людей 4 сентября энергично взяться за спасение Парижа и тем самым, быть может, всей Франции.

Он, казалось, упивался словами Дюпона (де Бюссак), выражавшего сожаление, что наша попытка не удалась.

Я, единственный, был оправдан при 3-х голосах за оправдание, против 4-х за обвинение. В военном суде для обвинительного приговора нужно 5 голосов из 7.

Дюпон был действительно великолепен. К концу первого заседания стало ясно, что мы будем оправданы.

Сегодня в половине девятого вечера суд, открыв заседание, объявил нас невиновными по всем выставленным против нас пунктам обвинения.

Гражданин Руйе, друг Вермореля, собирается пойти вместе с регистратором на Площадь, чтоб раздобыть приказ о нашем освобождении. Это дело какого-нибудь часа. Сегодня вечером мы покинем Шерш-Миди, но пока нас отправляют обратно в нашу камеру.

- Бьет девять часов, мы готовимся покинуть тюрьму. Половина десятого — ничего нового. Десять, половина одиннадцатого — никто не является. Одиннадцать часов. Отпирают нашу дверь. Директор тюрьмы извещает нас, что в виду отсутствия каких бы то ни было распоряжений, канцелярия тюрьмы закрыта и нам придется примириться с тем, чтоб послать эту ночь еще здесь.

— Одна ночь быстро пройдет, говорит он, покидая нас с просьбой — поскорее потушить свет... в виду требования устава.

Нужно покориться. Мы ложимся без ужина. К счастью мы в час дня плотно позавтракали между двумя заседаниями в зале суда, обращенном нами в столовую. Это, несомненно, единственный обед состоявшийся там.

Мы в эту ночь не смыкаем глаз. Каким образом Руйе, если он не мог вернуться и освободить нас, не известил нас хотя бы словом об этом.

В военном суде, как и в суде присяжных, оправдательный приговор всегда окончателен. Апелляция от имени публичного обвинения невозможна. Нужно, все же, дожидаться завтрашнего дня.

25 февраля 1871 г.

Вопреки обыкновению, нас отпустили на свободу лишь в час Дня.

Дверь нашей камеры отпирается как и в предыдущие дни, в 8 часов утра. Приказа все еще нет. Директор не знает, что бы это значило. Девять, десять, одиннадцать часов, все еще нет ничего нового.

В десять часов я послал жене записку с рассылным с просьбой, если меня не будет к двенадцати часам, поместить во всех газетах заметку, требующую у правительства отчета в этом произвольном задержании.

В половине двенадцатого директор предоставляет в наше распоряжение отдельный зал и, по нашей просьбе, велит принести чего-нибудь поесть со стороны. Посреди обеда является офицер генерального штаба с известием, что мы свободны.

Он просит извинения за эту необычайную задержку. Лишь только известие о нашем оправдании дошло до полицейской префектуры, наши дела тотчас же были затребованы находящимися в Париже министрами, и они, повидимому, обсуждали всю ночь, не оставить ли нас, несмотря на оправдательный приговор суда, в тюрьме.

Это случается впервые, говорит, прощаясь с нами, офицер генерального штаба.

И эти-то люди, в продолжение двадцати лет бушевали против беззаконий империи.

Мы, наскоро, заканчиваем свой завтрак и через несколько минут выходим из Шерш-Миди.

На другой же день после нашего освобождения моей первой мыслью было отправиться в Белльвилль и вступить в управление мэрией, в надежде на то, что Ранвье и Флуранс, которые тоже будут, вероятно, оправданы, смогут прийти мне на помощь.

Но прежде всего мне хотелось осведомиться о положении дел.

Делами округа, управляла, со времени нашего избрания, муниципальная комиссия, назначенная правительством. Только в ночь с 21 на 22 января уведенный из Мазаса Флуранс явился в Белльвилльскую мэрию и в течение нескольких часов ведал там делами.

Муниципальная комиссия и ее сторонники, вернувшись к власти, заявили, что в течение нескольких часов междуцарствия произошли ужасающие беспорядки, так что она даже лишена возможности дать подробный отчет о своем управлении. Даже, будто бы, пропали весьма важные бумаги.

Как бы там ни было, но неделю тому назад, 16 февраля, когда еще не было известно, будем ли мы оправданы или нет, правительственная муниципальная комиссия обнародовала воззвание о том, что в дальнейшем она не согласна мириться с этим положением и, что пора упразднить временное управление округом. В виду этого она обратилась к правительству с предложением заменить ее в кратчайший срок.

Откуда вдруг появилось такое уважение к праву избирателей, ожидающих, что и м и будут, наконец, управлять, свободно избранные магистраты?

• Я не имею чести знать граждан, входящих в состав муниципальной комиссии, но поспешность, с которой они удаляются, мне кажется очень странной, чтобы не сказать подозрительной.

С другой стороны, незадолго до 22 января я получил письмо от Милльера, в котором он, принося извинения, объясняет, что я был выставлен кандидатом на муниципальных выборах в Белль-

вилле*, лишь с целью «провалить Бланки, чья кандидатура иначе имела бы успех».

Итак, я узнал, благодаря этому письму, каким образом белльвилльцы выбрали меня, никогда и не помышлявшего выставить свою кандидатуру. Признаюсь, что я был очень возмущен той гнусной ролью, которую меня, без моего ведома, заставили сыграть в этом деле.

Я не верю в возможность применения диктатуры, как средства для победы социальной революции. Я не знаю такого человека и л и группы, которые были бы в состоянии единолично решить те многочисленные проблемы, которые она перед нами ставит, как бы ни б ы л и умны и преданы делу диктатор и его приверженцы. Я, следовательно, не могу быть бланкистом.

Но все это не мешает мне огнестись к Бланки, вся жизнь которого была целиком и полностью отдана Революции, с тем уважением, на которое он имеет право, и я оскорблен, что меня выдвинули против него на муниципальных выборах. Нет оправдания для Милльера и его друзей, действовавших подобным образом, не спросив меня.

Я теперь понял, почему, несмотря на мои просьбы, белльвилльские граждане, к которым я обращался, не посвятили меня в то, что там происходило. То, что мне показалось безразличием, было, по всей вероятности, недоверием.

В таком случае, с моей стороны было бы беспримерной глупостью броситься, очертя голову, в эту враждебную мне среду.

Прежде всего нужно узнать от комиссии, как в сущности обстоят дела. В виду этого, я отправляюсь к одному из ее членов, гражданину Сэмбуазель, содержанию пансиона, чтоб получить от него первые необходимые мне справки.

Он с жаром настаивает, чтоб я тотчас же пошел в мэрию и вступил там в должность.

Я его успокаиваю и спрашиваю, расположена ли комиссия дать, первым делом, отчет о своей деятельности не мне, а управляемому ею населению, созданному для назначения делегатов, которые рассмотрят эту деятельность. Я беру на себя управление только при выполнении этого формального условия, в противном же случае отказываюсь.

Гражданин в большом смущении. М о е предложение едва ли испугало его, но он его находит весьма необычным. Комиссия, отвечает он, о б ь з а и н а отчитываться только перед назначившим ее правительством.

В в и д у имеющих у меня вполне законных оснований не доверять честности этого правительства, я решительно отказываюсь принять на веру, что все обстоит благополучно. Я безусловно за то, чтоб население само контролировало деятельность комиссии.

Мы расстаемся, прекрасно понимая, что мы далеки от соглашения.

Тогда эти господа подают мне официально прошение об отставке, которую я отклоняю мотивированным письмом.

Они останутся, вопреки своему желанию, муниципальными комиссарами.

У меня нет ни малейшего желания, снисходя к ним, вытаскивать их из той ямы, куда они добровольно залезли и откуда очень хотели бы выбраться. Пусть они там и остаются.

Через 8 дней после нашего оправдания, новая партия арестованных предстала перед тем же военным судом.

Жаклар, Валлес, Ранвье, Эд, Бауэр, Режер и Морис Жоли заняли, в свою очередь, скамью подсудимых.

Бланки, Флуранс и Сирилл отсутствуют при перекличке

Милльер, Тридон, и Разуа, как депутаты, пользуются неприкосновенностью. Нужно иметь особое разрешение, чтоб возбудить преследование против них.

Суд находится во власти тех же настроений. Обсуждаются те же самые факты. Некоторые инциденты заслуживают, однако,, быть отмеченными.

Среди фактов, вменяемых в вину Жаклару, фигурирует следующий- он резко вырвал из рук Жюля Фавра письмо, которое тот тайком писал своей дочери. Оно начиналось следующими поразительными словами: «Дочь моя, я погиб, меня выдают правосудию».

Этот подлец опасался, без сомнения, чтоб в случае торжества революции не добрались, наконец, до судебных материалов его знаменитого дела, опубликованных впоследствии Милльером и обнаруживших многочисленные подлоги и подделки, совершенные им. Он уже видел себя сосланным на каторгу — самое подходящее для него место.

Другой инцидент связан с Морисом Жоли. Ему вменяется в вину, что 31 октября он собирался дать Жюлю Ферри пощечину.

Я немедленно же посылаю обвиняемому записку с предложением, чтоб он попросил председателя суда выслушать по поводу этого обвинения мое показание.

Председатель согласен, по просьбе Мориса Жоли, выслушать мое показание, но только как справку, так как я не могу быть свидетелем по делу, к которому сам был причастен.

Я тогда заявляю, что в действительности не обвиняемый, которому ошибочно это ставится теперь в вину, а я дал бы пощечину

господину Ферри, если гражданин Массоль не удержал мою руку. Суд принимает к сведению мое заявление.

Наступает очередь Валлеса.

Его обвиняют в том, что в ночь с 31 октября на 1 ноября он растратил съестные припасы, приберегавшиеся для больных и роздал их людям своего батальона.

— Господин Валлес, обращается к нему председатель, перейдем, наконец, к этой истории с селедками.

— Ах да, господин председатель, к этим знаменитым селедкам. О них печать столько нашумела, что они стали историческими.

— Исторические ли они или нет, не знаю, но они были съедены.

— Совершенно верно, господин председатель.

— Но это тяжкий проступок, милостивый государь, ведь это припасы, предназначенные для больных.

— Для больных! Но эти селедки были копченые, да еще в добавок невероятно соленые. Я это знаю потому, что я съел одну из них. Не думаете ли вы, господин председатель, что их следовало бы сохранить, чтобы давать чахоточным.

Суд и аудитория с большим трудом удерживаются от смеха.

Обвинительный акт изображает, с другой стороны, как Валлес спасал от ярости своих людей мэра округа Виллетт, оптика Ришара. Это—республиканец, который тоже повторяет с 1848 года, что в июне было мало расстреляно.

Обвинение утверждает, что люди из батальона Валлеса хотели повесить этого прекрасного республиканца.

Наш друг решительно протестует против мнимого спасения, которое ему хотят приписать. Ришар, в сущности и не подвергался риску умереть, разве что от спазм желудка.

Валлес велел попросту отвести его в соответствующее место.

В то время, как Валлес разрушает свой ореол спасителя, я замечаю, что губы председателя складываются в многозначительную гримасу. Его приводит, повидимому, в бешенство заявление Валлеса, что его батальон был бы неспособен убить старого дурака.

Президентская гримаса наводит меня на мрачные мысли, и поэтому, когда суд удаляется на совещание, я советую Валлесу поскорее скрыться. Если Валлес, что весьма вероятно, будет осужден, то его, согласно принятому обычаю, немедленно арестуют.

Он смешивается с собирающейся уйти частью публики и уходит, не обратив на себя внимания поставленных у дверей чавовых.

Барабан бьет призывной сигнал. Заседание возобновляется. Читатель! Вмешайтесь, если вы об этом забыли. Висселись, если вы не помните, что это амальгамная чина, она смывает...

ключению. Но, по условиям нашего времени, шесть месяцев это Еечность. Лучше, подобно зайцу, «предпочесть ожидание».

Забавнее всего то, что, когда я вместе с некоторыми друзьями собираюсь после произнесения приговора выйти, часовой направляет на меня штык со словами: «Остановись! Ваше имя—Валлес, я вас хорошо знаю; вы приговорены к 6 месяцам. Остановитесь!».

Ему никак не втолковать, что он ошибается. Наконец, появляется старый бригадир, разыскивающий своего пленника. Он меня узнает, соображает, что настоящий Валлес сбежал и приказывает выпустить меня.

На следующее утро, часов в десять, ко мне является Валлес. Дело идет об издании новой газеты. Он делится со мной своими опасениями, что его арестуют накануне неминуемой схватки.

— Дорогой мой, разумеется, ты будешь скоро арестован, если не станешь старательнее скрываться, ведь за тобой уже гонятся по пятам.

— Но что же сделать?

— Надо сбрить бороду.

— Совсем?

— Совсем.

— Чорт возьми, но ведь...

— Ты будешь некрасив, конечно, но это ничего не значит.

— Но если я пойду к парикмахеру, то уж тот факт, что я сбрую бороду, меня выдаст.

— Поэтому-то и нужно здесь же заняться этой неизбежной метаморфозой. Приступим-ка скорей, я это тебе устрою.

Сперва я его остриг. Он желает взглянуть на себя и находит, что ужасен. Честное слово, он прав.

— Не оставить ли это так, скажи? Только бы подравнять немного.

— Никак нельзя, я недостаточно искусен для этого.

Моя жена, а вместе с ней гражданин Буи (Камилл) убеждают его покориться своей участи.

Он покоряется. В пять минут все закончено. Он неузнаваем. Но вот голос его меня беспокоит. Необходимо, чтоб он вне дома был нем как рыба; без этого нет спасения.

Все предчувствуют, что готовится страшная борьба.

Правительство, избранное в Бордо самым-реакционным из всех когда-либо избиравшихся Францией Собраний, не внушает даже самым умеренным республиканцам никакого доверия.

Оскорбления, которыми это Собрание (правильно названное иарсельским гражданином Гастоном Кремье собранием «деревенщины») осыпало Гарибальди, вызвали единодушно осуждение.

Право, эти люди, повидимому, совсем утратили национальное чувство, если могут так поступать с человеком, который великодушно предоставил собственный меч к услугам Франции, забыв свое справедливое негодование против победителей Ментаны \

Они поистине достойные потомки той аристократии, которая на протяжении веков не колеблясь предавала, когда ей это было выгодно, свою родину.

Мнимый патриотизм французской аристократии, проявляющийся в течение всей нашей истории — ничто иное, как легенда, требующая разоблачения.

Эти трусы не желают являться в Париж—он им ненавистен из-за своего слишком долгого сопротивления.

«Пусть так», говорят парижане: «они нам не нужны. Постараемся, в будущем, полагаться лишь на себя, во всем, что касается наших интересов».

Эта мысль прокладывает себе понемногу дорогу даже в чисто республиканских кругах, например, среди защитников Республики, собирающихся у бывшего патрона Толэна, Шаванья. Идея провозглашения Коммуны каждый день, мало-по-малу возвращает потертую ею после 31 октября почву.

Это удивительное направление мыслей явилось следствием систематически разжигаемой, начиная с 1848 года, нелепой вражды провинции к Парижу, который она уже 20 с лишним лет обвиняет в мнимом деспотизме.

— Пусть будет так — отвечают ей парижане, — перенесите, если вам это по душе, местопребывание правительства хоть в Фуйи-лез-Уа², но в таком случае отныне мы будем пользоваться в управлении своими делами такой же независимостью, какой пользуется теперь эта знаменитая коммуна.

Что вы можете возразить на это?

С другой стороны Центральный Комитет батальонных делегатов, твердо решил бороться со всякой попыткой восстановления монархии — этой мечтой Бордосского Собрания. Комитет располагает значительной вооруженной силой, с которой нельзя будет не считаться.

Благодаря энергии и находчивости некоторых граждан, Центральный Комитет располагает даже внушительной артиллерией, Франция при Наполеоне III оказала помощь итальянцам в войне против австрийцев за освобождение и объединение Италии. После победы над австрийцами при Ментане, правительство Наполеона помешало, однако, Гарибальди и занять Рим. (Прим. перев.)

Фуйи-лез-Уа — соответствует нашему выражению «Чухлома», то-есть глупая провинция (Прим. перев.).

которая по недосмотру осталась в парке Пасси и без их вмешательства попала бы в руки пруссаков.

Правда, правительство намерено вернуть себе эти пушки, как принадлежащие государству, однако, оно не вправе так поступить, потому что эти пушки—результат добровольной подписки среди парижан во время осады: население вполне справедливо требует обратно свою собственность.

Пушки находятся, покамест, на Монмартрских и Бельвилльских высотах, где их старательно и неусыпно сторожат национальные гвардейцы, которые ни в коем случае не допустят, чтоб их увезли.

Все элементы грядущего конфликта налицо.

— Дорогой друг, — говорит мне Верморель как-то вечером после ужина, — сообщаю вам о моем предстоящем отъезде в Америку. Мой кузен, живущий в Нью-Йорке, настойчиво приглашает меня к себе.

— С. меня довольно этой мерзкой политики с ее вечной борьбой за власть. Я молод, не боюсь ни забот, ни усталости и уважаю лишь заработанный трудом хлеб.

Пора уезжать.

— Мне понятно такое решение,—отвечаю я,—и будь я моложе, быть может, я поступил бы так же, но я человек уже сложившийся и чувствую, что останусь здесь, чего бы мне это ни стоило.

— Прощайте же, и постарайтесь быть там счастливее нас. Вам это будет нетрудно.

Я лично тоже в глубоком унынии. Я потерял веру в Париж после 31 октября. Он целые пять месяцев проявлял лишь пассивное мужество. Правда, он достойно переносил страдания долгой осады и, даже побежденный и сданный, сумел внушить победителям достаточно уважения, чтоб заставить их отказаться от долгожданного триумфального въезда.

Они лишь скромно приоткрыли двери, чтоб рассмотреть его издали.

Но этот же Париж добровольно согласился переносить каждодневную измену людей, гнусное и низкое поведение которых ему было давно уже известно. Он их удержал у власти в то время, как некоторых из его сынов хотели их с позором изгнать. Он проглотил план, знаменитый план.

Мне не верится, чтоб в нем было достаточно пороха для революции.

Что же тогда будет с Республикой, за которую вот уже скоро сто лет проливается столько крови?

Но, покамест, и мне тоже нужно подумать о своих личных делах и добыть для семьи средства существования.

Сводный дядя моего друга, музыканта Эд. Лало, ведет крупные коммерческие дела. Он предлагает мне поселиться в Гавре, где я буду его представителем и еще некоторых его приятелей.

По прибытии их кораблей я буду проверять товары и сличать их с образцами, на основании которых были заключены сделки. Затем я либо приму поставку, либо, в случае разногласия, распоряжусь и нынче образом и, наконец, разошло прибывшие товары в назначенные пункты.

Установленный оклад и причитающиеся мне комиссионные создадут для меня вполне подходящие условия жизни.

Так как к исполнению этих обязанностей я должен приступить лишь первого мая, я пока обеде центр Франции, чтоб заключить несколько сделок по покупке фуража, в котором мой новый патрон спешно нуждается, я предполагаю даже добраться до Женева, где наш старший сын провел все время осады, не имея от нас никаких известий.

К тому же гражданин Вальян пригласил меня и Белэ провести несколько дней в Фирзоне, где он живет со своей матерью.

Мы с Белэ назначили свой отъезд на 20 марта

Мы условились встретиться к первому утреннему поезду на Орлеанском вокзале и отправиться сначала в Фирзон.

Белэ намерен помочь мне в заключении моих первых сделок.

Все эти планы мне, пожалуй, даже доставляют удовольствие и тем не менее, я испытываю, помимо своей воли, беспокойство при мысли о том, что моя семья останется одна в Париже столько времени.

В вечер наших с Белэ переговоров, лишь только я вернулся к себе, тотчас же явились два гражданина, безуспешно старавшиеся застать меня дома в течение дня.

Я немного знаю одного из них — гражданина Ф. Г., которого я иногда встречал на собраниях. У его спутника совсем вия полицейского, и он не внушает мне никакого доверия. Я лишь однажды видел его в военном суде, когда нас судили; он тогда вел довольно странные разговоры.

Эти граждане объясняют, что их прислал Центральный Комитет национальной гвардии, чтоб узнать, можно ли будет на меня рассчитывать в тот момент, когда вспыхнет восстание, сигнал к которому должен быть подан в ближайшее время, и соглашусь ли я тогда принять пост министра внутренних дел.

Сперва мне показалось, что я имею дело с двумя помешанными. Зачем, подумал я, Центральный Комитет станет мне делать подобное предложение. Неужели он не имеет в своем распоряжении достаточного количества людей? Возможно ли допустить,

чтоб он предложил такой важный пост гражданину, не входящему в его организацию, и, со дня его образования, не имевшему к нему никакого отношения.

В виду настояний моих посетителей, я делюсь с ними своими сомнениями насчет действительности их мандата, и это их приводит, подадим ому, в смущение.

Тогда, обратив это дело в шутку, я заявляю им, что освободившись только недавно от пребывания в *внутреннего*, яв данный момент предпочитаю внешнее¹, на чем и расстаюсь с ними с все возрастающим сомнением насчет этих людей, с которыми мне пришлось столкнуться.

На следующий день я рассказываю эту историю Бриону, которого застаю дома. Он страдает сильнее, чем всегда, от кровавой рвоты. Я называю имена — они ему известны. Это, действительно, два члена Центрального Комитета. Подобно мне, он уверен, что это два идиота, которые попросту захотели пустить пыль в глаза.

Брион тоже думает; что час столкновения близок, и мы оба убеждены, что если сигнал к борьбе будет исходить от Центрального Комитета, то революционеры ждет кровавое поражение.

18 марта 1871 года.

Вопреки всем ожиданиям, сражение начато правительством и до сих пор едва ли ему приходится поздравлять себя по этому поводу.

Центральный Комитет заседает в Ратуше. Управление делами всего государства, полицейская префектура и некоторые окружные мэрии в руках его делегатов.

Я провел вчерашний вечер с некоторыми друзьями, среди которых был Жаклар, утверждавший, что дело с Монмартрскими пушками наконец улажено.

Вчера же утром мэр Клемансо с согласия высшего офицерства национальной гвардии условился с генералом д'Орель-де-Паладин, что пушки будут переданы комитету, состоящему из батальонных командиров.

В разных местах Парижа будут устроены парки и переданы артиллерии национальной гвардии, которую спешно реорганизуют

В сущности, это единственный приемлемый выход из положения, которое не могло длиться до бесконечности, тем более, что поставленная для охраны этой артиллерии стража и та начала тяготиться своей службой.

¹ Непередаваемая игра слов. Под «внутренним» пребыванием подразумевается пребывание в тюрьме (*Прим.перев.*)

Итак, столкновение на этой почве, казалось, было предотвращено.

Сегодня утром, когда я, выйдя довольно рано из дому, направился к Монмартрскому вокзалу, чтобы снять осмотренную мною накануне квартиру, мне бросились в глаза столпившиеся на углах улиц и казавшиеся слегка возбужденными граждане. О них читают большие белые афиши — это правительственное воззвание.

В нем говорится о злонамеренных людях, которые под предлогом сопротивления пруссакам, присвоили себе власть над городом, о тайном комитете, который претендует на командование национальной гвардией, об украденных у государства пушках, о виновных, которые будут вскоре преданы обыкновенному суду.

Воззвание закликает добрых граждан отмежеваться от дурных и угрожает, что порядок будет немедленно восстановлен какой угодно ценой.

Язык этих воззваний давно знаком. Точно такие же, с некоторыми видоизменениями, предшествовали 24 февраля, 22 июня 1848 года, 13 июня 1849 года, и 2 декабря 1851 года. Их отличают одни только подписи. Это литература мастеров по части государственных переворотов.

Я, однако, продолжаю идти своей дорогой. Это даст мне возможность выяснить себе настроение значительной части города.

Это настроение в кварталах острова Сен-Луи, Сен-Жак и бульвара Сен-Мишель ближе к изумлению, чем к гневу.

На улице Ренн и в квартале Вожирар видна даже радость, правда, осторожная и не слишком шумная. Конечно, не здесь будет поднято знамя восстания.

Невдалеке от того дома, где мне нужно быть, я встречаю Вермореля с опущенной головой и весьма озабоченным видом...

— Вы слышали новость?

— Да. Я сейчас прочел воззвание.

~"

— Дело не в этом. Сегодня ночью была попытка увести пушки с Монмартра. Национальная гвардия, которая была вовремя предупреждена, помешала этому. Войска, посланные на подмогу нападавшим, вначале держались стойко, но спустя некоторое время побратались с народом. Винуа, который командовал ими, пришлось удирать во всю прыть. Другой генерал — Леконт — арестован своими собственными солдатами.

— В таком случае это начало революции. Что вы собираетесь предпринять?

— Вы знаете, что я не имею возможности взять на себя инициативу. А вы?

— Я? Я спешу домой, а оттуда, разумеется, отправлюсь в Белльвилль, чтоб на этот раз выполнить свои муниципальные обязанности. Быть может, я там пригожусь. Прощайте.

Познакомив в нескольких словах своих домашних с положением дела, я отправляюсь в Белльвилль.

На мосту, у улицы Оберкамп, я встречаю некоторых друзей из «Защитников Республики», возвращающихся с похорон Шарля Гюго, внезапно скончавшегося в Бордо и погребенного на кладбище Пер-Ляшез.

Белльвилль, по их словам, в сильном волнении. Там тоже была попытка увезти пушки, которая, как и на Монмартре, потерпела неудачу. Больше они ничего об этом не знают.

Около улицы Сен-Мор меня узнают некоторые белльвилльские граждане. Они и подтверждают только-что услышанное мною и добавляют, что Флуранс овладел мэрией и отдает там приказы.

Он там в одиночестве, так как Ранвье не вернулся еще из Бельгии, где он скрывается после побега из дома Дюбуа.

Последнее известие наводит меня на серьезные размышления. Я направлялся в Белльвилль в расчете на то, что мое присутствие там могло бы быть полезным. Появление Флуранса меняет в значительной степени положение.

Несмотря на мое избрание, я по существу чужой в этом округе. Я не связан с комитетами. Флуранс же, наоборот, там знают с самого начала осады. Он командовал батальонами и представляет собой в этой среде известную силу.

Я достаточно хорошо знаю этого человека, чтоб не сомневаться в том, что он не допустит ни в коем случае критики своих решений или даже споров по их поводу.

Что же мне в таком случае остается делать в настоящий момент, когда, в конечном счете, надо действовать и притом действовать быстро?

Выполнять приказы Флуранса? Но, не говоря уже о том, что эта пассивная роль мне совсем не подходит, я уверен, что не будет недостатка в ее исполнителях. Оспаривать бесполезные, или, быть может, даже вредные для движения приказы? По какому праву? Разве состояние умов мне известно лучше, чем ему? Я создал бы только новые осложнения. Я быстро прихожу к решению и возвращаюсь в Париж.

Если вспыхнет борьба, я скорее смогу найти себе применение в 4-ом округе, где меня знают и представителем которого я был в Комитете Кордери.

В ожидании этого, я направляюсь на бульвары, чтобы посмотреть, что происходит.

По всему пути от бульвара Сен-Мартен и до бульвара Монмартр большое оживление. Говорят, спорят. В общем бранят

правительство за нарушение соглашения с Клемансо и д'Орель-де-Паладином, достигнутого накануне. Но ничто не указывает на приготовление к борьбе. Кофейни, в частности кафе «Мадрид» полны народом. Некоторые друзья обращаются ко мне, как к человеку осведомленному, за новостями, но мне известно не больше, чем им.

В течение четырех месяцев, проведенных в тюрьме, нами была утеряна всякая связь с революционными группами. Мы были осведомлены обо всем, что происходило, только по газетам, и ждали, как и все, «дела». Но каким образом и при каких условиях? В этом отношении мы все захвачены врасплох.

Я навещаю к Бриону. Он так же озадачен, как и я. Болельщик, из-за которой он уже несколько недель прикован к постели, обрекла его, подобно нам, на неизвестность.

Около пяти часов вечера мы узнали в кафе «Мадрид», что на улице Розье в Монмартре расстрелян генерал Леконт, несмотря на все усилия, направленные к его спасению. Эта короткая расправа—результат вполне естественной ненависти, которую возбудил против себя во время осады Клеман Тома, как генерал национальной гвардии. Человек этот был способен и шель на повторение уже сыгранной им в июне 1848 года, роли врага парижских рабочих.

Тома был простым гоф-фурьером армии Луи-Филиппа и никогда нельзя было понять, почему он, не обладая особыми данными для столь важного поста, был дважды призван командовать парижской Национальной гвардией.

Он постоянно вносил в исполнение своих обязанностей, взамен недостающих ему военных качеств, самое оскорбительное для его подчиненных высокомерие и презрение. Более того он проявил в июне по отношению к побежденным инсургентам невероятную жестокость.

Его узнали на Монмартре, куда он пришел посмотреть, что там происходит, некоторые национальные гвардейцы; его немедленно арестовали, судили в импровизированном военном суде и приговорили, вместе с Леконтом, к расстрелу.

Досадно, что Клеман Тома не был казнен на месте, тогда жизнь Леконта была бы, конечно, спасена.

Орель-де-Паладин напрасно велит бить сбор, чтоб созвать буржуазные батальоны. Они воображают, что дело будет жаркое и не откликаются, предпочитая, осторожности ради, сидеть по домам.

Около 11 часов вечера я иду в мэрию на Монмартр. У Клемансо настроение угрюмое и выжидательное. Оба его помощника—Дерер и Жаклар—находящиеся тут же, стали на сторону Центрального Комитета Лянгла, командир 116-го батальона, мечет

громы и молнии против бланкистов, которые, по его мнению, одни лишь виновны в событиях.

Свирепая ненависть к Бланки и его друзьям очень на-руку этому паяцу. Он ею маскирует свое отступление в момент необходимости действовать.

Старик Белэ положительно был тысячу раз прав, говоря, что этот человек задаст нам перцу.

В два часа утра передвижение по Парижу становится затруднительным. Повсюду воздвигаются баррикады: Революция снова возвещает о себе.

В то же время распространяются слухи о том, что правительство бежало в Версаль, где через несколько дней должно открыться Национальное Собрание.

Опять Париж сам себе хозяин.

18 марта — 3 июля 1871 года.

18 марта 1871 года.

Солнце стало коммунарком. Погода великолепная. Весенний кетерок колышет красное знамя, весело развевающееся над городской Ратушей. Вокруг нее пушки, которые выглядят, в общем, довольно добродушно.

Эти пушки охраняются всего несколькими часовыми, которые не позволяют стоящей на площади толпе приближаться к ним.

На лицах написано любопытство, но беспокойства незаметно.

Все задаются вопросом, что произойдет дальше. Хотя правительство Тьера и покинуло ночью Париж, предполагают, что не все еще кончено.

Центральный Комитет, верный своему мандату во чтобы то ни стало сохранить Республику, но не управлять ею, уже расклеил прокламацию, в которой он объясняет, каким образом власть досталась ему и обещает поспешить передать ее будущим избранникам народа.

У Ратуши много споров по вопросу о необходимости идти без промедления на Версаль, чтобы помешать Бордосскому Собранию завтра же там собраться.

Действительно, крайне необходимо, чтоб Тьер и его сообщники не нашли в Собрании точки опоры для организации контр-революции.

Главной задачей этого Собрания, к тому же, было выработать условия мира с Германией. Задача эта теперь выполнена, и потому его полномочия формально закончились.

Сопrotивление его дальнейшей деятельности правомерно и в то же время отвечает требованиям благоразумия.

Мне кажется невозможным, чтобы это ускользнуло от проницательности находящихся в Ратуше. Этого повелительно требует безопасность Парижа.

Так думают сторонники немедленного наступления на Версаль и, мне кажется, что они правы.

Но является ли Центральный Комитет хозяином положения вследствие его пребывания в Ратуше?

Муниципальные власти, избранные после 31 октября, утверждают, что Комитету не остается ничего другого, как вернуть им «дом народа». Это вздорное требование было решительно отвергнуто, хотя некоторые члены Комитета, по слабости, склонны были, говорят, вначале согласиться на него. В сущности, на каком основании было оказывать этим господам такое доверие?

Разве, за редкими исключениями, они не прислуживались перед «Обороной» и не мирились с ее многочисленными изменами?

Уступив им власть, Комитет совершил бы, в свою очередь, самую недостойную и непростительную подлость. На это он не способен.

Ясно, однако, что эти господа мэры и их помощники, отвергнутые — приложат все усилия, чтобы ставить палки в колеса, и, таким образом, Центральный Комитет будет лишен той свободы духа и инициативы, которая ему необходим^, чтоб придать движению размеры, обеспечивающие победу.

Сегодня в два часа было собрание у Шаванья, президента общества «Защитников Республики». Я убежден, что эти страшные защитники ничего не защитят

Этот титул слишком тяжелая ноша для них. Им следовало бы называться попроще: «друзьями» Республики. Это ни к чему не обязывает.

У них, у всех, имеется веский аргумент, что Центральный Комитет состоит из неизвестных.

Неизвестные! Произнесено значительное слово.

Мне кажется, прежде всего, что Флуранс, Ранвье и Варлен не так уж неизвестны, по крайней мере, в Париже. А разве те, кто в ночь 10 августа 92 года организовали коммуны, принудив Конвент, провозгласить низложение Людовика XVI, не были такими же неизвестными?

Отчего же нынче историки, в том числе и Луи Блан, который тоже говорит о «личностях без мандата*», преклоняются перед неизвестными той эпохи?

Многим ли среди известных сегодняшне!о дня мог бы парижский народ доверять больше? Их список не оказался бы длинным.

И, по имени всего, какое имеет значение, насколько эти люди известны. Они никоим образом не думают навязываться

• Несть месяцев тому назад Париж сделал глупость, доверив судьбы Республики известным, весьма даже известным предателям. Центральный Комитет, состоящий из делегатов парижской национальной гвардии, заставил этих изменников очистить место. Он заявляет о своей готовности уступить его, в свою очередь, тем, кто вновь будет свободно избран. После этого ч е м же он страшен?

Откажемся ли мы когда-нибудь от династических традиций, которые свойственны республиканским головам в такой же степени, как и монархическим?

Эти Дюжаррье, Андрэ Мюра, Бонваллэ, Шаванья и прочие граждане того же сорта не находят возражений. Но с этим ничего не поделаешь. Им все-таки нужны имена.

Быть может, не признаваясь себе в этом, они весьма охотно зачисляются в разряд знаменитостей, без которых, по их утверждению, «уважающая себя» революция не смогла бы обойтись.

Вот, в сущности, настоящая причина их брюзжания против Центрального Комитета, по которой они причинят революции больше вреда, ч е м испытанные реакционеры.

26 марта 1871 г.

Мой выбор сделан

Революция, пока еще не определившаяся, заняла Ратушу, а проявившая уже себя в Бордо реакция, облик которой после 1848 года более чем знаком, оснуется в Версале. Колебаниям нет больше места. Каждый революционный социалист должен содействовать Центральному Комитету.

В подобном настроении я встретился сегодня утром на углу предместья и бульвара Монмартр с Верморелем.

— • Итак, сказал он мне, что вы думаете по поводу всего этого? Какой сумбур!

— Да, действительно сумбур, если вы говорите о состоянии умов наших республиканцев. Они, по примеру Буриданова осла, готовы уморить Республику в колебаниях между Версалем и Ратушей. Что же касается Центрального Комитета, то его путь мне кажется правильным.

— Это действительно, единственная сохранившаяся сила Республики * — Вне всякого сомнения.

— Это действительно, единственная сохранившаяся сила Республики, и, подобно вам, я считаю необходимым к ней присоединиться. Вот я и натерен с сегодняшнего же вечера издавать газету этого направления. Не примете ли и в ь 1 участия?

— Ведь я не журналист, вы это знаете. Тут нужен талант или... апломб, а у меня нет ни того, ни другого. Как будет называться ваша газета?

— «Порядок»

— Чтоб вас чорт подрал, дорогой мой! Неужели вы никогда не изменитесь? Выбрать такое заглавие!

— Но я собираюсь доказать парижанам, что мы представляем собой порядок.

— Идите к чорту! Вашу газету изорвут в клочки, не дав себе даже труда ее прочесть.

В этот же день некоторые члены Комитета Кордери, слившиеся теперь с Комитетом национальной гвардии, собрались обсудить положение

Я здесь встречаю Бриона, Валлеса, Тейша, Пьера Дени, Т Ферре, Дюмона, Дюпа, Вальяна, Камелина и Белэ. Арман Леви находится тут же, но мы предлагаем ему удалиться, решительно отвергая всякие сношения с теми сводниками, которые во времена империи старались сблизить социалистов с Баденгэ

Вскоре появляется вернувшийся из Бордо Малон. Он излагает нам свои путевые впечатления, которые нерадостны. Он убежден, что, несмотря на презрение, уже вызванное Собранием деревенщины, провинция не поддержит движения. Она больше всего боится возобновления ни в каком случае для нее нежелательной войны. Приходится опасаться больших потрясений.

Волнение, охватывающее его во время этого рассказа, так велико, что он вынужден, рыдая, приостановиться

В виду того, что преднамеренно созданное правительством Лбера и его соратниками положение угрожает Республике и уйти от него невозможно, мы, несмотря на эти мрачные предвидения, полагаем, что лучше всего смотреть правде в глаза

В конце концов, мы решаем всеми силами поддерживать Центральный Комитет.

Назначается делегация, чтоб передать Ратуше эту резолюцию

Ей поручено также добиваться освобождения генерала Шанзи, арестованного в тот момент, когда он отправлялся на Монмартрский вокзал, чтоб ехать в Версаль. Само собой разумеется, что генерал в обмен на свободу должен дать слово не принимать никакого участия в военных действиях против Парижа.

Я входил, в п е р в ы е п о с л е 31 октября, в Ратушу. М н е казалось, что это вечер того же дня Лестницы, дворы, галереи полны вооруженных людей. Общий вид чрезвычайно живописен

При помощи некоторых узнавших нас федератов, мы быстро попадаем в большой зал, где спокойные и решительные члены Центрального Комитета дружески приветствуют нас.

Они угадывают причину нашего посещения и горячо благодарят нас за содействие.

Они обещают освободить, по возможности, скорее генерата Шанзи, хорошо понимая, как мало соответствует нынешним

обстоятельствам арест одного из немногих генералов, исполнивших свой долг перед родиной.

Газета Вермореля, как я его об этом предупреждал, потерпела полное фиаско.

За одно только ее название газетчики подвергались насмешкам. У них покупали листок, но лишь для того, чтоб его изорвать и растоптать.

Нет тех низостей, измен и преступлений, которые, в особенности после 1848 года, не прикрывались бы «Порядком».

Чуть кто-нибудь заговорит о порядке, как л ю д и настораживаются в опасении, что их подведут или же нападут на них исподтишка. Во имя порядка сажают в тюрьмы, ссылают, вешают, расстреливают, гильотинируют тех, кто пытается прекратить всяческие грабежи, которыми испокон века правители живут за счет управляемых.

Оттого так понятно отвращение и недоверие, внушаемое к себе всеми, кто пользуется этим словом, по справедливости проклинаемым в его политическом значении

Я встречаю Вермореля после появления второго номера его тзеты. Он обескуражен неудачей своей необдуманной затеи.

— Сегодня вечером я уезжаю,—говорит он мне — На этот раз я прощаюсь с по-настоящему. М н е бы только успеть обнять с в о ю мать, а там я отплываю в Америку. В этой суматохе мне делать нечего. Я бесполезен и право не знаю, зачем мне дальше здесь толкаться.

Бедный Верморель! Неудача выводит его из себя; между тем, мне кажется, не нужно было особой проницательности, чтоб ее предугадать.

«Голюа», стоящий вместе с «Фигаро» во главе реакционной полицейской печати, прибегает к особой уловке, чтоб попытаться принизить значение Центрального Комитета.

Комитет этот, по его словам, ничего собой не представляет, так как он покинут не только признанными республиканцами, но и социалистами, из которых в Ратуше нет ни одного известного.

Мы пользуемся предстоящими выборами, к которым, несмотря на оппозицию лже-республиканских газет, будут призваны избиратели, не столько для возражений «Голюа», до которого нам нег никакого дела, сколько для того, чтоб еще раз подчеркнуть наше состоявшееся присоединение к Центральному Комитету. Мы обращаемся к парижанам с возванием, в котором заклинаем их создать своим вотумом муниципальное представительство, способное вернуть Парижу уверенность в себе, которой не могло ему обеспе-

читать ни одно из угнетавших его до сих пор самовластных правительств.

Под этим воззванием стоят следующие подписи: Ш. Белэ, Брион, Бо, Г Бокэ, Бедуш, А. Брейэ, Шальве, Камелина Ш. Д ю - мон, П. Дени, Т. Феррэ, Амэ, А. Лиас, Г. Лефрансэ, К., Мартэн, Э. Поттье, Ш. Роша, Ренье, Тэлидон, Тейш, Вальян и Ж. Валлес.

Пусть не говорят, что люди, вступившие с 1868 года снова на путь революционно-социалистической борьбы, покинут тех, кто своими сильными руками поднял над Ратушей народное знамя, знамя социальной Революции, под лицемерным предлогом, что эти граждане — неизвестные.

Постепенно вытесняемые делегатами Центрального Комитета из своих мэрий, мэры реакционных кварталов и их помощники сгруппировались вокруг мэра 2-го округа, Тирара, ставшего во главе борьбы с революцией.

Этот господин устроил в своей мэрии склад митральез и боевых припасов.

Главным начальником своих батальонов он назначил некоего господина Кевовиллье, владельца магазина белья на улице Ришелье, явного бонапартиста. В помощниках при нем состоит член «Общества Защитников Республики» Шерон и бы в ш и й член Интернационала — некий Элигон, давно уже подозреваемый его старыми товарищами в сношениях с императорской полицией.

Таковы лейтенанты Тирара, сего современного рыцаря армии порядка.

Так как притязания этих господ становятся чрезмерными, Центральный Комитет, под конец, призывает их к порядку.

Вслед за появлением довольно резкого воззвания граждан Эд и Дюваля, на которых возложено овладение непокорными мэриями первого и второго округа, они занимаются без малейшего сопротивления со стороны охранявших их храбрецов.

Это — последняя карта реакции вслед за смешной выходкой членов Жокей Клуба на Вандомской площади \

Итак, Париж теперь всецело принадлежит Революции.

Но пропущен момент занятия Версаля.

Собрание и правительство там соединились и смогут организовать сопротивление посерьезнее, чем Тирар и его сообщники.

Это большое, быть может, непоправимое несчастье.

Пусть ответственность за него ляжет всецело на мэров Парижа и депутатов Сены, чье жалкое поведение в течение недечи

¹ Имеется в виду контр - революционная манифестация «Друзей Порядка» на Вандомской площади 22 марта. (Прим. перев.).

приве́ло к потере времени, драгоценного для собравшихся в Ратуше революционных сил.

Мэры и депутаты вплоть до последней минуты выказали себя в одно и то же время и с м е ш н ы м и и гнусными.

Коммунальные выборы, вследствие соглашения между н и м и и Центральным Комитетом, назначены на завтра. В Париже тотчас же было вывешено по почину Ратуши воззвание, в котором говорится, что мэры и депутаты присоединитесь к Центральному Комитету.

Эти последние тотчас же ощущают потребность ответить, в свою очередь, воззванием. Они отнюдь не присоединились, но убедились, что и т. д. и т. д.

Как знаменитая графиня д'Эскарбаньяк в «Сутях»¹, они не хотят быть не присоединенными, ни присоединившимися

0 китайщина законоведов!

Вот с каким лицемерием эти великие граждане играют в гражданскую войну, рискуя погубить Республику, защитниками которой они себя называют.

Какие опасные лицемеры!

Когда граждане 4-го Округа оказали мне честь и внесли меня в список кандидатов, моим первым движением было отказаться.

Начать с того, что, по моему убеждению, я мог бы быть более полезен движению, не занимая никакого официального положения.

Затем м н е кажется, что обращение к всеобщему голосованию для создания революционного правительства направит это последнее роковым образом по проторенной дороге парламентаризма.

Я предпочел бы этому новому воплощению народной власти нечто в роде комитета, который бы выполнял постановления народных собраний различных кварталов Парижа, где бы непосредственно высказывались по всевозможным вопросам — политическим, военным, административным и экономическим.

М н е казалось также, что, если иметь в виду вероятное столкновение с Версалем, то выбранный федеративными батальонами Центральный Комитет был бы более пригоден для руководства операциями.

Наконец, и самый способ голосования меня не удовлетворяет^ Я никогда не поверю в серьезный характер полномочия, если заинтересованные в нем стороны не поставят свою подпись рядом на договоре. Я ни в каком случае не признаю с и л ы всеобщего голосования, пока оно будет облечено в форму тайных выборов.

¹ Комедия Расина, представляющая сатиру на н р а в ы судебного мира. (Прим. перев.).

Но если я отвергну предложение по подобным основаниям, не будет ли тогда казаться, что мои теории просто прикрывают страх ответственности, которую влечет за собой эта кандидатура.

Но когда д о м в оае, найдется ли время обсуждать средства спастись'

Сначала присоединимся к тем, кто пытается это сделать. Е с л и нам это удастся, я всегда успею удалиться, сложив с себя полномочия

Четыре товарища, к которым меня присоединили по округу, мне уже с некоторых пор знакомы

Амуру, рабочий шляпочник, часто выступал в народных собраниях во время империи

Нервный, очень деятельный, угловатый, он очень мужествен и вполне предан Революции.

У Адольфа Клеманс, переплетчика, более спокойный и положительный темперамент и в то же время непоколебимо твердый характер. Неразговорчивый, скромный и трудолюбивый, гражданин Клеманс считает своей прямой обязанностью точное выполнение всякого свободно им принятого поручения.

Посланный Центральным Комитетом, как его член, для наблюдения за выполнением его решений в округе, он проявил большую твердость в возникших у него и его товарищей столкновениях с экс-мэром Вотрен и его реакционной кликой.

Гражданин Эжен Жерарден, маляр, обладает характером холодным и скрытным. Точно определить его политическую и социальную точку зрения довольно затруднительно.

Что же касается Артура А р н у , то он—талантливый журналист, хорошо знакомый читателям «Марсельезы» под конец империи.

Он не энтузиаст, скорее даже скептик, но очень лойялен, и его эклектизм в отношении социализма лишь проявление умственной лени. Он предпочитает увлекаться социализмом, нежели вникать в суть его идей, «о все же он умеет разобраться в вопросе, когда он дает себе труд заняться им.

Он ушел в революцию главным образом из ненависти к глупости и подлости своих противников и охотно занялся бы, вместо политики, литературой, но он знает, что бывают обстоятельства, когда все п р и н о с и т с я в жертву долгу

28 марта 1871 г.

Коммуна провозглашена только-что на площади Ратуши, при бесконечно повторяемых возгласах: «Да здравствует Республика! да здравствует Коммуна! да здравствует Социальная Революция!»

Площадь, улица Риволи и набережные полны федератов национальной гвардии, на штыках которых красуются алые ленточки. Это представляет собой не поддающееся описанию, исключительно захватывающее зрелище.

Чудесный знаменательный день в истории нашей Революции!

О, если бы провинция смогла увидеть эту величественную картину, ее сердце забилось бы в унисон с нашим!

28 марта установлена дата новой социальной эры.

Если провинции это станет ясным, тогда, быть может, наступит конец нищете трудящихся.

Но она, без сомнения, ничего об этом не узнает.

Версальское правительство сделает все от него зависящее, чтоб оставить ее в неведении относительно всего происходящего или, вернее, чтобы извратить его смысл.

В этом случае нас ждет гражданская война, несмотря на то, что Париж еще наполовину обложен германской армией.

Я не могу удержаться, чтоб не думать об этом посреди радостных приветствий и торжественного пения, несущегося со всех сторон

Члены Центрального Комитета тоже участвуют в этом радостном опьянении победой и имеют на это право.

Они, руководясь изумительным инстинктом и непоколебимо спокойные, сумели в течение десяти дней справиться с чрезвычайно критическим положением и выполнить предначертанную себе программу.

Они, эти неизвестные, доказали, — и этого-то, быть может, им никогда не простят их противники,—что народ сможет впредь обойтись без опеки тех, кто до нынешнего дня считали себя единственными вершителями его судьбы.

Они, — эти, как их называют, неучи, — даже создали замечательную политическую революционную литературу. Их прокламации прямо поражают ясностью, силой и простотой слога.

Что бы ни случилось, это правительство неизвестных невежд составит в свое время славу революции 18 марта, нашей первой, действительно народной, революции

Коммуна

Созванные к восьми часам вечера в зал заседаний, мы являемся точно к назначенному часу. Наши коллеги, входящие в состав Центрального Комитета, пока еще отсутствуют.

В течение получаса, прошедшего в их ожидании, гражданин Бело, старший из нас по возрасту, знающий, что, согласно обычаю, честь председательствования в первом заседании выпадет на его долю, знакомит меня и гражданина Вальяна с приготовленной им речью.

Он в ней дает понять о своем намерении вскоре выйти в отставку, в котором мы стараемся его разубедить, хотя семьдесят семь лет являются для него, разумеется, вполне законным основанием к отказу от участия в борьбе.

По прошествии получаса все еще нет никого из Центрального Комитета.

Что бы это значило?

Уже несколько раз отправлялись в поиски за его членами. Никто еще не приходил. Чего же они ждут?

— Право, они нас испытывают, говорю я Белэ. В сущности, они исполняют свою роль и ждут, чтоб мы выступили в своей. Мы — Коммуна. Зайдем же места без дальнейших церемоний.

Мысль эта мало-по-малу овладевает умами, и мы приходим к решению открыть заседание. В эту же самую минуту делегаты Центрального Комитета, без сомнения, предупрежденные, являются наконец, чтоб нас принять.

Это первая ошибка с нашей стороны, указывающая, что мы еще не освободились от парламентских традиций, которые все мы, однако, не раз подвергали критике.

Гражданин Виар, выступив от имени Центрального Комитета, объявляет, что отныне Комитет, не расходясь, уступает место

Коммуне, которая одна* лишь в будущем несет ответственность за положение.

Вслед за тем гражданин Белэ произносит свою речь, в которой^ указывает, чем, по его мнению, должна быть Коммуна.

Программа эта вкратце сводится к следующему:

«В ведении Коммуны — все местное.

В ведении Департамента — все областное.

В ведении Правительства — все национальное.

Но для того, чтоб Коммуна могла проявить себя в той сфере деятельности, которая ей определена, настоятельно необходимо раскрепощение всех коммун Республики путем укрепления республиканского режима.

f
I
: Вот проблема, которую парижская Коммуна должна разрешить в первую очередь».

Тем, кто находит, что Революция 18 марта «нанесла удар Республике», гражданин Белэ весьма кстати отвечает:

«Да, мы нанесли удар Республике,"но он подобен удару по свае, загоняющему ее глубже в землю».

Во время поименной переключки, которая последовала за имевшей большой успех речью Ш. Белэ, депутат Тирар, выбранный членом Коммуны от второго округа, заявляет, что аплодисменты, сопровождавшие эту речь, в достаточной мере доказывают, что Совет собирается заняться политикой. Ввиду же того, что полномочие, полученное им от избирателей, было только чисто административным, он считает себя обязанным тотчас же его с себя сложить.

Это наглая комедия.

Избиратели второго округа, как и все прочие, принимавшие участие в баллотировке 26 марта, прекрасно знали, что не для того над Парижем в течение десяти дней висела угроза ужасной гражданской войны, чтоб все окончилось выборами нескольких администраторов, которые под более и л и менее благожелательным оком префекта полиции обсуждали бы муниципальный бюджет.

Экс-мэр Тирар, следовательно, если поверить его словам, только для того держал наготове в течение почти целой недели все реакционные силы своего квартала, чтоб воспротивиться такому жалкому результату.

Для того только он и окружил себя митральезами, чтоб оспаривать право Парижа решать по своему усмотрению, проложить ли новую улицу или же устроить водостоки!

Экс-мэр Тирар хорошо знал, что его утверждение было ложно. Это значило зайти слишком далеко в своей дерзости.

Вопрос о принятии его отставки должен был быть поставлен на голосование.

— Я протестую, — заявляю я собранию: — г. Тирар сам признает, что произошло недоразумение по поводу существа его полномочия. В таком случае его избрание недействительно, и ему не приходится подавать в отставку.

Коммуна так и решает, что нет основания принимать отставку депутата Тирара, который тут же удаляется среди гробового молчания, посылая нам иронические пожелания успеха в нашем предприятии.

Свобода, с которой эта личность выходит из Ратуши, странно и м образом противоречит высказанному им несколько дней тому назад утверждению, что тот, кто попадает к нам, рискует своей жизнью.

После ухода этого господина, Коммуна объявляет, что Центральный Комитет оказал как Парижу, так и Республике^а важные услуги.

Затем она откладывает собрание до завтрашнего дня для организации своих бюро.

Верморель тоже, несмотря на свое отсутствие, был выбран в Монмартре 13.400 голосами. Это доказывает, что революционеры не обратили никакого внимания на все те клеветы, которыми его осыпали лже-республиканцы из «Века» и «Национальной Будущности».

Но, думаю я про себя, это место будет пустым. Верморель уже с неделю как уехал к своей матери в окрестности Лиона. Какого чорта он станет возвращаться в пекло, когда никто по справедливости не смог бы его обвинить в том, что он раздувал огонь.

В этом отношении он не несет никакой моральной ответственности и может без боязни отклонить мандат, который ему вручили, даже не получив его согласия.

Каково же мое изумление, когда я его встречаю на следующий день на лестнице, ведущей в зал Совета.

— Вы здесь?

— Как видите. Я только сожалею, что не попал на первое заседание. Для того, чтоб вернуться, мне пришлось направить по ложному следу увязавшихся за мной с самого Лиона агентов. Я из-за этого опоздал почти на десять часов.

— Как это вы решились вернуться и броситься в эту свалку?

^а) В «Официальном Вестнике» по ошибке напечатано «Patrie» (Родина) вместо «Paris» (Париж). Коммуна, рассматривающая Республику и родину как понятия тождественные, не могла впасть в этот плеоназм. (Прим. авт.).

*— В которой все мы, вероятно, и погибнем. Но что-ж с того! Узнав о моем избрании еще в понедельник, я размышлял целый день о том, как быть. Мне, как и вам, и, предполагаю, многим другим, не верится в успех этого предприятия, если принять во внимание те ужасные осложнения, в которых оно завязнет. Но, право, было бы слишком уже просто укрыться за этим пессимизмом и сидеть в такой момент сложа руки. Проблема поставлена при скверных условиях; это верно, но это не освобождает нас от необходимости попытаться ее разрешить. Вот вывод, к которому я пришел... и я здесь.

Да, это тот самый человек, которого я узнал благодаря нашим долгим беседам в Консьержери.

Вместо всякого ответа я пожимаю ему руку.

Его приход вызывает некоторое удивление. Никто, конечно, не ожидал, что он появится, чтоб занять свое место в Коммуне.

Какая разница между такими, как Тирар, и этим человеком, принимающим по зрелому размышлению все губительные, быть может, последствия полномочия, которого он не добивался и даже не желал.

Это второе свое заседание Совет начал превосходным решением.

На всех публичных актах будет значиться только одна подпись: «Коммуна».

Действительно, все мы должны нести одинаковую ответственность за принятые сообща решения.

К несчастью, принято и другое, отчасти уничтожающее моральное значение первого, решение не публиковать отчетов наших заседаний.

Мы, таким образом, занимаем положение предшествовавших нам правительств.

Мы решаем, а народ повинуется.

Мы превращаемся в диктаторскую «ласть» и лишаем наших избирателей всякой возможности контроля; им не будут известны мотивы наших решений.

Для подкрепления этого мероприятия указывалось на боязнь роста личных влияний и также на нежелание развернуть пред неприятелем зрелище наших разногласий.

Но мой взгляд эти доводы мало убедительны.

Если среди нас имеются люди, жаждущие популярности, то их не удержит от интриг то обстоятельство, что их «речи» не будут опубликованы. К тому же нужно надеяться, дело будет заключаться не в произнесении речей, а в том, чтоб приводить

доводы, т.-е. высказывать краткое и мотивированное суждение по поводу предложенных мер.

Что же касается нежелания показать неприятелю зрелище наших разногласий, то это старая песня, которую давно пора забрывать.

Можно не соглашаться по поводу средств, ведущих к торжеству нынешней революции, но существенно важно, чтоб было достигнуто согласие в вопросе о преследуемой цели и единство действия в выполнении предназначенных мер.

Было бы ребячеством предполагать, что эти меры будут приняты без всяких дискуссий по поводу их истинной ценности. Что же тогда опасного в том, чтоб их огласить, — за исключением, само собой разумеется, всего, что касается чисто военных вопросов.

Мы являемся только уполномоченными граждан, имеющих полное право знать мотивы наших решений.

Лишить их его — это значит не понимать самого существенного в своеобразном характере этой народной революции.

Совет, несомненно, откажется от этого неосновательного решения¹.

Мы были серьезно озабочены другим, более важным, вопросом, ко не смогли по его поводу прийти к удовлетворительному решению.

Дело шло о существовании Центрального Комитета

Во вчерашнем заседании делегаты Комитета заявили нам, что, уступая место Коммунальной власти, он вовсе не собирается исчезнуть.

Некоторые же из нас были, напротив, того мнения, что следует объявить его распущенным. Если пользоваться прецедентами, это мнение соответствует исторической и правительственной традиции.

В представлении избирателей Коммунальный Совет несомненно является скорее комитетом исполнительным, правительством, нежели совещательным собранием.

Но условия, в которые мы поставлены, не имеют ничего общего с предшествующими нашими революциями, пропитанными парламентаризмом

¹ В виду того, что через несколько дней в разных газетах, которыми эти сведения доставлялись гражданином Режер, были опубликованы совершенно фантастические отчеты. Совет решил, чтоб в дальнейшем в «Официальном Вестнике» Коммуны печаталась стенограмма заседаний.

Граждан и Луазо-Пэнсон порекомендовал мне стенографа, который и был принят: его звали Томсон. Ныне он депутат Алжира. (77 р и, и. авт.)

Мы не можем серьезно сослаться на фикцию временной власти, переходящей к власти законно установленной, единственной хранительнице верховного могущества.

Центральный Комитет, выбранный вооруженными гражданами для защиты Республики против чужеземного вторжения, так же, как и против монархических происков бордосской, ныне версальской «деревенщины», может быть распущен лишь теми, кто его избрал

Если бы Коммуна объявила об его роспуске без согласия батальонов, от которых Центральный Комитет ведет свое начало, она впадала бы в заблуждение той власти, против которой 18 марта и восстала.

С другой стороны, Коммунальному Совету невозможно принять на себя ответственность за те мероприятия, к которым он будет непричастен

Единственным средством выйти из этой затруднительной дилеммы было бы превратить Комитет в агента Коммунального Совета и поручить ему наблюдение за выполнением военных мероприятий, которые будут приниматься после предварительного совещания с ним.

Такое решение, как признающее выборное происхождение Центрального Комитета, вполне могло бы быть предписано Центральному Комитету. В случае отказа, оставался выход обратиться с вопросом прямо к батальонам федератов с тем, чтоб его окончательно исчерпать

Мне кажется, что эти батальоны, несомненно, решили бы упразднить Комитет, чтоб в дальнейшем избежать конфликтов между Коммуной и им.

Собрание удовлетворилось тем, что отложило этот вопрос. Боюсь, что это решение лишь увеличит притязания Комитета, который, конечно, считает себя в праве действовать без предварительного соглашения с Коммунальным Советом и, быть может, даже вразрез с его решениями.

Это серьезная опасность в борьбе, которая не преминет завязаться между нами и версальским правительством.

Заседание заканчивается выборами председателя заседаний на месячный срок.

Благодаря интригам Валлеса, честь эта выпала на мою долю. Я твердо надеюсь, что эта должность будет упразднена ввиду того, что руководство нашими прениями — только дело порядка и может быть прекрасно выполнено по очереди каждым из нас^x

¹ Это председательство длилось в сущности только десять дней. С тех пор в каждом заседании избирался особый председатель, чтобы таким образом все члены Совета по очереди были к этому призваны (Прим. авт.)

То, о чем в июне 1848 года мечтало Учредительное Собрание, осуществлено Тьером Париж находится под запретом'

Все государственные служащие должны, под страхом немедленного увольнения, тотчас же покинуть Париж и предоставить себя в распоряжение версальского правительства.

Пусть уезжают эти чиновники, которые заботятся о жалованьи больше, чем о своем достоинстве и долге. Мы не станем молить их остаться

У нас не будет недостатка в гражданах, способных заменить этих чиновников в занимавшихся ими должностях. О н и внесут в дело больше усердия и доброй воли, чем уходящие.

Это версальское решение заставило нас выйти из границ, которые мы себе вначале поставили и заняться государственными делами.

Музеи, библиотеки, учебные заведения, почта, телеграф, монетный двор, наконец, все учреждения, как национальные, так и международные, местопребывание которых — Париж, не могут быть лишены необходимого для их функционирования и сохранения персонала, и этим самым они попадают под наше руководство.

Само собой разумеется, Версаль с характерным для него чистосердечием, а дураки со свойственной им глупостью запоят хором:

«Теперь вы видите, что Парижская Коммуна бесстыдно изменяет своим словам и принципам. Она вмешивается в управление и распоряжение делами, не подлежащими ее ведению»^x

Ну и что же¹ тем лучше, в конце концов. Мы выходим на более широкую дорогу уже не простой коммунальной революции, а той настоящей революции, которая имеет в виду не только политическое и административное раскрепощение коммун, но и экономическое раскрепощение рабочих, т.-е. Революции социальной И если бы нам пришлось, что вполне вероятно, пасть под бременем непосильной задачи, мы, по крайней мере, сделаем серьезный этап в этой революции.

Буржуа, входящие в состав Совета, так это и поняли, и поэтому подали в отставку, по примеру Тирара.

За исключением граждан Луазо-Пэнсон из 2-го округа, М ю р а из 3-го и врача-позитивиста Робинэ из 4-го округа, никто из них никогда и не показывался в Совете.

Я сожалею из этих трех только о гражданине Луазо-Рэнсон, красильщике с улицы Сент-Апполин, честном человеке с искренними и прямыми, несмотря на в с ю его буржуазность, образом мыслей

*) Просто непостижимо, что г. г. Лянжаллэй и Коррье могли подобно остальным в своей «Истории Революции 18 марта» повторять без улыбки или стыда подобную чепуху.
(Прич. авт)

Слишком связанный с Тираром, он не мог устоять перед настойчивостью этого интригана.

К несчастью, и Бланки тоже не будет среда нас, хотя он и выбран в 18 и 20 округах Он арестован на юге у одного из своих друзей, где он скрывался во избежание военного суда, которому он подлежал за дело 31 октября. Коммуна в его лице потеряла еще одну силу.

Есть еще один гражданин, об отсутствии которого в Совете я сожалею. Это — Брион, уже несколько недель как прикованный болезнью к постели и поэтому, без сомнения, нигде не выбранный. Его опытность в делах и быстрая сообразительность б ы л и бы нам очень полезны.

Благодаря смешению во многих умах титулов «председателя заседаний Совета» и «председателя Коммуны» и несмотря на заявление, помещенное мною по этому поводу в «Официальном Вестнике», на другой же день после моего избрания я завален письмами, в которых обращаются к моей протекции для получения общественной должности — какой бы то ни было ... лишь бы можно было выдвинуться. Остальное не имеет значения.

В других письмах заключаются предложения услуг... по устройству погребя «гражданина Президента», по доставке закусок и еще кучи других вещей.

Если бы я имел время, это меня, быть может, и позабавило бы. Но в данный момент мне это противно В корзину все эти пошлости!

Есть также добрые люди, которые просят у меня «аудиенции», чтоб поговорить со мною о своих финансовых проектах, об изобретении оружия нового образца, или же о сделках на поставке, в которых федераты будут нуждаться.

Я отсылаю просителей в различные комиссии, рассматривающие эти вопросы.

В этой веренице деловых людей фигурирует много женщин, и у меня является мысль, что эти просительницы появились здесь не без некоторого участия Версаля.

Они там, может быть, любопытствуют узнать, как мы выйдем из тех затруднений, которые им хотелось создать для нас дезорганизацией всех управлений.

В таком случае они смогут убедиться, что это «сборище бродяг и невежд» очень быстро разобралось в делах.

Варлен, переплетчик, и Журд, простой счетовод, прекрасно восстановили управление финансами

Монетный двор, под руководством монтера - бронзовщика Камелина, начнет чеканить монету для Коммуны более экономным

способом. Плавка, благодаря открытию нового директора, будет производиться на более строгих научных основаниях.

Тейш — чеканщик - бронзовщик, как и его бывший друг, отступник Толэн, при помощи гражданина Массана, профессора, и в особенности благодаря усердию разносчиков, из которых лишь немногие ушли со своим директором Рампоном, прекрасно наладили почтовую службу в Париже.

Если сношения Парижа с провинцией снова прерваны, то в этом приходится винить Тьера, который не побоялся их прекратить, несмотря на наши предложения н е й т р а л и з о в а т ь эту общественную службу, переданные ему через представителей парижской торговли.

Эти предложения сводятся к следующему: Главное Управление почт и телеграфов будет находиться в руках трех делегатов, одного — назначенного Коммуной, второго — Версалем и третьего — парижскими коммерсантами и промышленниками.

Таким образом, бюджетные права государства и Коммуны были бы обеспечены, а делегат от парижской торговли и промышленности играл бы роль контролера, а в случае конфликта был бы третейским судьей.

Тьер наотрез отказался.

Одним из постыдных действий республиканской или мнящей себя таковой буржуазии будет та готовность, с которой она, из ненависти к рабочим согласилась признать своим правителем этого узколобого человека, которого перо А н р и Моннье так живо обрисовало в бессмертном образе «Жозефа Прюдомма».

2 апреля 1871 г.

Весь Париж — буржуазный и пролетарский — ^-пылает негодованием.

Версаль взял на себя инициативу в гражданской войне и без всякого повода велел стрелять по нашим аванпостам у Курбвуа.

Галлиффэ, гнуснейший представитель императорской солдатчины, открыл огонь и, что хуже того, велел расстреливать пленных, простирая свой цинизм до того, чтоб хвастать этим в прокламации.

Уже одно это должно было заставить тотчас же отозвать его, еслиб он, что вполне очевидно, не действовал с согласия Версаля.

Таким-то образом Тьер хотел доказать провинции, что «ему удалось, наконец, организовать одну из прекраснейших армий, какими Франция обладала когда-либо».

При виде этого гнусного дела, общественная совесть возмущалась. Я только что видел некоторых, находившихся до сих пор

в нерешительности, коммерсантов, которые открыто переходят на сторону Коммуны.

Около двухсот тысяч человек, находящихся под ружьем, требуют, чтоб их послали отомстить за гнусное убийство Галлиффэ.

К несчастью, мы неподготовлены, правду говоря, к вылазке.

Значительная артиллерия, которою мы обладаем, отнюдь не в состоянии принять участие в боевых действиях.

Все находящиеся в Ратуше орудия, пушки и митральезы нуждаются в серьезной проверке. В с е м им недостает каких-нибудь необходимых частей.

Следовательно, необходимо, прежде чем помышлять о битве вне стен Парижа, приступить к их ремонту.

В виду этого я с Феликсом Пиа горячо возражали в исполнительной комиссии против того, чтоб столь важное дело было начато раньше, чем будет больше шансов на его успех.

Наши юные импровизированные генералы, без сомнения, полны усердия, но положение уже не то, что было на другой день после 18 марта.

Люлье, которого Центральный Комитет послал овладеть Мон-Валерьяном, лишенным тогда всякой возможности серьезного сопротивления, своеобразно устроил дело Версаля: он удовольствовался чем-то вроде обещания коменданта этой крепости оставаться нейтральным. Точно подобные обещания могли быть по-настоящему выполнены.

⁴ Н ы н е же Мон-Валерьян, что бы об этом ни говорил слишком доверчивый Бержере, вероятно, снабжен всем необходимым для того, чтобы отрезать сообщение с этой стороны. Следовательно, нужно быть настороже.

— Ба, что за важность! — возражает наш храбрый друг Д ю в а л ь: — оставишь там свою шкуру, вот и все.

Я полагаю, что в бой идут не только для того, чтоб «там оставить свою шкуру», но главным образом для того, чтоб добыть шкуру врага.

Итак, мы пришли к решению, что раньше всего будет составлен по батальонам список сил, находящихся под соответствующим командованием граждан Эд, Дюваля и Бержере, с указанием их вооружения, список артиллерии и ее боевых припасов, и инвентарь военного снабжения с указанием складов, в которых они хранятся.

Кроме того, будет немедленно приступлено к исправлению всех пушек. Необходимо привести их в пригодное состояние, чтоб они могли поддерживать вылазку. Наконец, будет обеспечена правильная доставка с'естных припасов, чтоб можно было их быстро направить туда, где будет в этом нужда.

Дело идет о том, чтоб исход военного предприятия был по возможности меньше вверен случайности, без чего Коммуна могла бы потерпеть непоправимое поражение.

Исполнительная комиссия покончила со всеми этими распоряжениями лишь в одиннадцать часов вечера.

К четырем часам утра я покидаю Ратушу, чтоб пойти на несколько минут к себе, предварительно подписав квитанции на двести тысяч порций, которые подлежат раздаче федератам, собравшимся на Марсовом поле в ожидании приказа своих начальников.

3 апреля 1871 г.

Восемь часов утра.

Пушки грохочут в трех направлениях на Версаль.

В Ратуше — • опечаленные лица. Из Курбува приходят самые печальные известия.

Корпус Бержере, направлявшийся в Нантерр, пришел в полное смятение. Разбежавшиеся федераты возвращаются через ворота Майо и Терн с криками об измене.

Что же произошло?

Наши три генерала, упорно стремясь к осуществлению своего намерения, заставили двух членов исполнительной комиссии отказаться от предварительно обусловленных мер и произвели вылазку. Они полагали, что благодаря несомненному под'ему в их войсках, они в тот же день овладеют Версалем.

Гражданин Бержере, попрежнему верящий в детскую сказку, созданную воображением Люлье, бросили свой корпус под самый огонь мон-валерьяльских батарей, которые, подпустив наших на расстояние выстрела, осыпали \ и х залпом картечи.

Федераты, захваченные врасплох этим нападением, к которому, благодаря безрассудной неосторожности их начальника, они совсем не были и подготовлены, отступают в величайшем беспорядке до самого Парижа, где несколько посланным наспех членам Коммуны удается их собрать.

Смятение было так велико в первый момент, что версальцы могли бы при некоторой смелости легко проникнуть по следам беглецов в Париж.

Корпуса, находившиеся под командой граждан Эд и Дюваля, тоже были отброшены к фортам Ванв и Исси, где они находятся под защитой артиллерии.

Но наш друг Дюваль и с ним около полутора тысяч человек, увы, окружены на высотах Шатильона, где они героически защищаются, и нет возможности спасти их из этого ужасного положения.

фтыне, по всему вероятно, уже невозможно какое бы то ни было наступательное движение с нашей стороны, и партия, с военной точки зрения, нами проиграна.

Если провинция этого не понимает, если она не встанет на защиту Парижа, мы сможем лишь оставаться в состоянии обороны — и тогда это медленная, но верная смерть для Революции. На этот счет невозможны никакие иллюзии.

Избиение пленных введено Версалем в систему.

Генералы Тьера, ободренные нашим поражением, поспешили поступить по примеру Галлиффэ.

Дюваль и полторы тысячи его товарищей должны были сдать к вечеру 4 апреля на условии оставления их в живых.

Винуа, чья подпись значилась под капитуляцией Парижа и который утром 18 марта бежал с площади Пигалль, захотел смыть свой позор в крови нашего храброго друга. Он велел расстрелять его и двух офицеров его генерального штаба.

Отважный Флуранс был убит вчера в Рюэйле жандармским капитаном Демарэ, который буквально рассек ему голову хладнокровным ударом сабли.

Федераты, ожесточенные рассказами об этих ужасах, требуют энергичных мер против оставшихся до сих пор в Париже реакционеров, которые уже шумно торжествуют по поводу нашего поражения.

Это более чем понятное ожесточение могло бы привести к страшным репрессиям, вся ответственность за которые по настоящему легла бы лишь на Тьера и его товарищей. Но какое значение имеет эта ответственность в будущем? Нужно прежде всего предотвратить другие случайности.

Коммунальный Совет решил в виду этого, что единственным выходом для безопасности защитников Коммуны и для того, чтоб их предохранить от предательства реакционеров, является арест этих последних, в качестве заложников, всякий раз, когда своими действиями они заявят о себе, как о противниках Коммуны.

Вследствие этого издан декрет, что каждый человек, подозреваемый в сношениях с Версалем, будет подвергнут предварительному аресту и в течение суток предан суду присяжных, который выскажет об его освобождении и о продолжении его заключения.

Во втором случае он будет считаться заложником.

Помимо этого декрет гласит, что каждая расправа с военнопленным, имеющим отношение к Коммуне, будет сопровождаться тройной казнью заложников, указанных жребием.

Пусть чувствительные души присоединятся к нашим лицемерным и жестоким противникам и кричат сколько им угодно о пре-

зрения к гуманности. Пусть говорят о возврате к варварству — это будет лишь глупостью.

Кто же бы л причиной этой меры законной самообороны, варварской, если говорить совершенно абстрактно, но вполне оправдываемой обстоятельствами?

Как! Версаль не только отдает приказание открыть по Парижу огонь, но приступает с самого начала сражения к избиению пленных, избиению, которым он хвалится в особой прокламации!

Система эта, к осуществлению которой приступлено 2 апреля в Курбува, проводится 3-го в Рюэйле, 4-го в Шатильоне. О н и хотели бы, чтобы друзья их жертв, готовые подвергнуться ежечасно той же участи, ждали хладнокровно своей очереди быть убитыми, не возвращая удара за удар.

Пусть же, кто находит наш декрет гнусным, пеняет на тех, кто сделал его неизбежным.

Его единственным недостатком является его ^призрачность, ибо, как количество, так и качество заложников, которых нам удастся захватить, незначительно по сравнению с теми из наших, против которых Версаль будет свирепствовать.

Этот декрет только сделает Тьера и его сподвижников более осмрительными: они будут впредь убивать без лишних слов.

Декрет о заложниках, как того и следовало ожидать, явился благородным предлогом для трех робких и одного хвастуна, чтоб осторожно удалиться из Коммуны, хотя они сделали все, что было в их силах, чтоб быть т у д а п о с л а н н ы м и . О н и тогда в е р и л и в возможность успеха.

Доктор Гупиль, бежавший из тюрьмы Консьержери после 31 октября, журналист Эрнест Лефевр из «Призыва» и мой храбрый друг У л и с с Паран, верующий в Гамбетту, в Флокэ и других тому подобных, и, наконец, бывший бланкист, бабувист Ранк, подали в отставку. О н и не могут признать декрет, который и ими также квалифицируется как возвращение к варварству.

Они очень озабочены тем, чтоб осведомить о своем поступке газеты, которые оповестили о нем даже еще до того, как Совет мог с н и м ознакомиться.

В своем прощении об оставке бывшая правая рука Гамбетты, во время осады в Туре, играет словами: «Он отнюдь не покидает дела, которое мы защищаем»; он удовлетворяется тем, что «возвращается в ряды», не говоря, само собой разумеется, в какие.

В виду особого положения этого alter ego геноуэца, избранного в 1869 Белльвиллем, отставка х Ранка носит характер некоторого рода объявления войны. Она инспирирована его патроном, который, узнав в Сен-Себастьяне о нашей военной неудаче, несомненно наказал ему покинуть свой пост.

рфшив отвести душу, я направляюсь в бюро 9 округа, где И встречаю его в компании йашего общего друга Байе-Дюмениля.

Я спрашиваю, каким образом у него явилась мысль об отставке после того, как он так настойчиво стремился стать делегатом Коммуны.

Он упрямо отговаривается знаменитым декретом. По его словам, ему хочется сохранить свбю честь и свое политическое будущее.

Сохранить себя! Вот где собака зарыта. Это слово мне напоминает обычное поведение этого гражданина.

Его главное искусство—беречь себя. Во времена империи это было его неизменной игрой.

Но беречь себя для чего?

Для будущего? Какого будущего? Своего собственного, конечно!

Для Ранка и его политических друзей Республика — это не что иное, как они сами.

Возможно ли найти хотя бы одну написанную им строку, которая бы обнаружила понимание той Республики, приверженцем которой он себя считает?

Тот, кто сделает это открытие, будет очень ловким человеком.

Увлеченный безумным порывом юности, — л ю д и в этом возрасте далеки от совершенства — он, несомненно помимо своего желания, оказался замешанным в м н и м ы й заговор против Баденгэ в 1853 году, за что и был сослан в Африку. Больше его уже не удастся поймать.

Находиться на стороне побежденных — этого с него доста- T Q 4 Н 0 , и так как, повидимому, ничего другого Коммуна ему предложить не может, он ее бросает без дальнейших слов во имя «великих принципов», и гуманности.

Республика для него, как и для всех республиканцев его складки, — это возможность попасть в правители, чтоб в свою очередь извлекать в ы г о д ы из управляемых.

Эти классики все одинаковы и это про них некогда справедливо писал Прудон: их демократия — это зависть.

На следующий же день, после провозглашения Коммуны, началась погоня за должностями.

Куча друзей... совершенно неизвестных или известных слишком хорошо, явились к нам с предложением самоотверженных услуг... за жалованье-

Среди прочих слишком известных фигурирует прославленный Жюль-Магиас, всегда готовый работать в качестве генерального

секретаря Ратуши, если бы мы захотели оставить его на этом посту.

Затем — знаменитый Шарль Лимузен, другой перебежчик Интернационала, бывший чистильщик сапог Молилари и других экономистов того же сорта, теперь же готовый предоставить свою науку в распоряжение Коммуны.

Мы вежливо спрашиваем Магиаса, который в сущности просто пускает пыль в глаза, но гоним с соответствующей его наглости бесцеремонностью мэтра Шарля Лимузена.

Затем мы освобождаемся от кучки прочих господчиков, также готовых поживиться за счет бюджета социальной революции, как они вкушали от бюджета империи, заботясь больше о сытности пирога, чем о его форме и окраске

Большое количество этих просителей! уже (почувствовало, как стынет их коммунистический пыл, при виде убогого пиршества, которое Коммуна решила им предложить: шесть тысяч франков без права совместительства — для более важных общественных должностей.

Это заставило их призадуматься М н о г и е состроили гримасу при столь мало соблазнительных предложениях.

Но при первых же пушечных выстрелах, которыми обменялись Версаль и Коммуна, начался всеобщий отлет. Значительное число тех, кто за неимением журавлей в небе готовы б ы л и удовлетвориться синицами, исчезли из своих бюро с поразительной легкостью.

Со страху они даже стали до того щедрыми, что забыли получить следуемое им за несколько дней работы вознаграждение.

Впрочем, найти им заместителей было очень не трудно, и дело от этого лишь выиграло.

Но одна вещь меня удивляет и даже часто беспокоит: почти еесь низший персонал разных министерств остался на местах

В виду невозможности предположить, что это произошло от любви к Коммуне, очевидно, что на то был приказ из Версаля, оставившего их в качестве шпионов. Я не понимаю, как можно было их сохранить, разве что заменить их труднее, чем их начальников.

Они наверно, слегка посмеиваются, а, может быть, и не слегка, над нашей по отношению к ним снисходительностью.

Авриль, Лонжвен, Валлес, Эдуард Рулье и я встретились сегодня в центральной школе, на улице Ториньи, с некоторыми членами Р е с п у б л и к а н с к о г о О б ' е д и н е н и я, которые, по их словам, нас созвали, чтоб попробовать сговориться на счет способа прекращения гражданской войны.

Мы увидели там граждан Луазо-Пэнсон, нашего бывшего, вышедшего в отставку, коллегу, Корбона, прежнего вице-президента

Учредительного Собрания 1848 г.; Бонваллэ, бывшего мэра 3-го округа; Жоббэ-Дюваля — прежнего товарища по кружку Талэс Бернар на улице дю Бак; Стюпюи, поэта позитивиста, которого я встречал в прежние времена у моего друга, музыканта с у л и ц ы Дуэ и Локруа из «Призыва».

По моему мнению, для того, чтоб достигнуть цели, поставленной себе членами Об'единения, как у них, так и у их друзей нет другого пути, как откровенно стать на сторону коммунистической революции.

Возможно, что если искренние республиканцы открыто выскажутся против Версаля, то Тьер и его приятели приостановятся на том пути, на который они вступили.

Но поскольку эти республиканцы будут находиться в выжидательном состоянии, маленький человек с улицы Св. Георга дождется того дня, когда, после падения Коммуны, он сможет и им зажать рот.

Не нужно быть особым провидцем, чтоб предугадать такое будущее.

Итак, мы условились с этими храбрыми радикалами, или выдающими себя за таковых, что они обратятся с требованием к своим версальским друзьям. Если это обращение останется без последствий, они решительно примкнут к Коммуне. .

Но достаточно было несколько часов раздумья, чтоб их охладить.

Они будут продолжать вздыхать по поводу «нашей гражданской распри». Это не так сильно компрометирует, и к тому же, кто знает, нельзя ли будет впоследствии поживиться на поле битвы?

Как хорошо знает Тьер всех этих храбрых буржуа'

Несколько депутатов Сены, заметив, что до них нет больше никому никакого дела, почувствовали необходимость напомнить о себе своим избирателям, которых они откровенно покинули, чтоб сохранить за собой места в Версале.

Эти плаксивые комедианты утверждают в многословной и самой что ни на есть иезуитской прокламации, «что они мучительным образом переживают пролитие французской крови и страдания Парижа».

Они подтверждают перед парижанами, что «ни один из членов большинства версальского собрания до сих пор еще открыто не поколебал республиканского принципа, и, таким образом, гражданская война могла бы внушить мысль о том, что существование Республики несовместимо с уважением к законам»

Что касается их, «то линия их поведения предначертана. Они неосутипадзавшт ид вшчоатм ии зо сптоаснлветсдннн хн ас ислвоРемесивоелстни.куч.тонбо ве дслнчстатеев нонпыа см

по-настоящему действительным оружием — свободным обсуждением и разумомШ».

Быть может, кто-нибудь подумает, что эта литературная шалость, способная вдохновить Оффенбаха или Эрве, подписана Гиацинтом, Равелем, Лясушем и Грассо, этими главными шутами Палэ-Ройяля.

Нет.

Она подписана ни более, ни менее как Лу и Бланом, Анри Бриссоном, Эдмондом Адан, Е. Фарси, А. Пейра, Эдгаром Кинэ, Ланглуа и Дорианом.

Что такую, отдающую хамством безвкусицу подписал суровый Пейра, агент финансовых аферистов из учетной конторы и л и дрянные людишки как Тирар и Фарси, и л и же хвастуны, как Бриссон, Ланглуа и Дориан — этому удивляться нечего.

Но что такие люди, как Лу и Блан, Кинэ и л и Эдмонд Адан, могли, без всякого уважения к собственному достоинству, забыв, как в июне 1848 года, во второй раз о своих республиканских убеждениях, поддержать этот памятник кретинизма и низости — это величайший позор.

Толэны и Греппо, эти ренегаты социальной революции, б ы л и столь стыдливы... или ловки, что не приложили к нему своей руки.

Пусть все эти отступники, эти двоедушные мудрецы, лицемерные социалисты, извлекающие из Республики свою выгоду, лижут сапоги Тьера, который во сто раз менее жалок чем они. Он-то, по крайней мере, никогда не, предавал презираемого им народа.

Пусть они цепляются за п о л ы платья этого ужасного гнома, который более чем когда-либо даст им почувствовать свое презрение.

Это будет достойным наказанием за их лицемерие.

Нужно признать, что уполномоченный коммуны по военному ведомству отличается большим спокойствием и замечательной способностью к сну. Чорт возьми! Какой соня!

Всю ночь форты Ванв и Исси производили адский грохот, и весь Париж, с десяти часов вечера, пришел в смятение.

Во время осады пруссаков никогда не слышно было такой канонады.

Тейш, Ж—В, Клеман и я отправились гимнастическим шагом, в полночь, в Ратушу, чтоб в точности выяснить, что происходит.

Ворота Банье были заперты и охранялись большим количеством федератов, которые ожидали приказа двинуться на Ванв,

откуда, казалось, доносился особенно сильный грохот. Нас выпускают, и мы доходим до форта.

Ничего серьезного, кроме чрезмерной траты боевых припасов.

Около десяти часов вечера произошла стычка на аванпостах между нашими л ю д ь м и и несколькими версальскими стрелками.

Эта небольшая стычка расшевелила федератов, и они, по словам коменданта форта, гражданина Монтерей, продолжают «развлекаться».

А затем и их товарищи в И с с и приняли в этом участие — оттого-то весь этот великолепный шум.

Однако, хорошо было бы не слишком предаваться подобным развлечениям, не столько во избежание расточительности по части боевых припасов, сколько для того, чтоб не подымать всех на ноги.

Жены и дети тех, кто здесь развлекается, переживают в настоящую минуту смертельный страх. Они боятся услышать про смерть отца, быть может, убитого в серьезной, как они полагают, схватке.

Но самое замечательное в этом деле, что никто не видел нигде Кюзере и не получал от него требования об информации.

По возвращении в Париж, мы отправляемся в военное министерство, чтоб дать отчет о виденном нами. И тут нет Кюзере, точно о r f никогда и не существовал.

Он, повидимому, провел эту ночь в полицейской префектуре и ничего не слышал.

Говорят, что крепкий сон — признак спокойной совести:

Каким же н е в и н н ы м должен быть этот генерал... из Америки.

13 апреля 1871 г.

Сегодня хоронят последнего из тех, кто словом и пером набросал план великой социальной драмы, первыми действиями которой являются июнь 1848 года и Коммуна.

Пьер Леру сошел вслед за Прудоном в могилу.

В другие времена весь парижский пролетариат проводил бы его гроб, и это было бы справедливо, потому что Леру родился, жил и умер по-пролетарски.

К несчастью, его писания, носящие всегда печать великого духа справедливости и социального равенства, были проникнуты религиозностью и становились все более и более непонятными для социалистов, которым решительно чуждо всякое мистическое и спиритуалистическое миропонимание.

Его вера в человечество—бога, благодаря которой он надеялся связать новый социальный строй с христианством, фатально при-

вела бы к образованию новых каст. Они так же угнетали бы во имя любви, как касты позитивизма — во имя науки.

Валлес хорошо сделал, заявив во время обсуждения в Совете вопроса о посылке делегатов на похороны этого мужественного мыслителя, что наше преклонение пред доблестным защитником июньских инсургентов не распространяется на философа-деиста и почти христианина.

Связанный с 1848 года дружбой с Пьером Леру и большинством его учеников, я вел с «ими постоянную борьбу в этой области. Но помимо очарования бесед, в которых так сверкал ум этого неисчерпаемого рассказчика, — какие светлые и поразительные взгляды на самые разнообразные вопросы! Сколько из нас обязаны ему в этом отношении!

Какая разница между добродушием и слегка лукавой, но всегда человеческой пылкостью его споров и сухим педантизмом доктринера Лу и Блана.

Этот решил стать социалистом, а Пьер Леру был им по своей натуре.

Занятый, к несчастью, спешной работой, которую мне поручила финансовая комиссия, где я представлял уже несколько дней, я не мог засвидетельствовать на его могиле переполнявшие меня чувства уважения и любви к нему.

В то время, когда я был занят подготовлением этой работы, ко мне является гражданин с рекомендательной запиской одного из зятьев Пьера Леру — гражданина Огюста Демулен, который, как мне кажется, немного слишком искателен для социалиста. Ну что-ж!

Демулен рекомендует мне гражданина Миль Ноэ, зятя Шодей, который недавно был арестован по приказу Рауля Риго.

Я не знал об этом аресте.

Гражданин Миль Ноэ просит моего заступничества, чтоб добиться освобождения своего тестя.

По совести говоря, если бы я и мог, я бы этого не сделал.

У меня лично нет никакой вражды к Шодей, совершившему иреступление, которое ему ставится — в вину и доказано, больше всего из тщеславия. Этот новый Флессель занимал 22 января в Ратуше народ, чтоб дать Ферри время организовать избивание.

Если это зависело только от меня, то, принимая во внимание ту кампанию, которую он уже несколько дней ведет в «Веке» в пользу идеи Коммуны, этого ареста, может быть, и не было бы.

Но еще раз повторяю, я ни в коем случае не сделаю попытки, к тому же весьма бесполезной, добиться его освобождения.

'Право, было бы слишком уж удобно, хладнокровно подготовив избивание своих сограждан, выпутываться из бед простым признанием своей ошибки.

Каждый отвечает за свои действия.

Я ограничиваюсь тем, что объявляю гражданину Миль Ноэ полную бесполезность моего вмешательства. Это — сушая правда.

Остается лишь пожалеть, что Чернуски удалось избежать ждавшего и его равным образом ареста. Этот бывший римский триумвир 1848 года должен был бы еще больше, чем Шодей, искупить свое соучастие во всех изменах мнимой Национальной Обороны.

По милости Везинье мы, тринадцать человек, попали в Совете в разряд «реакционеров». Это случилось по поводу только что произведенных дополнительных выборов на места лиц, подавших в отставку, и Флуранса и Дюваля, убитых версальцами.

Центральный Комитет, а вслед за ним и Коммуна, в обращении к избирателям сочли нужным, на мой взгляд довольно некстати, установить порядок баллотировки в согласии с пунктами избирательного закона. Он требует для утверждения баллотировки, чтоб число поданных в первый раз голосов равнялось, по меньшей мере, одной восьмой внесенных в списки избирателей.

Ввиду того, что некоторые из вновь избранных лиц не получили при только что произведенной баллотировке установленного законом числа голосов, мы, тринадцать человек, голосовали против их утверждения.

В этом мы сходимся с двумя из неутвержденных — слиц, гражданами Рожаром и Брионом, которые объявили наперед; в открытых письмах, что они сами не считают законным свое избрание, если оно произойдет в таких условиях.

Можно допустить, что такой взгляд на вещи является спорным, можно утверждать, как это делает Варлен, что, считаясь в такой мере с законом, мы даем возможность систематически уклоняющемуся большинству лишиться меньшинство права быть представленным в Коммуне и что следует, игнорируя все это, утвердить избранных.

Но обзывать противников, как это делает гражданин Везинье, подхвативший защищаемое Варленом положение, «реакционерами» за то, что они взглянули на этот вопрос иначе и соответственно с этим голосовали — это значит заходить слишком уж далеко.

Этому гражданину многое простительно в силу вполне естественной жалости, которую нам внушают некоторые обиженные природой люди, хотя они слишком часто злоупотребляют своим «несчастьем» Валлес еще в прежнее время остроумно обратил на

это" внимание в своей юмористической статье — «Счастье слабым».

К тому же, давно уже сказано, что всегда являешься по отношению к кому-нибудь реакционером.

Придется успокоиться на том, что мы реакционеры по отношению к Везинье. Это зло не так уже непоправимо.

Но здесь есть нечто более важное, чем глупая оценка со стороны неуравновешенного человека, а именно: Коммуна не поняла, что нельзя быть в одно и то же время и законопослушной и революционной.

Коммуна имела полное право предупредить созванных ею избирателей, что, в виду спешности и практикуемой некоторыми, почти всецело перешедшими на сторону реакции, округами системы обструкции, баллотировка будет признана законной при всяком числе голосующих.

Тогда избиратели и кандидаты, соображая в чем дело, поступили бы соответствующим образом, и никто не имел бы права жаловаться.

Но, ввиду того, что случилось по иному и люди имели притязание оставаться в пределах законности, не нужно было от нее отклоняться, чтоб подвергнуться риску быть обвиненным в неLOYальности.

А, что бы ни говорили хитрецы и ловкие люди, лойальность при всех обстоятельствах, всегда будет главной силой революционеров

Наш коллега Уде, бывши до сих пор уполномоченным по наблюдению за сектором Мюэтт, который простирается от Тернских до Версальских ворот (на правом берегу), просил, чтоб его сменили на посту ввиду расстроенного здоровья.

Гамбон и я были назначены, по собственной просьбе, на его место.

Присутствие двух делегатов Коммуны на этом пункте в сущности необходимо для наблюдения за тем, чтобы у бойцов не было ни в чем недостатка.

Те, кого мы тут встречаем, тоже очень нуждаются в замене. Они уже более трех недель бессменно находятся у бреши и все же не жалуются, несмотря на то, что смерть косит их ряды.

Нам даже кажется, что военное управление отчасти злоупотребляет их доброй волей и мужеством.

Артиллеристы у Терн и у Порт-Майо действительно выделяются своей бодростью и энергией.

А между тем каждый день уносит кого-нибудь из них то убитым, то тяжело раненым.

Атареи площадки Курбува, Мон-Валерьян и Монтрету не-престанно стреляют по ним. Шоссе Терн и Великой Армии буквально завалено всякого рода обломками, ветками деревьев, глиной, черепицами, песчаником, стеклом и обращенными почти в песок кусками чугуна. Вокзалы поясной железной дороги обозначены лишь уцелевшими частями стен.

Можно сказать без преувеличения, что снаряды сыплются дождем. Я однажды, переходя шагом аллею, имеющую в ширину около 100 метров, насчитал их семь штук.

Большое количество снарядов уже попало в Триумфальную Арку с западной стороны, а между тем патриот Тьер так чтит ее.

Ну и что-ж! На это еле обращается внимание. «Привычка!», — говорит мне со смехом один из канониров у ворот Майо, молодой парень, едва шестнадцати лет, который ни за что в жизни не уступил бы своего места.

Сколько потерянных душевных сил, сколько крови благородных бойцов нелепо проливается из-за одной лишь трусости тех, кто поклялся защищать Республику. Они теперь удовлетворяются тем, что «следят с болью и сердцем по л н ы м тоски» — из Версаля — за кровавыми перипетиями героической борьбы, которую ведут их избиратели против коалиции монархистов.

О, какие мерзкие Тартюфы, эти так называемые республиканские депутаты Парижа!

Сектор Мюэтт находится под командой некоего Ляпорт, не внушающего мне ни малейшего доверия.

Его хвастливость и низкопоклонничество перед «гражданином членом Коммуны», как он меня называет, мне очень подозрительны. К тому же он производит такое же впечатление на всех имеющих с ним дело.

Комендант Бено, начальник батальона «Питомцев Ля-Виллетт», терпеть не может его.

Своеобразный тип этот комендант Бено.

Он — незаконнорожденный подкидыш, вырос в воспитательном доме. После выхода из приюта он вел все время самую тяжелую жизнь бродяги. Он был, по очереди, чернорабочим, служителем на скотобойне, тележником и, естественно, усвоил грубые нравы, присущие этим ремеслам, но остался честным человеком с горячим сердцем. Своим прямым умом он несомненно почувствовал в полковнике Ляпорте измену.

Между ними происходят частые споры, в которых хвастливый гасконец не отличается ни находчивостью, ни, в особенности, настоящим чувством достоинства. Можно подумать, что он опа-

ается, как бы Бено не открыл когда-нибудь какой-либо скверной истории на его счет.

Я не знаю, по какой причине Тридон, всегда столь осмотрительный, пристрастился к этому человеку и упорно продолжает ему покровительствовать, уверяя меня, что полковник очень честный человек.

Защита Парижа, с этой стороны, является для меня и Гамбона предметом сильного беспокойства. Это место служит специальной точкой прицела для версальских батарей, в чем легко убедиться из наблюдательного пункта, установленного над замком Мюэтт.

Расходясь в этом с твердым убеждением Ключере, мы абсолютно уверены, что Версаль, в сущности, стремится к тому, чтобы этим путем вступить в Париж.

Сады и большие парки кварталов Отейля и Пасси послужили бы для нападающих удобной базой, чтоб продвинуться отсюда незаметно до Елисейских полей и Трокадеро, откуда они могли бы легко бомбардировать центр города.

Следовательно, крайне необходимо ускорить работы по укреплению этого участка.

Кое-что в этом роде уже начато под руководством Розелли-Молле, сына, который, на мой взгляд, тоже слишком доверяет одному бывшему агенту путей сообщения, по видимости очень преданному Коммуне, но выполняющему необходимые земляные работы с большой небрежностью¹.

На все наши замечания по этому поводу наш уполномоченный по военному ведомству, возражает, что мы, не будучи знатоками этого дела, ничего в нем не понимаем.

Очень может быть, но это чрезмерное спокойствие меня пугает.

В тот самый день, когда со стороны Нейльи удалось, наконец, добиться у Тьера перемирия на несколько часов, чтобы дать возможность беднякам Саблонвилля и Нейльи, находящимся в течение трех недель под обстрелом между нами и Версалем, добраться до Парижа и там укрыться, в этот самый день господа убийцы в наших краях занялись новыми подвигами на южной стороне.

Четыре федерата, делавшие юбход со стороны Белль-Эпин у Вилльжюи фбыл захвачены врасплох отрядом конных стрелков, которые потребовали их сдачи.

В виду того, что сколько-нибудь серьезное сопротивление было невозможно, несчастные сдаются.

¹ Я предполагаю, что знаменитый Дюкатель, который 21 мая открыл версальцам отейльские ворота и был этим смотрителем дорог. (Прим. авт.).

Стрелки их окружают, но не причиняют им никакого вреда.

Вдруг является капитан. Он бросается на пленников и трех убивает из своего револьвера, а четвертого, гражданина Шаффера, тяжело ранит. Затем этот храбрец приказывает своим людяма отправляться дальше, бросив на земле четыре трупца.

Гражданин Шаффер имел еще силы, чтобы добраться до своих товарищей, лагерь которых находился по дороге в Бисетр, а оттуда его перенесли в госпиталь.

Граждане Гамбон, Везинье и Ланжевен, которым поручено расследовать эту ужасную драму, знакомятся из его уст с этими деталями.

Само собой разумеется, что Тьеры, Жюль Фавры, Дюфоры и Жюль Симоны усиленно подчеркивают перед провинцией, какие «гнусные бандиты» эти федераты.

Значительное число масонских лож решилось, наконец, открыто присоединиться к Коммуне.

Этот шаг тремя неделями раньше мог бы иметь большое значение для Революции.

Масонство, благодаря создавшемуся о нем у наивных людей представлению, пользуется в провинции беспспорным влиянием в вопросах политики, в особенности в момент выборов.

Его присоединение сыграло бы значительную роль в решении республиканских депутатов департаментов, которые без его действия не имеют никакого влияния на своих избирателей.

Но теперь уже слишком поздно, чтоб надеяться на какой бы то ни было результат.

У Тьера было достаточно времени, чтоб усыпить первые проявления недоверия у республиканцев, а также, чтоб изобразить пред ним и Коммуну в ложном виде простой смуты, определенно направленной против безопасности Республики.

Нам это доказало почти враждебное отношение к нам лионских делегатов, посланных в Версаль и Париж нарочно для того, чтоб разобраться в положении.

Разве эти делегаты не заявили нам вполне серьезно, что они убеждены в том, что Тьер—республиканец и ни в чем не стеснит муниципальных вольностей, какими пользуется Л и о н в э т о т м о м е н т . . . , благодаря тому, что поставлен в необходимость сконцентрировать все свои силы против Парижа.

Жалкие люди! простаки ли они или же хвастуны эти лионские делегаты?

Итак, приходится опасаться, что это запоздалое решение парижских лож, равно как и присоединившихся к ним делегатов департаментов останется без последствий.

Манифестация масонов, которые водрузили свои знамена на западных укреплениях и добились прекращения военных действий в этом направлении до возвращения делегатов, отправившихся в Версаль с целью переговоров о перемирии, доставила мне случай отметить нерешительность армии в выполнении той гнусной роли, которую ей навязывают.

Посланный Коммуной к Домбровскому, который участвовал в заключении временного перемирия, я взял на себя наблюдение за точным выполнением его условий у большой баррикады Пейроннэ между Саблонвиллем и дорогой Терн.

Этот аванпост находится от версальского не более, чем в 100 метрах расстояния.

- Опясанный красным шарфом, и, стоя на баррикаде, представляю собой повидимому мишень для прицела, пробуждающую у старого сержанта с седыми усами желание меня «снять». И, действительно, он отдает своим выстроеным перед постом людям приказ стрелять.

Люди не двигаются, приставив ружье к ноге. Он повторяет трижды свое приказание и трижды натывается на тот же отказ со стороны своих людей.

При первой же команде версальского сержанта, наши приготовились к ответу и бесстрастно ожидали дальнейшего-

Хотя я и не отличаюсь героической храбростью, мне все же любопытно было знать, чем эта история окончится.

Лейтенант поста, привлеченный бранью старого унтер-офицера по адресу своих солдат, появляется, наконец, и осведомляется, в чем дело. Судя по его жестам, я соображаю, что он упрекает сержанта. Затем, он направляется в сторону нашей баррикады и обращается ко мне:

— Кто вы такой?

— Член Коммуны, уполномоченный наблюдать за правильным выполнением условий перемирия.

— Вы не носите мундира, а обычно такого рода наблюдение не поручается штатским. Нет ли с вами какого-нибудь штабного офицера?

В эту минуту является капитан Пави, офицер Домбровского. Я представляю его версальскому офицеру, который подтверждает тогда, что до конца перемирия ни один из его людей нас не тронет. Инцидент этот, мне кажется, означает, что наступит момент, когда солдаты, может случиться, откажутся исполнять ремесло убийц.

Временное перемирие, которого удалось добиться франк-масонам, имело весьма неожиданные последствия.

Коменданты фортов Ванв и Исси, не зная условий перемирия, распространяющегося на участок, расположенный между Аньер

и ^уан-дю-Жур, до того растерялись, что дали возможность версальцам подойти ближе, чем на двести метров к почти уже необитаемому форту Исси.

Комендант Межи, потеряв голову, счел необходимым, предвзительно заклепав пушки, немедленно его эвакуировать.

В продолжение четырех, приблизительно, часов участь форга была предоставлена на волю версальцев, не осмелившихся, однако, его занять.

Там оставался только один защитник, юный Дюфур, которому едва исполнилось пятнадцать лет.

Он расположился у входа с бочкой пороха, готовый взорвать мост, как только на него вступит неприятель.

Случилось как раз так, что командир батальона, находившегося у Пуан-дю-Жур, гражданин Ляво, направив свою зрительную трубу на Исси, обратил внимание на то, что там происходит *.

Он тотчас-же делится открытием со своими людьми, которые в числе ста человек быстро переходят по виадуку, вступают в форт и спокойно занимают его на глазах у неприятеля.

Пушки, заклепанные одними лишь деревянными болтами, могли, к счастью, тотчас же быть употреблены в дело, и немного времени спустя явился Верморель с достаточным для защиты позиции подкреплением.

Хотя небрежность, проявленная при передаче условий, ограничивающих область распространения перемирия, не может быть серьезно поставлена Кюзере в вину, все же его считают ответственным как за нее, так и за слишком поспешную эвакуацию форта, и только что отдан приказ об его аресте.

Оставляя в стороне последнюю меру, которая мне кажется несправедливой, я ничуть не жалею, что Кюзере устранен от той должности, на которую был назначен.

В бытность свою членом исполнительной комиссии, я горячо протестовал против его назначения военным делегатом.

Не взирая на титул генерала, вывезенный им из Америки, созданная ему репутация «военного человека» мне кажется весьма незаслуженной.

Несомненно он обладает необходимым мужеством и хладнокровием, но все, что известно о нем после 4 сентября, как о военном, не говорит ни об его энергии, ни об инициативе. Кюзере

*) Гражданин Ляво, весьма популярный актер, талант которого упоминает Фредерика Леметр, умер в Париже в 1886 году. Это был один из самых преданных и бескорыстных людей в рядах революционно-социалистической армии, которых я когда-либо знал. (Прим. авт.)

дважды имел случай показать свое уменье в Лионе и Марсели, и оба раза оказался не на высоте положения. Уверяют даже, что назначенный 28 сентября 1870 года в Лионе революционерами главным начальником национальной гвардии, он провалил дело \

Он напичкам военными предрассудками, и ему не хватает революционного подема, необходимого начальнику революционной армии.

Его решение принудить федератов к размещению по казармам, более содействовало дезорганизации наших военных сил, чем ужасная вылазка 3 апреля.

К несчастью, приходится опасаться, что его преемник, гражданин Россель, не лучше его сумеет разобраться в положении, хотя он, кажется, гораздо выше Кюзере с технической точки зрения.

Ввиду того, что нам приходится ограничиваться простой обороной, появление в Париже версальцев неизбежно рано или поздно, и, следовательно, дело окончится уличным боем. Поэтому прежде всего необходим человек, который сумел бы организовать и подготовить такого рода борьбу, если только эта подготовка возможна

Легенда, на которой строится большая часть того, что называется «революционной традицией», сыграла с нами плохую шутку, ослабив Коммуну под предлогом ее усиления-

Наш с гарый друг Жюль Мио, голова которого набита этой священной «традицией», сам, разумеется, того не подозревая, затянул петлю на шею Коммуны тем, что склонил ее к созданию ' К о м и т е т а О б щ е с т в е н н о г о С п а с е н и я

Удивительно, что голосовавшие за него тоже убеждены, что они поддерживают «традицию».

Никто, повидимому, и не подозревает, что создано совершенно бесполезное учреждение, которое будет соперничать с Коммуной и попросту ее уничтожит, как знаменитый Комитет 93 года упразднил гебертистов, сделавших парижскую Коммуну главным очагом Революции.

Тогдашний Комитет Общественного Спасения, если уже ссылаться на традицию, был лишь оружием в руках партий: парижская же Коммуна являлась олицетворением Революции и ее безличной, и тем самым высшей силой.

Поэтому-то реакция того времени набросилась с увлечением на Комитет Общественного Спасения, чтоб побороть Коммуну, будучи уверена, что с поражением этой последней, ей удастся осуществить свои враждебные народу и свободе замыслы.

*) Он сам впоследствии хвастал этик в женевской газете «Швейцарская Родина» от 8 октября 1874 года {Прим. тт.)

Учредить новый Комитет Общественного Спасения—это значит свести Коммуну к «маленькому парламенту», т.-е. к той роли, которую ей справедливо ставит в вину гражданин Вальян, и тем самым разрушить тесное единение, которое в ней господствовало, несмотря на все различия в наших взглядах

Это единение между членами Совета станет невозможным, когда власть, созданная большинством, получит вполне ей по существу принадлежащее право, принимать за одной лишь своей ответственностью те решения, которые ей покажутся подходящими.

Если бы явилась хотя бы на мгновение надежда добиться, благодаря этому, победы, я не знаю, кто из нас не был бы готов пожертвовать своей приверженностью к принципам.

Но можно ли серьезно поверить, что если кое-кто из нас и будет облечен званием члена этого Комитета, он в силу этого приобретет больше сноровки, энергии и влияния, чем обладает теперь, как член Коммуны.

Несомненно, следовало бы проявлять больше единства, сплоченности, а главное—быстроты в мероприятиях, касающихся военных дел и ограждения защитников Коммуны от тайных происков яшего внутреннего врага.

Но эти промедления и этот недостаток определенности, которые вызывают с военной точки зрения справедливые нарекания, зависят, главным образом, от сосуществования Центрального Комитета и особой военной делегации, а также от желания первого руководить второй.

И до тех пор, пока этот вопрос не будет окончательно решен, Комитет Общественного Спасения не сможет достигнуть большего, чем его предшественники.

Что же касается внутренней безопасности, то система централизации, заимствованная нами у наших предшественников, также не может дать лучшие результаты, что бы ни предпринимал Комитет Общественного Спасения.

Новый персонал центральной полиции, состоящий из граждан, которые — к их чести — до сих пор были к этому делу непричастны— не сможет, несмотря на всю его преданность Коммуне, осуществлять действительный надзор.

Вот где особенно должно было бы быть применено разделение труда для достижения необходимого результата.

Следовало бы создать участковые комитеты, которые передавали бы сведения своим муниципалитетам.

Сличение и объединение сведений, собираемых по участкам, а затем по округам, направило бы новых агентов, более усердных, чем ловких, по настоящим следам, вместо тех ложных, по которым они почти всегда плутают.

В результате инициатива Комитета Общественного Спасения лишь ослабит Коммуну и поколеблет доверие самых преданных ее сторонников, когда п р е д н и м раскроется все бессилие этого бесполезного учреждения.

Это злополучное подражание эпохе, нам пока хорошо знакомой лишь со своей драматической стороны, уже начинает приносить печальные плоды.

Оно разделило Коммуну на два лагеря, как -раз в тот момент, когда она больше всего нуждается в действительном единстве.

Никто не относился до сих пор всерьез к выходке Везинье, который назвал реакционерами тринадцать человек, голосовавших против утверждения дополнительных выборов. Недоброжелательные намеки Феликса Пиа, касающиеся некоторых из нас, б ы л и решительно опровергнуты, так что большинство поняло их несправедливость.

Но когда тринадцать прежних противников превратились по вопросу о создании знаменитого Комитета в двадцать три, большинство пришло в раздражение.

А между тем, эти двадцать три человека, если даже допустить, что они ошибаются, в сущности действуют таким образом лишь из уважения к неприкосновенности Коммуны.

Они им настолько проникнуты, что, несмотря на свое отвращение к новому учреждению, те из них, кто находится во главе ответственных ведомств, как-то: почта и финансы, остались все же на своем посту в полной готовности выполнять принятые Комитетом Общественного Спасения решения.

По какому же праву их возражения по этому поводу вменяются им в вину, как оскорбление Коммуны?

Право, нужно быть одержимым, как б е д н ы й Мио, манией революционной «традиции», чтоб не допускать возможности расхождения во взглядах по такому вопросу.

И вот мы уже не только реакционеры, но просто-напросто предатели, за которыми нужно присматривать.

И в таком случае непоследовательно предоставлять этим предателям занимать и в дальнейшем доверенные им посты.

Все это, поистине, непонятно и, во всяком случае, очень непоследовательно.

Теперь среди нас появился повод к раздору, в котором, конечно, не ощущалось необходимости

Чорт бы побрал традиции!

Россель изложил в Совете свои взгляды на роль военного делегата и его взаимоотношения с Коммуной.

Эти объяснения, проникнутые большой искренностью и, просто высказанные, произвели прекрасное впечатление. Но Верморелю и мне казалось, что Россель, так же как и Ключере, не тот военачальник, какой был бы нужен нам теперь.

Он тоже, кажется, убежден, что самое для него главное—это иметь в руках орудие, которое не рассуждало бы и готово было слепо подчиняться.

А между тем, вот это именно сознательное подчинение одно только и может дать революционной армии шансы на победу.

О том, что это представляет значительные затруднения, спорить не приходится, но все же нужно было бы, чтоб те, кто принимает существующее положение, знали, что им придется считаться со связанными с ним затруднениями.

Им надо выучиться управлять этой сознательной силой, а не подчинять ее упрямо тем формам, отрицанием которых она является.

Россель, горячий и убежденный патриот, был бы превосходным корпусным командиром во время обыкновенной войны в защиту родной земли.

Но он абсолютно чужд тому делу, за которое мы боремся: он нам в этом открыто признался. Как же сможет установиться между ними и его войсками необходимая для успеха дела общность идей?

Слишком пропитанный иерархическими предрассудками, наш новый военный делегат падет, как и Ключере, под бременем задачи, которую он лояльно принял на себя.

Более резкий, чем его предшественник, в меньшей мере д о б р ы й м а л ы й , а, главное, более активный, он лишь скорее разобьется о препятствия Вот и все.

— Знаете ли вы, гражданин, — говорит мне как-то вечером в Пасси комендант Бено,—что с некоторых пор полковник Ляпорт уходит каждый вечер один через Отейльские ворота побродить по Булонскому лесу. Что бы такое он мог там делать?

— Вы в этом уверены?

— Вполне Впрочем, мы можем пойти к Отейльским воротам и справиться об этом.

Начальник поста действительно сообщает нам, что уже три дня как командир сектора отправляется один к десяти часам вечера в лес под предлогом наблюдения за неприятелем.

Вернувшись в замок Ля-Мюэтт, я требую у полковника Ляпорт объяснений Он сознается в своих ночных прогулках и оправды-

вает их необходимостью следить за действиями неприятеля, который уже перебросил мост через Сюрен и направляет свои траншеи к Мортемарской площади, чтоб установить там свои батареи.

Я тогда спрашиваю у этого человека, почему он хранил про себя до сих пор это важное открытие, а не сделал о нем доклада военной делегации.

Он бормочет какие-то извинения и предлагает отправиться с ним в обычный час, чтоб точно уяснить себе, в чем дело

Бено мне подмигивает, и я соглашаюсь.

К десяти часам, в тот момент, когда мы собираемся выйти, комендант Бено, спросивший разрешения нас сопровождать, также появляется у Отейльских ворот, но в сопровождении пятидесяти надежных и решительных людей.

Полковник, повидимому, не очень доволен эскортом и пробует возразить, но мы проходим вперед.

Мы движемся, сохраняя глубочайшее молчание, гуськом среди довольно густого мрака в продолжение почти трех четвертей часа. Нас ведет полковник, за которым следует по пятам наблюдающий за нами Бено с револьвером в руках.

В дни моей юности — около 1848—49 года — я проделал не мало ночных прогулок в этом лесу в сопровождении моего старого друга Талес Бернара. Я так хорошо знаю все его закоулки, что не мог бы там заблудиться даже в тумане.

Я подаю Бено знак, и он бесшумно останавливает своих людей. Затем я подхожу к полковнику и тихо спрашиваю его:

— Куда вы собираетесь привести нас таким путем?

— Но, гражданин член Коммуны, к Сюренскому мосту, как условлено.

— И вы, действительно, уверены, что идете в этом направлении?

— Разумеется, гражданин, член...

— Довольно! Вы или изменник или последний из лгунов.

— "Гражданин", член...

— Замолчите. Повидимому, я знаю лес лучше вас. Мы глуше-нейшим образом идем к Мадридскому павильону и находимся не дальше, чем в километре от версальских аванпостов.

— Не разmozжить ли ему голову?—спрашивает меня Бена.

— Следите за нами только хорошенько и повернем к Дофинским воротам.

Мы поворачиваемся и спустя двадцать минут подходим к воротам.

Но после нашей вылазки, которая, повидимому, обратила на себя внимание, пароль был изменен. Начальник поста отказывается нас пропустить

Нам приходится вернуться к Отейльским воротам, не без риска «быть замеченными неприятельским аванпостом, так как луна подходила к полнолунию.

Комендант Бено и его люди были и склонны расстрелять полковника. Это было бы ему поделом, если бы он в этом деле даже оказался просто дураком.

Мы удовлетворились тем, что продержали его под арестом до следующего утра, а затем отправили в Шерш-Миди, и одновременно с этим послали специальный рапорт военной делегации. Я признаюсь, что вся эта история мне не совсем ясна, и задаюсь вопросом, какую цель мог преследовать этот человек \

Наш друг Авриаль навязал нам дело, которое причиняет • больше забот, чем оно принесет настоящей радости тем, в чьих интересах он внес свое предложение.

Дело заключается в возвращении заложенных в ломбарде вещей их владельцам.

Это один из вопросов, разрешить который особенно трудно, если захочешь считаться со всеми • сложными, связанными с ним интересами.

Самым простым решением, повидимому, была бы ликвидация этого учреждения, дающего возможность своим комиссионерам и куче низших агентов составлять состояние на нищете рабочих и мелких торговцев.

Но ссуды-то именно выдаются за счет вкладов мелких капиталистов. *

Отобрать их и не столько в пользу пролетариев, сколько в пользу немалого числа эксплуататоров, тоже прибегавших к ростовщическим услугам этого «благочестивого»² учреждения, было бы, поскольку дело идет не о полной социальной ликвидации, в некоторой степени несправедливым.

Так, число предметов, под которые выдавалась ссуда размером от двухсот до пяти тысяч франков, т.-е. предметов большей ценности, чем те, которыми обычно обладают рабочие или даже служащие, в данный момент равняется двадцати семи тысячам, а итог сумм, выданных под залог этих вещей достигает восемнадцати миллионов.

Если верить, некоему господину Дальсему, напечатавшему впоследствии книгу «Заговоры во время Коммуны», дело заключалось в некоторой комбинации, согласно которой полковник Ляпорт—Дальсем определенно называет его,—должен был сдать версальцам и менно Дофинские ворота. Рассказанный мною выше инцидент, действительно приводится в книге Дальсема; но он, не зная, что я вместо Удэ надзирал за сектором, упоминает и моего коллеги, говоря о члене Коммуны, которого Ляпорт должен был выдать неприятелю. (Прям, авт.)

г) Ломбард, по-французски Мон-де-Пьетэ, что в буквальном переводе значит «Гора Благочестия».

В данный момент «а складах ломбарда имеется два миллиона, двести тысяч предметов, заложенных за сорок девять миллионов франков. Большая половина этой суммы отдана в займы лицам более или менее зажиточным и, во всяком случае, уж не пролетариям.

Следовало ли, как мы это уже сделали по поводу жалованья, предоставить несправедливые льготы людям, не имеющим на это ни малейшего права?

Не предоставили ли бы мы таким образом богатого улова всем скупщикам расписок ломбарда, которые получают за бесценок в полную собственность те предметы, бесплатный возврат которых нам предлагалось декретировать.

Лучше пусть победоносная Коммуна создаст новый экономический строй, при котором рабочие не были бы вынуждены прибегать к столь жалким источникам. Нужно надеяться, что придут и к этому.

Но обогащать в силу слишком уж наивной сантиментальности, эту кучу бесстыдных спекулянтов, порожденных ломбардами, было бы больше, чем скверно: это было бы нелепо.

И в этом случае понадобилось бы, даже если не жалеть средств на необходимый для этого персонал, еще немало времени для возвращения двух миллионов двухсот тысяч предметов, которые там находятся, или уж открыть настежь двери складов и предоставить всякому право распознавать и бесконтрольно забирать то, что он заложил

После нескольких дискуссий, доказавших, что этот вопрос не может быть разрешен на скорую руку, решено было, что выдаче подлежат лишь те вещи, ссуда под -которые не превышает двадцати франков (что составит все же более миллиона семисот тысяч предметов), и при том особом условии, что всякий, кто подойдет под декрет, должен будет доказать, что он и есть закладчик подлежащего означенной выдаче предмета.

В виду невозможности производить выдачу иначе, чем сериями, финансовая комиссия решила, что серии эти будут устанавливаться еженедельно путем жребия. Мне поручено это дело, скорее скучное, чем действительно полезное при тех условиях, при которых оно выполняемо.

Первым последствием этого назначения было то, что я буквально засыпан письмами и посещениями — у себя на дому. Многие, забывая, что все должно быть решено жребием, хотят во что бы то ни стало добиться права на получение вне очереди.

Много «этих дам», особенно из тех, кому не повезло за время войны, оказывают мне честь просьбой о свидании, с целью доказать мне свои права

В виду того, что я дома не бываю, их обычно принимает моя «сена — эта невольная жертва коварного Авриала.

Это, кажется, несколько расхолаживает просительниц, очевидно, не предполагавших, что я женат .. и к тому же нахожусь, **увь**, уже в весьма почтенном возрасте.

На этих днях к некоторым из моих коллег по финансовой-комиссии явилась женщина уже зрелого возраста, одетая во все черное и предлагала выдать нам «маленького» Тьера.

По ее утверждению, он приходит каждый вечер в один знакомый ей дом, чтоб получить сведения, доставляемые его агентами

Она требует два миллиона.

Если бы паче чаяния это оказалось верным, то плата в два миллиона за добычу такого рода не была бы слишком высокой.

Этот зловредный гном не стоит, конечно, и тысячной доли этой суммы, но его внезапное исчезновение, несомненно, повергло бы версальское собрание в данный момент в порядочное смятение.

Деревенщина несомненно поторопилась бы сбросить с себя республиканскую маску и привела бы в исполнение лелеемый ею с 18 марта проект провозгласить Жуанвилля главным наместником, с тем, чтобы подготовить орлеанистскую реставрацию

Провинция увидела бы, в чем дело и решилась бы тогда, может быть, поддержать нас.

Наконец, нам удалось бы наказать негодяя, чем тоже не следует пренебрегать.

В виду того, что наши друзья пожелали узнать мнение всей комиссии в целом, они назначили ей новое свидание, но женщина больше не появлялась.

Ходит слух, что она отправилась с тем же предложением к делегату по общественной безопасности, и что он велел посадить ее в тюрьму, как простую шпионку.

Последнее, к несчастью, более вероятно, чем история о мнимых еженедельных путешествиях Тьера в Париж Я не верю, что*> этому мошеннику бы л и бы по-плечу такого рода авантюры.

А жаль, все-таки. Интересно бы л о бы получить возможность его повесить на Монмартрских высотах

Россель, как мы с Верморелем предвидели, уже весь выдохся-

Он не смог ни сговориться с Центральным Комитетом, по-прежнему занимающимся конспирацией, ни побороть его, несмотря ^ н а угрозы «карательным отрядам», которые, я полагаю, ему бы л о ^бы довольно трудно осуществить

Он вынужден удалиться.

Его прошение об отставке слишком даже ясно излагает положение.

Военная деятельность, все более затрудненная, благодаря не-лепому соперничеству, все ослабевает, и гражданскому преемнику Росселя, гражданину Делеклюзу будет очень трудно вдохнуть в нее новую жизнь.

Вопрос о Центральном Комитете, благодаря этому новому делегату, преданность и самоотречение которого растет вместе с опасностью, наконец, по крайней мере, по внешней видимости, разрешен. Делеклюз официально привлек его к управлению военными делами, предоставив в его распоряжение главные должности.

Эта превосходная мера, к которой следовало прибегнуть с самого начала, слишком запоздала, и нет надежды, что дух разрушительной интриги, который завелся в Комитете с самого начала Коммуны, наконец исчезнет

Коммуна приняла буквально заключающуюся в прошении об отставке Росселя просьбу о «келье в Мазасе» и постановила его арестовать. Я не присоединился бы к этому решению, еслиб Россель действительно не подал к нему повода своим более чем странным поведением.

Он, случайный защитник Коммуны (ведь ничто не заставляло его идти к нам), оповещает население, даже не предупредив об этом Совет и Комитет Общественного Спасения, которому он подчинен все-таки, чуть ли не в тоне торжества об окончательном на этот раз взятии форта Исси, над которым «развевается трехцветное знамя».

Он до такой степени уважает дисциплину и военную иерархию, что предпочел лучше уйти, чем поступиться чем-нибудь в этом отношении, и в то же время, забывая о своих собственных убеждениях, сообщает в газетах о своей отставке и вызвавших ее причинах раньше даже, чем направить просьбу об отставке тем, кого она больше всего касается.

Его арест при таких обстоятельствах является больше чем законным.

Предателем его считать нельзя, ничто не оправдывает такого взгляда: это обманувшийся человек.

Он был в Меце простым патриотом и таким же остался среди нас, и в Париже не более, чем в Меце, не умел понять, в чем заключалось дело.

Он не разглядел, что иерархия впредь бессильна спасти нас.

Во всякой революционной армии дисциплина является лишь следствием осознания преследуемой цели и применяемых для этого

средств. Жюль Нанс не может быть слепой; ее сила, наоборот, зависит от ее ясновидения.

К несчастью, ни Ключере, ни Россель не умели этого понять. Арест Росселя закончился довольно странным образом.

Гражданин Шарль Жерарден, член Комитета Общественного Спасения, особенно настаивал на осуществлении этой меры. Он скрылся со своим пленником в то время, когда наш коллега-Авриаль докладывал нам в Совете о том, как произведен этот арест.

Что означает это бегство Жерардена? Чего ему было опасаться, если он, предположим, по небрежности, дал убежать своему пленнику? В сущности, очень немногие из нас поставили бы ему это серьезно в вину.

Поведение этого члена Комитета Общественного Спасения; в особенности странно в связи с рассказами о любопытном открытии, сделанном членом комиссии общественной безопасности Верморелем в деле зятя Жерардена, гражданина А. Дюпон, тоже члена Коммуны.

Этот гражданин, замешанный в мнимый заговор, дело о котором слушалось в Блуа незадолго до конца империи, был назначен 4 сентября полицейским комиссаром.

Хотя значительное число республиканцев, самоотверженно вначале занявших этот пост — таковы среди них Эмиль Дере и барон де Понна — подали тотчас же после 31 октября в отставку» не желая стать тюремщиком реакции, Дюпон, тем не менее, не краснея, оставался до 18 марта агентом Крессонов и Валянтэнов.

Оказывается, что в деле этого не в меру усердного полицейского комиссара найден длинный, адресованный им своему последнему начальнику Валянтэну, рапорт, помеченный 16 марта.

Вне Дюпон доносит о деятельности Центрального Комитета и революционных клубов, связанной с готовящимся мятежом, который он брался подавить, если это требуется.

Возможно, что это было простым хвастовством молодого человека, возмнившего себя силой.

Но если к только что сделанному открытию прибавить бегство его зятя Жерардена, то оно делает подозрения основательными.

Несмотря на то, что Верморель потребовал немедленно ареста Дюпона, как это уже предпринято по отношению к Пуриллю, по прозвищу Бланшэ, и Эмилю Клеману, тоже опознанным в качестве старых полицейских Империи, этот новый арест отсрочен, по видимому, по настояниям Риго. Верморель недоволен этим.

Я с своей стороны встретил в канцелярии Паскаля Груссе служащее там лицо, присутствие которого среди нас мне непонятно. Это — Жермен Касс.

Как могло случиться, чтоб этот человек, бывший во время осады одним из самых раболепных агентов Жюля Фавра, явился с предложением своих услуг Коммуне, и почему его попросту не прогнали, как он того заслуживал?

Мне кажется очевидным, что он поступил в канцелярию Груссе нишь с целью сотворить какое-нибудь грязное дело на пользу Версаля.

— Не пойдете ли вы со мной в обход до Пуан-дю-Жур,—говорит мне как-то вечером полковник Жосслен, вновь причисленный к сектору Мюэтт.

— Охотно, тем более, что вот уже два дня, как я не могу это сделать.

— Мы отправляемся вдвоем через заросли Ранеля, чтоб попасть на стратегическую дорогу.

Бомбардировка, лишь накануне объявленная в версальском «Официальном Вестнике», в сущности продолжается на всем этом расстоянии уже с 3 апреля, но сейчас она сильнее, чем когда бы то ни было.

Мы все уже давно освоились со свистом пуль, который федераты, на мой взгляд, очень правильно сравнивают с жужжаньем майских жуков. (Замечу в скобках, что эти последние, встревоженные, вероятно, нашими перестрелками, не подают в этом году и признака жизни).

Но есть звук? к которому я не могу привыкнуть и который всегда производит на меня неприятное впечатление: это звук вертящихся перед падением снарядов, выпущенных митральезами.

Никак нельзя предугадать, попадет ли в тебя снаряд, или нет, и эта неопределенность и раздражает меня против воли. Лишь обломки веток, ломающихся вокруг, служат предостережением, и ночью это еще хуже, чем среди бела дня.

В виду этого я не слишком огорчен, когда мы достигаем конца зарослей.

У Отейльских ворот мы устраиваем привал. Никогда во время наших предыдущих ночных обходов с Лонгэ или же с Гамбоном — я «е был так потрясен.

Пожары, тянущиеся от Пасси до Сены, отбрасывают среди темной, но яркой звездной ночи налево от нас большое красное зарево.

Эти пожары вспыхнули от нефтяных бомб, которые непрерывно выпускаются батареями Бретейля и Брембориона с целью выбить федератов из их позиций.

Благодаря царящей позади батареей темноте, мы прекрасно можем различить предшествующую каждому залпу вспышку и, несколько секунд спустя, мы слышим грохот снарядов.

Все виллы, находящиеся по краям дороги, представляют собой жалкие развалины Сады полны обугленных балок и еще дымящихся стальных обивок и мебели.

Кокетливый Отейльский вокзал представляет собой не что иное, как бесформенную груду кирпичей, железа, стекла и осколков снарядов.

Мало поврежденный прусскими батареями виадук, ныне совсем походит на каменное кружево, через просветы которого виднеется зловещее зарево.

Напрасно, сбитый отейльский резервуар с обшивкой и засовами, разбитыми версальскими снарядами, брошен поперек рва, образуя нечно в роде постоянного моста — с большими отверстиями.

На передовом посту, по ту сторону рва, отряд «Мстителей Республики», не оставляющий своих позиций, перестреливается с неприятелем в направлении Мортемарской площадки, где версальцы собираются установить свои орудия.

Повсюду война и ужас; ожесточенная война между теми, кто стремится к торжеству Республики и равенству, и теми, кто пользуется привилегиями и хочет отомстить Парижу за те обиды, которые пруссаки нанесли им из-за их трусости.

Вдруг мы подсакиваем от ужасного взрыва. Недалеко от нас, по направлению к дороге в Сен-Клу падает снаряд. Вслед за этим грохотом слышатся раздражающие вопли.

Мы быстро направляемся к месту, откуда раздаются эти крики, и приходим к каземату, слабо освещенному фонарем, при свете которого мы различаем три трупа.

Один из них принадлежит прекрасной молодой девушке, у которой снесена верхняя часть черепа. Около нее горько плачет старик, капитан федератов. Это — отец девушки.

Во время первой осады девочка сделалась маркитанткой, чтобы сопровождать своего отца, старого республиканца, который вступил в боевой батальон.

Когда он затем встал на сторону Коммуны, она продолжала следовать за ним.

Ее все очень любили и за веселый нрав и преданность. Прусские пули ее пощадил, а версальские вырвали ее у любящего отца, бедного, обезумевшего от горя старика.

Гражданину Жосселену и мне насилу удастся оторвать несчастного от трупа его дочери, который переносится вместе с трупами ее несчастных товарищей в госпиталь Пасси.

16 мая 1871 г.

Поистине наши друзья из большинства прибегают по отношению к меньшинству к приемам, которые становятся нестерпимыми.

Поскольку наши разногласия приводили лишь к более или менее колким взаимным попрекам, положение, как бы оно ни было плачевно, все же не было таким, чтоб можно было оправдать раскол.

Но меньшинство не может согласиться, чтоб новый Комитет Общественного Спасения вдохновлялся лишь советами большинства, собирающегося помимо официальных заседаний Коммуны. Меньшинство, таким образом, несет ответственность за те действия, по поводу которых с ним даже не совещаются.

Это большинство, несомненно убежденное, что лишь оно одно обладает достаточной для спасения Коммуны энергией, не понимает, до какой степени оно — игнорирует данный нам нашими избирателями мандат; как оно попирает наше достоинство и наше неоспоримое право понимать спасение революции иначе, чем оно и, наконец, в какой мере оно изменяет тесной солидарности, которая нас связывает в глазах всех — друзей и недругов.

Абсолютно необходимо напомнить ему об этом.

Итак, было условлено, что мы потребуем в открытом заседании прекращения такого рода действий. Мы будем заклинять наших коллег из большинства понять, наконец, что Коммуна, под страхом самоубийства, должна стоять вне личностей, и потому ни одна из ее резолюций не может быть принята раньше, чем ее фбрмально не обсудили в официальном заседании собравшиеся с этой целью члены Совета.

Большинство, несомненно предупрежденное о нашем плане, не явилось вчера на заседание, чтоб избежать столкновения, и мы, прождав добрый час, должны были и удалиться. Нами был составлен протокол, в котором отмечалось наше присутствие в зале Совета и указывались мотивы нашего ухода.

Нам больше ничего не остается, как обратиться с этим вопросом к нашим избирателям.

Итак, мы сегодня утром объявляем через газеты, что сохраняя за собой попрежнему всю ответственность, которая связана с нашим мандатом, даже настаивая на ней в случае необходимости, мы отныне будем воздерживаться от появления в заседаниях Совета, кроме заседаний, посвященных суду над каким-либо из его членов. Вся наша деятельность будет посвящена либо управлению нашими мэриями, либо общей защите Революции.

Эта декларация подписана: Ш. Белэ, Журд, Тейш, Лефрансэ, Эжен Жерарден, Адольф Клеманс,

Андрие, Серайе, Лонгэ, Верморель, Артур Арну, Виктор Клеман, Авриаль, Остин, Франкель, Пэнди, Арнольд, Жюль Валлес, Тридон, Варлен, Курбэ.

Гражданин Малон, отсутствовавший в момент редактирования этого документа, присоединился к нам, прислав мотивированное письмо.

Что же касается Франкеля, голосовавшего за учреждение Комитета Общественного Спасения, то он нашел нужным присоединить к своей подписи, находившейся в видимом противоречии с этим голосованием, следующее объяснение.

«Указывая мотивы моего голосования за Комитет Общественного Спасения, я оставлял за собой право судить этот Комитет. Я прежде всего стремлюсь к спасению Коммуны. Присоединяюсь к изложенным положениям»

Противники Коммуны подняли страшный шум вокруг этой декларации, в которой им уже чудится смерть Революции

Эти господа очень легко поддаются восторгу.

В сущности в чем же дело?

Фракция Совета — около его трети — говорит другим третям: «Вы думаете, что лишь ваш взгляд на Коммуну и на те средства, которые должны обеспечить ей победу, правилен. Эта самонадеянность доходит до того, что вы не даете себе больше труда представлять нам, хотя бы для вида, ваши проекты, и вы их утверждаете наперед в неофициальных собраниях.

«Да будет так. Мы это запомним. Мы не появимся впредь ни на одном заседании Совета. Наше присутствие было бы лишь оскорблением нашего достоинства и в то же время способствовало бы потере всеми нами времени, годного для лучшего употребления.

«Впредь вместо напрасных споров, мы займемся выполнением мер, принятых Комитетом Общественного Спасения. Мы лишь доведем об этом новом положении вещей до сведения наших избирателей.

«Но в области защиты принципов Революции, мы готовы, как и в прошлом, подвергаться всяческому риску и отвечать за все меры, которые будут приняты».

Именно таков смысл нашей декларации.

Если реакционеры, однако, притворяются, что видят в этом нечто другое, то в сущности их роль в том и заключается, чтоб пытаться представить наивным людям нашу декларацию в ином свете.

• **

Но менее понятны те бешеные нападки, которым мы подвергаемся со стороны газет, разделяющих точку зрения большинства.

Прямо невероятно, что люди, которые окончательно убедились в том, что с их замечаниями не желают более в какой бы то ни было мере считаться, что эти люди, пришедшие к решению воздерживаться от них в дальнейшем и удовлетвориться лишь содействием общей защите, вызвали против себя такое раздражение.

В особенности один из органов большинства до такой степени забывает в этом отношении меру, что становится просто смешным.

« О т е ц Д ю ш е н », главным редактором которого состоит Вермеш¹, щедро уснащающий, под предлогом верной передачи «народного языка», свои страницы словами, вроде «дьявольщина», «здорово», «чорт дери», требует в номере 63-ем от 28 флореала 79 года (попросту 17 мая 1871 года) «предания суду негодяев, которые дезертируют из Ратуши»-

Редактор статьи важно заявляет — ах! чорт подери! — что все подписавшие манифест, являются коллекцией негодяев, гнусных трусов, бездельников, которым лишь бы прохлаждаться в креслах в Ратуше, пока не было опасности и извлекать из этого пользу. Им наплевать на город, как на прошлогодний снег; они думают только о том, чтоб улизнуть и выйти из игры без дальнейших разговоров. Это дезертиры перед лицом неприятеля, которым лишь бы жить, как настоящие буржуи. Наконец, чорт подери! они заслуживают лишь карательного отряда!

Смешная сторона дела заключается в том, что этот враг меньшинства — «шайки трусов» — будучи приглашен сделать небольшую прогулку по укреплениям, в той стороне, где бы сыплются дождем, воздерживается последовать этому приглашению.

Гром и молния! Чорт подери! Тысяча чертей! Что случилось бы с Революцией, если бы с ним и приключилось несчастье!

Правительство Тьера и его соратников решительно столь же глупо, сколь подла. Этим не мало сказано.

Какой чорт ему мог внушить то, что он выдумал и что нападает трюки старого Дюма и Бего знаменитой «Нельской башне»?

Во время моего пребывания в Ратуше мне сообщают, что какая-то дама настаивает на свидании и со мной для какого-то важного сообщения

Я отправляюсь в зал, где меня ждет дама, о которой идет речь, вполне уверенный, что дело идет опять о каком-нибудь «маленьком одолжении» по поводу ломбарда.

¹ Эжен Вермеш вместе с Альфонсом Эмбером и Максимом Вильмом издавал газету «Отец Дюшен».
(Прим. перев.).

Ц вижу молодую женщину весьма скромного вида, одетую со вкусом, но очень просто.

— Вы гражданин Лефрансэ?

— Совершенно верно. В чем дело, гражданка?

— Я приехала из Гранвилля, где имела удовольствие познакомиться с вашим братом и его семьей и привезла вам от них последние известия.

Вслед за этим идет куча очень правдоподобных сведений. Потом, вдруг:

— Но дело заключается не в одном только этом: мне нужно сообщить вам нечто конфиденциальное.

— Тогда будьте добры зайти ко мне на дом. Моя жена будет очень рада повидать вас и, кроме того, получить благодаря вам известия о своей невестке, которую она очень любит.

— С большим удовольствием, но то, что я должна вам сообщить, носит такой характер, что я могу это сделать лишь вам одному. Будьте так добры зайти ко мне завтра утром, пораньше, потому что это довольно спешно как для вас, так, быть может, и для ваших друзей.

Я уславливаюсь о свидании, и на другой день к девяти часам утра, возвращаясь из Мюэтт, где я обыкновенно провожу ночь, захожу по указанному адресу.

Однако, я не успеваю еще подняться, как начинаю кое о чем догадываться

Нельзя сказать, чтоб на улице Леони, у верхнего конца улицы Бланш жили именно последовательницы Жанны д'Арк \ Как только я попадаю в салон этой дамы, мои подозрения превращаются в уверенность. Действительно, нужно было бы быть более чем наивным, чтоб тут ошибиться.

Дама появляется в negligé, впрочем, вполне приличном. Она признается мне без дальнейших околичностей, что у нее имеется любовник — версальский офицер, с которым она ежедневно видится, но не указывает, само собой разумеется, каким образом это происходит.

Этот офицер уверил ее, что нам остается существовать всего лишь несколько дней, и что ни один из членов Комиссии, попавший в плен, не будет пощажен.

Но она поклялась моему брату и его жене, что спасет меня, и поэтому, просит, как милости, обещания спрятаться у нее; ее любовник дает на это свое согласие и устроит так, чтоб меня не тронули до тех пор, пока мне не удастся покинуть Париж².

¹ Подразумевается «девственницы».
(Прим. перев.).

² Когда впоследствии рассказал это приключение моему брату, он мне подтвердил, что никогда не видал вышеупомянутой дамы и даже не помнит имени, которое она мне назвала и под которым она якобы представилась ему.
(Прим. тит.).

Все это она говорит взволнованным и почти растроганным тоном, пожимая мне руки, которые мне с большим трудом удается высвободить.

Чтоб поскорее закончить эту, граничащую со смешным сцену, я даю требуемое обещание и ухожу, насилу удерживаясь от сильного желания расхохотаться.

Вечером, ужиная с Валлесом, Верморелем и Лонгэ, я им рассказываю мою историю. Все трое хохочут: этот же фарс бы л разыгран и с ними в этот же день и почти с теми же подробностями.

В предвидении нашего поражения, версальцы, повидимому, размечтались, что они нас захватят у женщин \

Что Тьер, семейные нравы которого заставили бы покраснеть даже совершенно свободное от предрассудков на этот счет животное, меряет нас на свой аршин — в истории нет ничего удивительного. Но, почему он посчитал нас достаточно глупыми, чтоб попасться в такую грубую ловушку?

К несчастью, наше положение несомненно становится очень тревожным.

Ряды федератов редют с каждым днем, потому что смерть уносит самых преданных, а другими овладевает усталость.

Попытка франк-масонов не привела ни к какому результату. Провинция не вняла нашим повторным призывам.

Идея созыва с'езда делегатов генеральных с о в е т о в ² с целью заставить Версаль созвать новое Собрание, которое поставило бы себе задачей прекратить борьбу, потерпела полную неудачу за недостатком энергии у ее вдохновителей.

Якобы беспартийные друзья Коммуны, вошедшие в лигу «Защиты прав Парижа» ³ в такой мере «беспартийные», что лучше было бы иметь дело с открытыми врагами.

¹ Господин Арсен Гуссэй был, быть может, посвящен в этот проект теми, кто его избрал. Спустя несколько времени, среди всех тех помоев, которыми нас обливали находящиеся на жалованьи у Версаля писатели, появился роман этого господина: „Затерявшаяся собака и расстрелянная женщина», в котором он изображает, как "я, переодетый священником, отправлялся каждый вечер к женщине, называющейся Фламбиной. Она затем ,помогает м н е оставить П а р и ж в этом одеянии. (Прим. тт.).

Генеральные советы провинциальных муниципалитетов или коммуны, (Прим. перев.).

«Лига Республиканского Союза Защиты Прав Парижа»—так называлась одна из многочисленных соглашательских организаций, образованных умеренной республиканской буржуазией, мечтавшей о соглашении между Парижем и Версалем и одинаково боявшейся монархического и помещичьего Собрания и революционного пролетариата столицы. (Прим. перев.).

Но якобы примирительные попытки лишь посеяли неуверенность и нерешительность среди тех, которые не понимают, что о д н и лишь энергичные действия могут принудить Версаль вступить в переговоры с Коммуной.

Эти лиги в сущности служат лишь для того, чтоб прикрыть собой кучу реакционных интриг, с которыми нам приходится сражаться у себя внутри.

С другой стороны, вызванные против меньшинства подозрения также принесли печальные плоды.

Недоверие проникло в ряды борцов, становящихся на сторону той или другой из фракций Совета, и многие уже считают себя жертвами предательства.

При таких обстоятельствах мы, делегаты 4-го округа, из которых один лишь гражданин Амуру стал на сторону большинства, сочли нужным созвать наших избирателей в Лирический театр, чтоб об'яснить им наше решение, а также для того, чтоб предостеречь их от деморализующих умозаключений, которые делались на основании этого решения.

Все обошлось лойяльно, как должно быть между людьми, уважающими друг друга.

Сначала гражданин Артур А р н у перечислил административные мероприятия, осуществленные в округе со времени нашего избрания в Коммуну, и отдал справедливость муниципальной комиссии, самоотверженная деятельность которой сильно облегчила наш труд. Этот отчет был одобрен без оговорок многочисленными присутствовавшими избирателями.

По соглашению с гражданином Арну, Клемансом и Эженом Жерарденом, я затронул вслед за этим вопрос о декларации меньшинства Коммуны. Я рассказал об обстоятельствах, при которых прошли одни за другими выборы двух Комитетов Общественного Спасения, и как и почему мы боролись против этого учреждения, во имя мандата, полученного нами от наших избирателей.

Затем я об'яснил, каким образом мы, с которыми наши коллеги перестали советоваться по поводу предпринимаемых м и мер, были логически приведены не к тому, «чтоб удалиться под сень шатров», как напрасно утверждали некоторые газеты, а к заявлению, что мы больше не станем являться в заседания Совета, так как наше присутствие там лишено смысла.

— В таком случае вы должны б ы л и подать в отставку, — восклицает один из присутствующих.

— В нормальное время, гражданин, мы, очевидно, сделали бы это. В сущности, лишь такое поведение было бы правильным. Но в виду положения, созданного Версалем, это именно тот единственный шаг, которого мы не могли предпринять, ибо нас тогда

были бы в праве обвинять в трусости. И, заметьте это себе хорошо, гражданин, мы не считаем себя в праве отклонять от себя ответственность хотя бы за одно из действий Коммуны

Принимая от вас наш мандат делегатов Коммуны, мы тем самым согласились итти до самого конца на риск, связанный с этой опасной честью.

Мы отметили разногласия, существующие между нами и большинством Коммуны не для того, чтоб порицать одних и хвалить других, но с той целью, чтоб принципы, положенные в основу Коммуны, восстали прославленные и непобедимые из уготованной им врагами могилы.

Наше поведение, равно как и данные нами объяснения б ы л и почти единодушно одобрены двумя тысячами присутствующих избирателей.

Но в то же время собрание предложило нам пересмотреть наше решение и вновь являться в заседания Совета в в и д у того, что большинство обещало изменить свое поведение *по* отношению к нам.

После собрания я возвращаюсь в Мюэтт. Уже позже полуночи, и мне с трудом удастся найти извозчика, который согласился бы меня отвезти туда.

Я слышу, как он ворчит: «Этот дьявол, что ему там нужно в такое время? Да и никого больше не осталось в той стороне. Не мог этот лодырь отправиться туда пешком».

Я еще раз отмечаю, что извозчики в общем мало сочувствуют Коммуне.

В виду Трокадеро, у моста Пасси довольно ясно доносящийся грохот снарядов и выстрелов пугает лошадей. О н и начинают брыкаться, очевидно, подстрекаемые к этому возницею, который вовсе не собирается ехать дальше.

— Скажите-ка, господин, вам разве непременно нужно ехать туда? Эта музыка мне совсем не нравится. Я женат и у меня есть дети.

В виду того, что я вовсе не считаю себя в праве заставить этого человека рисковать своею шкурой для того, чтоб избавить мои ноги от необходимости пройти остающиеся мне, приблизительно, два километра, я схожу и плачу ему.

— Погоняй извозчик! — Я не сделал и пятидесяти шагов, как он уже повернул обратно и исчез...

Я взбираюсь по под'ему Бон-Ом. Темнота ночи озаряется отблесками, за которыми быстро следуют страшные взрывы.

Это снаряды, разрывающиеся на главной улице Пасси, заваленной дымящимися обломками, через которые мне часто приходится пробираться-

В замке Мюэтт я встречаю Домбровского, несколько офицеров генерального штаба и моего коллегу Дерер, которого новая военная комиссия послала на мое место.

Домбровский, полковник Матъе, сменивший Ляпорта и остальные присутствующие офицеры обсуждают возможность вылазки, которую генерал хочет предпринять в сторону Сюрен, чтоб попытаться отбросить версальцев по ту сторону Сены.

С этим проектом происходит то же, что и со столькими другими, свидетелем которых я уже был. Он рушится из-за того, что затребованные у военного ведомства подкрепления не смогли или не сумели подойти во-время и в нужном числе.

Мое присутствие в секторе становится излишним в виду того, что я заменен другим уполномоченным.

Мне хочется выяснить себе в последний раз, в каком состоянии находится защита _ д о Пуан-дю-Жур.

Вместе с гражданином Болонь мы выходим на стратегическую дорогу. Светает, и мы легко можем отдать себе отчет в положении вещей.

Казематы п о в с ю д у покинуты, так как невозможно дольше оставаться в них без риска быть там погребенным.

Вокруг нас все пустынно.

Л и ш ь один только артиллерист наполовину спрятался у ворот Сен-Клу в амбразуре орудия, приведенного, как, впрочем, почти все остальные, в негодность. Все наши—мои и Гамбона—заявления не могли заставить военную делегацию исправить их.

Артиллерист замечает нас и жестом приглашает подойти. Мы молча взбираемся по откосу и смотрим сквозь амбразуру.

Траншеи неприятеля не доходят лишь на пятнадцать метров до фортификаций, и я ясно различаю лица солдат, которые не дают себе больше труда прятаться. Они, повидимому, осведомлены, что не подвергаются уже теперь никакой опасности.

В то время как мы делаем это тревожное открытие, неосторожное движение обнаруживает наше присутствие. Тотчас же раздаются несколько выстрелов в нашу сторону и прямо нам в лицо летит земля, взбрасываемая пулями, разрушившими край насыпи.

Нам приходится прекратить свои наблюдения.

Продолжая путь до Пуан-дю-Жур, мы замечаем повсюду ту же пустынность.

Положение весьма серьезно. Нам угрожает близкая опасность

Мы спешно возвращаемся в Мюэтт и отдаем Домбровскому отчет во всем, что мы только что видели

Мужество Домбровского бесспорно, но его постоянная намеренная молчаливость выводит из себя. На его лице никогда не заметно ни малейшего признака волнения. В общем он на меня производит впечатление человека, действующего за свой собственный страх, отнюдь не заботясь о деле, которому он служит.

Он нам лаконически отвечает, что опасности нет.

Все же, в ответ на наши настояния, он обещает отправиться лично осмотреть указанные нами места.

Я ему заявляю, что я с своей стороны осведомлю Делеклюза для того, чтоб он мог по возможности скорее прийти к какому-нибудь решению.

В сопровождении нашего коллеги, гражданина Виара, которого также, как и Авриала, я застал в переговорах с Домбровским, я возвращаюсь в Париж. Дойдя до Кур-ля-Рэн, против моста Инвалидов, я чувствую, что меня охватывает бесконечная усталость. Мысль о необходимости перебраться через Сену, чтоб дойти до улицы св. Доминика и оттуда до мэрии 4-го округа, где я условился еще накануне вечером встретиться с моими коллегами, приводит меня в ужас.

Гражданин Виар предлагает отправиться в поиски Делеклюза, чтоб поставить его в известность о том, что я видел.

Дело серьезное. Что если он не передаст этого сообщения или забудет его?

— Это невозможно, — уверяет меня уполномоченный по продовольствию. Мне самому нужно вернуться в Делегацию Торговли, которая находится в двух шагах от Военной. Не бойтесь ничего.

Я пишу карандашом на вырванном из моей записной книжки листке, что от Отейльских ворот до Пуан-дю-Жур нет больше ни одного федерата, и что, если туда не будут немедленно посланы войска, то версальцы смогут в любой момент вступить в Париж без всякого кровопролития.

Гражданин Виар берет записку и обещает мне еще раз, что сам передаст ее Делеклюзу.

Несмотря на это категорическое обещание, Делеклюз все же не был ни о чем осведомлен — он мне подтвердил это на следующий день честным словом.

21 мая 1871 г.

Вернувшись в мэрию 4-го округа, я читаю странное уведомление в «Официальном Вестнике» Коммуны.

Немыслимо, чтоб Лонгэ, уполномоченный по руководству газетой, знал о «ем.

Это уведомление гласит следующее: «Жители Парижа приглашаются в течение 48 часов вернуться в свое местожительство; по истечении этого срока процентные бумаги не вернувшихся и Книга держателей ренты будут сожжены.

За Центральный Комитет — Грелье».

Что же это? Разве Коммуна уже умерла, что Центральный Комитет присваивает себе право опубликовывать подобное постановление?

Разве гражданин Грелье является уполномоченным по ведомству финансов, чтоб приводить в исполнение этот шутовский декрет?

Если он только не последний из кретинов, то как он мог хотя бы на минуту допустить, что эта бессмысленная угроза осуществима?

Что это, безумие или предательство?

Этот Центральный Комитет, к тому же почти целиком обновленный после 18 марта, под конец усвоил себе довольно странные замашки . . .

Победа Коммуны а таким образом и Социальной Революции, должна повлечь за собою, как логическое следствие, экономический переворот, благодаря которому рента и все другие доходы, получаемые за счет труда теми, кто его в настоящее время эксплуатирует, будут навсегда уничтожены.

Но подписанная Грелье угроза, при настоящих условиях может быть лишь делом рук безумца или же предателя, желающего вызвать в самом Париже восстание, которое способствовало бы многочисленным махинациям, имеющим целью передать Париж в руки версальцев.

Это дело, требующее расследования.

В самом начале заседания, на которое мы все отправились, так как там должен состояться суд над Кюзере, граждане Ланжевен, Журд и я указываем на эту угрозу Центрального Комитета и отмечаем ее подозрительный характер.

Я даже требую немедленного ареста Грелье.

Но, в виду замечания, что это подлежит решению Комитета Общественного Спасения, мы предлагаем и добиваемся¹ принятия следующей резолюции: «Коммуна, предлагая Комитету Общественного Спасения принять репрессивные меры против гражданина Грелье и его сообщников, переходит к очередным делам».

Наступило, наконец, время покончить с делом Кюзере.

Выставленные против него и касающиеся его деятельности, как военного делегата, факты вполне подтверждают, что возложенная на него, по его настояниям, 3 апреля задача оказалась для него непосильной; но нет возможности установить какого бы то ни было факта предательства с его стороны.

Подозрение могло возбудить только одно весьма необдуманное сообщение, которое он сделал незадолго до своего ареста Делеклюзу.

Дело идет о трех миллионах, которые, якобы, были предложены Кюзере за измену Коммуне.

Самое уже преувеличение той суммы, в которую он оценил себя, как военачальника, достаточно доказывало несерьезность этой мнимой попытки подкупа.

Что же касается пунктов, содержащихся в обвинительном акте и касающихся его действий в Лионе и Марселе во время войны 1870 года, то невозможность для нас проверить их, равно как и их обоснованность, не дает нам никакой возможности судить его за это*.

Преследуемый лихорадкой, бронхитом, схваченным мною во время ночных обходов в Отейле, я чувствую, что не силах дольше оставаться. Уходя, я передаю Верморелю мой письменный вотум* в пользу оправдания Кюзере.

Я не предполагал, что присутствовал в последнем заседании Коммуны.

По странной случайности председателем, в знак примирения обеих фракций Совета, был назначен Валлес.

Эти два выражения — большинство и меньшинство — должны были исчезнуть перед лицом серьезнейшей опасности, чтоб стать лишь историческим воспоминанием.

22 мая 1871 года.

Версальцы в Париже!

Они проникли сюда вчера около пяти часов вечера через Отейльские ворота. Мы с Гамбоном были правы; именно на этот пункт Версаль постоянно направлял свой огонь.

Известие это распространилось в Совете вчера, через несколько минут после моего ухода, в тот момент, когда Кюзере собирался отвечать «а выставленные против него обвинения»

Странно, что как раз в тот момент, когда гражданин Бильорэ, один из членов Комитета Общественного Спасения, сообщил Совету это роковое известие, Делеклюз в телеграмме, отправленной из устроенного на триумфальной арке Звезды наблюдательного пункта посылал форменное опровержение этого известия.

Как могло получиться такое противоречие и такая явная ошибка? Это зависит, несомненно, от того, что создавшаяся во

¹ Я упомянул выше, что он сам хвастал по поводу своего поведения в Лионе во время движения 27 сентября 1870 г., что помешало его успеху. Это видно из опубликованного им в Женевской газете «Швейцарская Родина» письма от 8 октября 1874 года. (Прим. ает)

время, первой осады привычка «Национальной Обороны» к ложным сообщениям, к несчастью, сохранилась и при Коммуне.

Так, например, Домбровский ежедневно помещал в «Официальном Вестнике» фантастические отчеты о никогда не производившихся вылазках.

Он не поколебался даже возвестить однажды, что его войска отбили обратно Нейльи¹ до самой церкви Мержу тем по сле смерти храброго Бургуана 7 апреля, он окопался по эту сторону Саблонвилля² и его передовые посты не выходили за пределы баррикады Пейроннэ³, около которой была расположена его главная квартира.

Он, конечно, думал, что таким образом поддерживает дух в своих людях, но система эта не становится от того менее ребяческой и опасной.

Упадок духа и печальные сюрпризы, которые являются следствием этих искажений истины, далеко не вознаграждаются ожидаемыми от них положительными результатами

Беспорядок, который сразу же внесли противоречивые известия, касающиеся вступления неприятельских войск, достаточно доказывает, как ошибочны были расчеты тех, кто, движимый, быть может, наилучшими намерениями, считал нужным прибегать к этим уловкам

Революционный Париж вновь принял тот вид, который он имел два месяца тому назад, когда в вечер 18 марта опасались наступательного движения реакционных сил.

Итак, наступит все же конец этому кошмару нескончаемой осады, который тянется почти без перерыва с середины прошлого сентября.

Мы встретимся, наконец, в схватке лицом к лицу

Язык этой армии, которая теперь вступила, тот же, что и наш — это соотечественники, дети пролетариев. Кто знает, не вспомнят ли эти версальские солдаты, что мы вместе сражались с пруссаками, вместе защищали неприкосновенность самой почвы Парижа и не почувствуют ли они гнусность той роли, которую им навязывают?

Наконец, в сущности, для всех лучше эта решительная встреча, чем неопределенное затягивание безысходной борьбы на расстоянии

¹ Нейльи — деревушка под Парижем, один из важнейших участков фронта в гражданскую войну 1871 г, совершенно разрушенный бомбардировкой. (Прим. нерев)

² Саблонвилль — местечко в окрестностях Парижа. (Прим. нерев)

³ Баррикада находилась в Нейльи (Прим. нерев)

Такие м, ысли, по в и д и м о м у , воодушевляют всех в этот час.

В особенности женщины полны увлечения и непрерывно работают над постройкой баррикад, которые мужчины сумеют защитить.

Завоевателей, находящихся еще на высотах Пасси и Трокадеро, которыми они ночью овладели, ожидают почти с нетерпением.

Выйти им навстречу по широким проспектам Елисейских Полей и Кур-ля Рэн значило бы несомненно потерпеть поражение. Лишь по ту сторону площади Согласия в тесных улицах Риволи и Сент-Онорэ, борьба представит федератам равные шансы на успех.

На левом берегу, хотя версальцы уже овладели М а р с о в ы м полем, которое можно было бы с успехом защитить, такое же расположение.

Серьезная борьба завяжется лишь по ту сторону бульваров Монпарнасса и Инвалидов

Управления Делегациями Военной и Продовольствия уже перенесены в Ратушу, откуда теперь будут исходить приказы и которая станет центром сопротивления и могилой Коммуны, если ей суждено погибнуть.

Большинство и меньшинство в лице Феррэ и Вермореля подают друг другу руки на главной лестнице «дома народа» и клянутся умереть за Революцию.

Трое из наших коллег в 4 - м округе, граждане Артур А р н у , Амуру и Клеманс, посланные с различными поручениями Комитетом Общественного Спасения, отсутствуют. Эжен Жерарден и я остаемся одни для организации сопротивления. Н а м помогает муниципальная комиссия, рвение которой растет в связи с серьезностью положения.

Один лишь наш командир легиона, Л., член Центрального Комитета, вносит в это дело мало увлечения и даже под конец исчезает.

Он, несомненно, считает более полезным присутствовать в тайных собраниях Комитета, который попрежнему придерживается своей дезорганизующей системы и составляет бессмысленные прокламации, в которых он принимает программу соглашательских групп \ против которой он недавно боролся.

Как далеки, увы, простое благородное поведение и неумолимая честная логика первого Центрального Комитета, существовавшего до Коммуны, от хвастливой мелочности и бестолковости комитета последних дней

¹ Намек на выпущенную Центральным Комитетом Национальной гвардии 23 мая позорную прокламацию, в которой он рекомендовал соглашение с версальским правительством
(Прим. перее).

Отсутствующего командира легиона с успехом заменяет его помощник, гражданин Гильта. Благодаря его активности, защита всего участка от южной окраины острова Сен-Луи и улицы Риволи и до Аркольского моста поставлена основательно, и мы можем рассчитывать на пять, шесть тысяч бойцов, готовых сражаться до конца

В виду того, что все было, таким образом, в порядке, я предупредил с вечера моего коллегу Жерардена, что отлучусь на в с ю ночь. Верморель пришел пригласить меня принять участие в деле, которое собираются предпринять Ля Сесилиа и Кюзере, командующие оба сектором Батиньоль — Монмартр.

Если это дело удастся, оно может приостановить слишком быстрое продвижение неприятеля, который уже овладел предместьем Сент-Онорэ до казармы Пепиньер, а в верхних кварталах— до школы Шаптал, незаконченные строения которой им уже заняты.

В полночь мы выходим^ из у л и ц ы Аббесс, в которой находится главный штаб и отправляемся в Батиньольскую мэрию на улице Левис, где должна организоваться экспедиция.

Мы там встречаемся с гражданами Малоном, Жакларом, командиром 17-го легиона Шатэ, старым знакомым времен лондонского изгнания в 1858 году Леканом и другими членами муниципальной комиссии.

Но мы напрасно ждем артиллерии и боевых припасов, затребованных Ля-Сесилиа. Распоряжение не было понято, или же транспорт не может к нам добраться из-за многочисленных баррикад, построенных в тех кварталах, которые ему приходится проезжать

Мы возвращаемся тогда на Монмартр. П р и повороте на улицу Лепик, мы встречаем группу вооруженных гражданок, среди которых находятся Лемуар и Дмитриева, русская, хорошо известная революционерам.

О н и все п о л н ы решимости мужественно защищать сооружаемую ими баррикаду.

Пройдя несколько шагов дальше, гражданин Эмбер и я встречаем отряд федератов, среди которых находится Лан... главный служащий одной крупной фабрики, с которым я познакомился у Д ю п а - Мы пожимаем друг другу руки и обмениваемся вполголоса несколькими словами, которые едва ли исполнены надежды.

В эту же минуту появляется Кюзере, направляющийся в сторону улицы Бланш.

— Куда это, вы, чорт возьми, идете один?

Гражданину Лерудье, председателю муниципальной комиссии округа, эта новость была еще неизвестна. Он обещает мне сделать все необходимое, и я возвращаюсь, наконец, в 4-й округ.

И во-время!

Вторник, 23 мая 1871 года.

Вернувшись, я застаю муниципальную комиссию в большом смятении.

Мой коллега Жерарден, вначале бесценно там оставшийся, на рассвете ушел, по его словам лишь на час, и не вернулся.

Что означает это отсутствие всех делегатов округа? Неужели же они покинули свои посты?

Мое возвращение несколько успокаивает членов комиссии. Я рассказываю им, что произошло в Батиньоле и Монмартре.

Исчезновение же моих коллег объясняется тем фактом, что с момента вступления версальцев в Париж, о н и б ы л и разосланы с поручениями в них, несомненно, задержались в указанных им Комитетом Общественного Спасения местах.

Кто знает, быть может, они уже не имеют возможности вернуться? \

Призвав наших друзей к хладнокровию, я пробираюсь к себе домой на улице Лион-Сен-Поль и отправляю свою семью к одному другу, совершенно чуждому политике, где ее положение будет менее опасным.

Я вспоминаю приемы «июньских» победителей² и не хочу, чтоб моя семья испытала на себе подобные же приемы после нашего поражения.

На обратном пути в мэрию моя фигура слишком выделяется среди улицы Лион, и в моем направлении раздаются один за другим два выстрела. Стреляют из большого дома на улице Сен-Поль, настоящих казарм, которые состоят из нескольких строений, разделенных большими дворами.

Пули пролетают со свистом мимо ушей/ и все стихает

Гражданин Н., командующий батальоном федератов, который несет охрану этого участка, хочет обыскать дом. Но ожесточение его людей так сильно, что можно опасаться повторения дела улицы Транснэн, так зловеще прославившего в 1834 году имя находившегося тогда у власти Тьера.

¹ Такой случай именно и произошел с гражданином Амуру; он наткнулся на версальский патруль, отправляясь, по распоряжению Делеклюза, проверить, в виду полного противоречия между депешами по этому поводу, действительно ли Пасси уже занят. *(Прим. авт.)*

Июньские победители — Кавеньяк и Национальное Собрание, с невероятной жестокостью раздавившие восстание парижских рабочих в июне 1848 года. , *(Прим. перев.)*

^ следствие этого я удерживаю гражданина Н. от осуществления его проекта.

С наступлением вечера я отправляюсь в Ратушу.

Д н е м туда было доставлено тело Домбровского, который добровольно пошел навстречу смерти. Это случилось на глазах у Вермореля во второй половине д н я на баррикаде у л и ц ы Мирра, в двух шагах от аптеки гражданина Дюпа.

Это — почти что самоубийство, как рассказывает мне Верморель. Оно явилось якобы следствием тех обвинений в измене, с которыми в это утро выступили люди Домбровского, подвергшие его аресту.

Тело его покоится в обитой голубым штофом комнате, принадлежавшей во времена империи, как говорят, одной из дочерей префекта Гаусмана.

Домбровский, геройски павший, защищая Коммуну, теперь уже находится вне подозрений. Он был раньше всего военным, и быть может, вверенный ему пост был для него лишь случаем испробовать себя в военном искусстве.

Еслиб он изменил, то, как мне кажется, ему ничего бы не стоило бесшумно скрыться среди неурядицы, последовавшей за вступлением неприятеля.

За несколько минут до моего ухода из Ратуши в мэрию 4 округа, я присутствую при драматической и очень странной сцене.

В ожидании возвращения Бержере, которому было поручено сжечь Тюльери, где уже вспыхнул огонь, мы обсуждаем последние меры защиты квартала. В это время один из нас заметил в углу зала человека лет сорока, одетого по буржуазному, с довольно тонким лицом, который что-то спокойно записывал.

Делеклюз внезапно подходит к нему со словами: «Кто вы такой и что вы здесь делаете?»

Человек этот не слишком смущается и довольно спокойно отвечает, что он послан Бержере для сообщения Комитету Общественного Спасения, что его приказ исполнен.

Ему, быть может, удалось бы вывернуться, если бы не пришел Вержере, который заявляет, что никого не посылал и данное лицо ему совершенно незнакомо.

Незнакомец понимает, что погиб, но не произносит ни слова более.

Найденные при нем заметки не удалось расшифровать.

Его уводят, и раздающийся спустя несколько минут залп извещает нас, что его расстреляли.

Нет сомнения, что этот человек был версальским агентом, да он ни минуты этого и не отрицал. Но это была, вероятно, очень закаленная натура.

Ни один из найденных при нем документов не дал возможности установить его личность \

Измученный бронхитом, я в беспокойстве задавался вопросом, смогу ли я справиться с моей сложной задачей, но тут гражданин Остэн предложил проводить меня в четвертый округ, чтоб, в случае надобности, мне помочь.

Не заставляя себя долго упрашивать, я соглашаюсь, и мы являемся в тот момент, когда муниципальная Комиссия, подстрекаемая инсинуациями двух членов Центрального Комитета, приходит к выводу, что она окончательно покинута делегатами округа, так как гражданин Жерарден все еще отсутствует.

Теряя терпение, я, в свою очередь, ошетиливаюсь.

Не зная, так же, как и они, чем объяснить себе отсутствие моего коллеги, в измену которого я не верю, я ставлю им в вину ту легкость, с которой они осуждают поведение человека, известного им уже несколько лет.

Затем, если даже допустить, что их сомнения обоснованы, то какому праву они обвиняют Коммуну в том, что она их покинула, когда мое присутствие среди них доказывает обратное.

Наконец, обращаясь непосредственно к обоим гражданам, которые на мой взгляд являются главными виновниками этих недоразумений, я их прямо предупреждаю, что в случае повторения таких историй, я велю их арестовать и, в случае необходимости, немедленно расстрелять.

Под конец все улаживается. Наши друзья понимают, что они были неправы. Доверие восстановлено, и ночь проходит без инцидентов, за исключением ареста одного парикмахера с улицы Пайеннь, у которого найдено довольно большое количество трехцветных повязок.

Его приводят к нам и вначале тон у него довольно вызывающий.

Он имеет «полное право хранить у себя трехцветные повязки», — заявляет он нам с вызывающим видом.

— Но и мы, в свою очередь, тоже имеем право, зная, какое вы из них хотели сделать употребление, помешать тому, чтоб вы и ваши друзья нас предательски убивали. Право за право — и я отдаю приказ отправить его в Депо², где его дело будет выяснено.

— Но ведь вы меня посылаете на смерть! — восклицает этот человек, потирающий вдруг свою заносчивость.

— А куда вы собирались нас послать при помощи ваших нарукавников?

¹ Гражданин Лиссагарэ, также присутствовавший при этой необычной сцене, рассказывает о ней в своей «Истории Коммуны». — (Дрими. авт.)
* Помещение для арестованных. (Прим. пере*)

Среда, 24 мая 1871 года.

Наконец, на рассвете, появляется гражданин Жерарден, после • суточного отсутствия.

Разбитый усталостью, он уснул у одного из друзей, где собирался лишь передохнуть в течение нескольких минут.

Он очень смущен своим долгим отсутствием, а в особенности теми печальными инцидентами, невольным виновником которых он явился.

С его возвращением между нами устанавливается доброе согласие.

К десяти часам утра мы еще раз возвращаемся в Ратушу, чтоб сговориться с Комитетом Общественного Спасения относительно предполагаемой атаки на том участке, охрана которого нам поручена.

Мы ждем, что судьба Коммуны будет решена а нашем участке.

На первой же площадке главной лестницы, выходящей на парадный двор, мы сталкиваемся с некоторыми членами Центрального Комитета; среди них находится гражданин Бонваллэ, президент «Республиканского Союза Защиты Прав Парижа».

Они быстро приближаются к нам с растерянным видом.

— Куда вы идете? — кричат они.

— Мы ищем Комитет Общественного Спасения.

— Бегите, бегите! Ратуша в огне и несомненно взлетит на воздух.

Мы ничего не понимаем и продолжаем подниматься наверх.

Вдруг раздается ужасный треск. Пламя вырывается сквозь множество разбитых стекол и тотчас же охватывает фасады, выходящие во двор.

Мы приходим скоро к убеждению, что и думать не приходится о тушении огня, охватившего здание со всех сторон.

Мы вспоминаем, что, в предвидении решительной схватки в этом пункте, в подвалах было сложено большое количество боевых припасов.

Если огонь подберется к ним, что весьма вероятно, то от взрыва пострадают, главным образом, сотни федератов, охраняющих подступы к этим припасам.

Нашим первым долгом является спасение их от этой ужасной смерти.

Мы спешно возвращаемся в мэрию с целью предупредить командиров обо всем происходящем, чтоб они могли со своими людьми поскорее отступить.

Мы узнаем, что Комитет Общественного Спасения решил обособиться в мэрии 11 округа, ставшей отныне центром сопротивления.

Сколько бы уже теперь борьба ни длилась, Коммуна умерла!

Когда мы около полудня являемся в 11 округ, там царит большое оживление.

На лестнице нам встречается Делеклюз. Он оживленно беседует с человеком лет тридцати, с очень интеллигентным лицом,, видимо чем-то расстроенным.

— Я вас закликаю, — говорит он Делекюзу, — попытайтесь еще раз его спасти.

— Вы видели, что мы сейчас сделали невозможное, но и это ни к чему не привело.

Почти вслед за этим раздается неподалеку залп.

Человек вздрагивает и закрывает лицо.

— Слышите вы? — снова говорит Делеклюз. — Вот результат ваших козней против Коммуны. Это вы и ваши друзья убили вашего зятя.

Гражданин, к которому обращается наш коллега, удаляется с совершенно убитым видом.

Я спрашиваю:

— Кто это? Кто этот гражданин?

— Вы его не знаете?

— Нет.

— Это — М о р о из Центрального Комитета.

Люди из 166-го сейчас расстреляли Бофора, его зятя.

Я никогда не видел Моро, как мне говорили, редактора замечательных Прокламаций Центрального Комитета в период между 18 марта и выборами в Коммуну.

Мне было знакомо только его имя, хотя он и жил в 4-м, округе \

Поведение его зятя, который очень гордился своим титулом — графа, показалось л ю д я м его поредевшего после сражения батальона подозрительным, и они его обвинили в измене.

Это он-то и б ы л расстрелян, несмотря на Делеклюза и других, тут же присутствовавших членов Коммуны, которые сделали все, что было в их силах, чтобы спасти его от смерти.

Теперь обнаружилось, что, благодаря проискам Центрального Комитета, за эти три дня Совет потерял все свое влияние. Пожар-Ратуши нанес ему последний удар.

Четверг, 25 мая 1871 года.

После ночи и сегодняшнего утра, проведенных на баррикадах Бастилии и Арсенала, мы возвращаемся в 11 округ, где состоится важное совещание.

¹ Несчастный имел, повидимому, неосторожность вернуться в этот же день к себе домой на улицу Риволи, против Ратуши. Через несколько часов после того, как версальские войска заняли этот квартал, его соседи на него донесли и он был немедленно расстрелян. (Прим ает)

Вчера вечером Г. Артур Ривс, секретарь посольства Соединенных Штатов, предложил нашему коллеге Арнольду, что он постарается убедить немцев принять на себя посредничество между Коммуной и Версалем.

Нужно сговориться о способе действий, а также о точной формулировке предложенного нам посредничества.

Как бы ценна эта попытка ни была, в особенности для благополучия рядовых борцов, я все же принадлежу к тем, кто ее считает совершенно бесполезной; к тому же федераты, охраняющие Венсен, который наша делегация должна будет пройти, смогут ее заподозрить в совсем других планах и преградить ей путь.

Тем не менее на этом настаивают, и граждане — Делеклюз, Арнольд и Вальян назначаются для исполнения этого поручения.

В ожидании их возвращения, Верморель, Авриаль, Курне, Оливье Пэн и я направляемся к площади Шато д'О, где сильная канонада указывает на приближение версальцев.

Федераты, находящиеся на баррикаде, которая замыкает с этой стороны бульвар Вольтера, стреляют во-всю по Амбигю, уже занятом неприятелем.

Вокруг нас падает настоящий град пуль и множество снарядов зажигают в нескольких соседних домах пожар.

Верморель слегка ранен в левую руку и вслух выражает сожаление, что не в голову. У Оливье Пэна довольно серьезное ранение челюсти, в в и д у чего Авриаль вынужден увезти его в карете, которую он реквизирует в окрестностях.

По возвращении в мэрию 11 округа, мы узнаем, что попытка посредничества не могла быть предпринята, так как федераты, охраняющие Венсен, наотрез отказались пропустить наших делегатов. Не будь тут Делеклюза, им, несомненно, пришлось бы очень круто.

Делеклюз удручен не столько неудачей попытки, которую он согласился предпринять лишь из чувства долга, сколько теми предположениями, которые она вызвала-

И даже, кто знает, не было ли тут какой-нибудь постыдной, затейной в последний час интриги, бессознательным орудием которой оказался гражданин Арнольд?

Тьеру и его шайке было бы так приятно получить возможность утверждать, что члены Коммуны, во избежание гибели, пытались покинуть свой почетный пост и укрыться у немцев.

Вид отчаявшегося Делеклюза испугал меня

Несколько позже, когда Валлес, Лонге, Журд и я находились на площади мэрии, нам сообщили в высшей степени взволновавшие нас известия.

В Рокетт был и расстреляны архиепископ Дарбуа, священник церкви Магдалены Дегерри, бывший сенатор Бонжан, еще два священника, имена которых нам неизвестны и, наконец, темный делец Жекер, виновник Мексиканской войны, содержащиеся там в качестве заложников* - .

Мы первым делом спрашиваем, кем был отдан приказ об этой казни, но не можем выяснить ничего определенного на этот счет..

Первое наше впечатление от этой трагедии — удручающее,, но вскоре мы в ней усматриваем логическое и неумолимое следствие поведения Версаля по отношению к нашим товарищам, оказавшимся в его власти. Мы вспоминаем также напыщенные усилия нашего старого друга Флотт, направленные к тому, чтобы добиться! обмена Бланки на Дарбуа.

Следует ли удивляться тому ожесточению, в которое впали в этот смертный час федераты, в свою очередь осуществляющие непреклонное положение: «око за око, зуб за зуб».

Что же касается качества жертв, то оно нам не важно. О д и н рабочий стоит, в сущности, больше, чем все Дарбуа, Бонжаны и Дегерри. И «уважение к человеческой жизни» не более ненаруσιμο для одних, чем для других.

Ответственность за эту ужасную драму падает целиком только на тех, кто в течение двух месяцев подавал пример холодной и непростительной жестокости.

Около пяти часов вечера среди нас распространяется слух,, что кварталы Тампл и Марэ находятся уже во власти версальцев, и мне поручено в точности выяснить, что там происходит.

Я добираюсь, не без риска, до начала улицы Бретань, на углу улицы Тюреннь.

Армейцы действительно занимают рынок Красных Ребят. Заваленные трупами баррикады все эвакуированы.

Я пытаюсь тогда пробраться к Зимнему Цирку с тем, чтоб вернуться в 11 округ.

Это невозможно, бульвар уже занят.

Мне остается лишь искать убежища у одного друга, гражданина Ляво, который содержит неподалеку, на улице Филль-дю-Кальвер, фотографию.

Я дергаю звонок, без особой надежды на то, что мне откроют дверь; однако она тотчас же открывается. Я закрываю ее за собой и, быстро пройдя маленький дворик-садик, в глубине которого находится фотография, я вхожу в салон, г д е собрались м о й друг, его жена и племянница, сначала несколько пораженные моим приходом.

¹ И м я Жекера фигурировало среди тех, кто б ы л расстрелян тогда, в Рокетт, по о ш и б к е: * Этот преступный финансист б ы л казнен л и ш ь н а с л е д у ю щ и й день на улице Аксо. (Прим. авт.).

Я знакомлю их с положением.

Коммуна побеждена. Теперь это уж лишь вопрос часов. Я хотел еще раз повидать их и пожать им руку с просьбой передать моей семье прощальный привет, так как я сам не знаю, свидимся ли мы с ними когда-нибудь.

— Разве вы собираетесь уходить? и куда? — спрашивает меня мой друг.

— Не знаю. Но я не могу здесь оставаться, не подвергая вас серьезной опасности. Еслиб меня здесь нашли, это была бы верная смерть для всех вас.

— Это уж наше дело,—живо отвечает мне храбрая и великодушная госпожа Ляво. Было бы позором отпустить вас в такой момент.

— Но меня, вероятно, заметили, когда я входил к вам. Привратница, несомненно, задается вопросом, что означает подобный визит.

— • Вот я раньше всего это и выясню.

Спустя несколько мгновений, она возвращается, чуть ли не улыбаясь, несмотря на все свое волнение.

— Со стороны привратницы бояться нечего, сообщает она нам. Несчастливая так растерялась от страха, что дернула шнурок, ничего не сознавая. Я ей заметила, что мне послышалось, будто дверь открылась и закрылась. В ответ на это она' меня уверяла, что мне это, несомненно, приснилось, что она ни за что на свете никому бы не открыла и что на этот счет мы можем быть вполне спокойны.

Уверившись, что мои великодушные друзья, временно, по крайней мере, не подвергаются опасности, я соглашаюсь воспользоваться их мужественным и полным самоотверженности гостеприимством.

Для меня борьба окончена. Начинается изгнание.

*
*
*

Вполне естественно радоваться человеку, ставшему недосягаемым д л я мести победителей, если он не оставил позади себя кого-нибудь из своих товарищей, которым еще приходится отстаивать каждую пядь земли у неприятеля.

К несчастью, мое положение не таково.

В пятистах метрах от меня все еще продолжается борьба, и я не могу уже ничего узнать о судьбе оставленных мною друзей. Мне кажется, что я покинул свой пост и изменил своему мандату.

Грохот ружейной и артиллерийской стрельбы бросается мне в голову и доводит до пароксизма лихорадку, преследующую меня в течение недели.

М е н я преследует в с ю ночь ужасный бред. М о и храбрые друзья с большим трудом удерживают меня в кровати, так как мною овладевает навязчивая идея вернуться к тем, кто еще не оставил борьбы.

К счастью, здание, где мы находимся, стоит в некотором отдалении, благодаря чему мои крики и ужасные припадки кашля, которые меня душат, не могут выдать соседям моего присутствия и обнаружить самопожертвование семьи Ляво.

Эти медленные часы ужаса и презрения к самому себе тянутся до вечера воскресенья 28 числа, до последнего пушечного выстрела, возвещающего окончательную победу убийц Коммуны.

Как я могу жить, когда мои друзья, быть может, лежат окровавленные «а каменной мостовой?

Участь моей семьи, которая, по моим предположениям, правда, находится в безопасности и та меня не тревожит.

Преодо мной встают беспрестанно лица тех, кого я оставил в мери 11 округа: Делеклюза, Вермореля, Валлеса, Лонгэ, Лиссагарэ, Арно (Антуана), Серрайе, Поттье, Бено, Вальяна, Авриала, Пэнди, Арнольда, Франкеля, Жантона, Феррэ, Журда, Гамбона, Курнэ и еще многих других, не сомневающих уже в своем поражении, но спокойных и решительных, несмотря на ожидающую их участь.

Что с н и м и случилось?

Ляво раздобыл некоторые газеты. Я узнаю из одной из них, наполненной гнусными сплетнями о побежденных, что в среду, около четырех часов пополудни, я был расстрелян вблизи казармы Пти-Пер, на углу улицы Поль Лелон, и что я умирал, как трус, «отрекаясь даже от своего имени» \

Валлес, тот был расстрелян на улице Претр-С. Жермен-л'Оксерруа в тот же день и почти в тот же час, обнаружив ту же трусость.

Так как я расстался с Валлесом лишь в четверг, около 4-х часов пополудни, его мнимая смерть волнует меня не более, ч е м известие о моей собственной.

Но тут мне приходит на ум, что эти рассказы, без сомнения, читались моей женой и что у нее нет никаких оснований сомневаться в их достоверности.

Добрейшая госпожа Ляво отправляется тотчас же в поход и наконец разыскивает мою жену, которая скрывается совсем в другом месте, чем я полагал. Она ее успокаивает.

На третий день, приняв предварительно всевозможного рода предосторожности, чтоб не возбудить подозрений у шпионов, ко-

¹ Этот факт подтвердил год спустя в Лозанне о д и н из м о и х д р у з е й, который видел, как м е н я расстреливали. О н и не дали себе даже труда установить л и ч н о с т ь м о е г о несчастного д в о й н и к а. (Прим. asm.)

торами кишит Париж, моя жена и мой младший сын приходят меня Навестить. Полное исчезновение бороды до такой степени изменило мое лицо, что они сначала не узнали меня, хоть их и предупредили об этом.

Мое пребывание у наших друзей не сможет затянуться на-долго.

Им, необходимо, не откладывая, вновь открыть свой салон и ателье фотографии для приема публики.

Я тогда напоминаю Ляво, что 20 мая вечером, в тот момент, когда я выходил из собрания в Лирическом театре, один из наших общих друзей — скрипач Жюль Ар . . . добровольно предложил мне, в случае необходимости, приютиться у него на улице Отвилль.

Несколькими часами позже наш друг сообщает мне, что это предложение совершенно забыто. Перепуганный скрипач (он не один таков) решительно отклонил предложение меня принять. Узнав, где я нахожусь, он чистосердечно восклицает: «Как, вы его приютили?».

Нет, дорогой друг, они меня не приютили, они сделали еще хуже: они меня удержали у С е б я .

Скрипка имеет только душу, никогда не слышно было, чтоб говорилось об ее сердце.

Теперь, когда можно без всякой опасности расправляться с побежденными, враги Коммуны наслаждаются этим вволю.

Их подлость превышает низость, выказанную и м и после июня 1848 года.

Париж обратился в громадную бойню, г д е сам дагомейский король скоро помешался бы от ужаса.

Зарезать от времени до времени несколько сот негров, вот так пустяки подумаешь! Да и к тому же руки короля-убийцы и его помощников быстро теряют силу на этих кровавых праздниках.

То ли дело митральеза — кофейная мельница, как ее цинически называют цивилизованные убийцы.

Этот научный инструмент укладывает мужчин, женщин и детей по несколько сотен за раз. Дети, мой черный товарищ, тоже принимают участие в «празднике».

Их с б и р а ю т — поэтическое и остроумное выражение, изобретенное интеллигентными журналистами, — этих женщин и детей по их убогим жилищам или же, когда они, плача, мечутся в поисках своих мужей и отцов. Затем их уводят в какой-нибудь сквер или на какую-нибудь площадь и крак!—крак! . . . готово. Без всякой усталости, понимаешь ты это, невинный варвар. . .

Ах, если бы ты умел читать по-французски, невежественный африканский монарх, как наслаждался бы ты всем, что рассказывают об этих прекрасных вешах господина в черном платье, защищающие установленный порядок и учреждения!

Рубить головы ударами сабли глупо, мой дорогой! Это слишком уж примитивно.

Но видеть, как на твоих глазах борются со смертью сотни человеческих существ, наблюдать их отчаянные судороги, забавляться страданиями этих «самок», как их называет честный и нравственный Дюма-сын, кстати, один из твоих бывших братьев, вот когда можно гордиться своей цивилизованностью!

Тебе, глупому животному, никогда не узнать, сколько гнусности может содержать в себе мозг такого моралиста, как Дюма-сын или Жюль Симон. Ты никогда не был членом Общества покровительства животным.

Так вот, если бы когда-нибудь твои подданные вздумали тебя прогнать, пошли к ним одного из этих людей: это будет твоей мстостью.

Ах, как счастливы эти милые журналисты, что они изобрели название «петролейщики» и «петролейщицы» — для федератов и их «самок».

«Фигаро» — кланяйся, о дагомейский король, когда произносят имя этой газеты, которую сам маленький Тьер называет «нечистой», — и так «Фигаро» рассказывает одну из чудеснейших историй о «петролейщицах»-

Он утверждает, что в квартале Монмартр арестованы одна женщина и ее малолетняя дочь, которые в продолжение целого часа заливали петролем погреб. Они пытались это отрицать, но кувшин для молока, которым они пользовались, был еще полон петроля

Какую величественную картину являет в данный момент, французская печать всему миру! У нее такое же богатое воображение, какое было в июне 48 года.

Существует, однако, одна газета, которая внесла в этот разгул жестокости серьезную ноту.

«Время», газета серьезная и моральная (ее к этому обязывает ее протестантизм), вполне признавая, что резня имеет свои хорошие стороны и что по временам Парижу честных людей следует позабавиться, все же советует не затягивать чрезмерно резню. Наваленные в скверах трупы могут, благодаря стоящей жаре и предгрозовой духоте, своим быстрым разложением вызвать какую-нибудь заразную болезнь.

Будем убивать, душить женщин и детей, выпускать из них кровь перед лицом цивилизованного мира; объявим, что по отношению к федератам и их «самкам» правосудие (пригодное для

эксальтированных людей вроде Милльера) может быть лишь забавой. Но вспомним о чуме, друзья мои, восклицает «Время».

Какая прекрасная черта, достойная фигурировать в анналах протестантизма!

Что ж, им придется удовлетвориться резней в Сатори.

Там, по крайней мере, трупы будут гнить среди леса и деревьев от этого станут еще прекраснее в следующем году.

Из газет же я узнаю, в свою очередь, и о смерти достойного и поистине великого Делеклюза, который дал себя убить, не желая пережить поражение.

Это — благородное самоубийство человека, который устал не от борьбы, а от постыдного зрелища измены прежних друзей. Он слишком хорошо предугадывал все те подлости, которыми они еще осквернят Республику.

За описанием этой славной смерти следует рассказ об ужасной казни нашего храброго Варлена.

Они его убили, предварительно протаскив в течение двух часов по разным улицам, среди издевательств шайки мерзавцев, достойных спутников его палачей, начальник которых украл даже часы Варлена, подаренные ему женевскими рабочими.

Затем я узнаю о смерти Милльера, убитого около Пантеона.

Но ведь Милльер не играл никакой роли в Коммуне.

Ах, я вспоминаю. Он опубликовал подвиги Жюля Фавра, этого бесстыдного подделывателя документов, которому даже с точки зрения буржуазной морали давно следовало быть на каторге.

Знаменитый республиканский оратор нашел простой способ заставить умолкнуть своего обвинителя.

И подумать только, что ни один из его коллег по Версальскому Собранию не потребовал у него отчета в этом убийстве, для оправдания которого не найдется даже самого жалкого предлога!

Парижские депутаты, воистину, жалкие людишки.

Увы! И Верморель тоже умер в Версале от последствий тяжелой раны. Он скончался от столбняка на руках у матери, которой, как говорят, он не узнал.

И находится же такой «литератор», как Додэ, («тот, у которого нет таланта», как обычно о нем говорят, чтоб отличить от его брата Альфонса), у которого хватает мужества лягнуть своим ослиным копытом этого достойного и честного человека. Он требует, чтоб имя Вермореля было вычеркнуто из списка членов Общества литераторов.

Браво, сударь! Вы недурно выслужились перед человеческой подлостью.

Правда, вы не единственный.

Гражданин Луи Блан, который никогда не преминет покинуть побежденных пролетариев, защищается изо всех сил, обливаясь со страху потом, от подозрения, что он чувствовал когда бы то ни было, хотя бы малейшую склонность к «гнусной Коммуне и ее ужасным злодеяниям».

Жермен Касс, бывший свирепым «революционером-социалистом-материалистом и атеистом»; и тот тоже находит нужным сообщить достопочтенному «Фигаро», что он никогда не имел сношений с «бандитами Коммуны».

Прямо диву даешься, глядя, с какой непринужденностью этот фигляр забывает, что 22 мая, в девять часов утра, он, служащий Паскаля Груссе, в чьем бюро я его за несколько дней до этого и встретил, причитая со слезами на глазах о своей нищете, выклянчивал у гражданина Люсипиа, кассира квестуры¹ Коммуны несколько монет по сто су.

Некоторым дурачкам тоже хочется присоединить свой голос к этому концерту низости.

Например, старший из Де-Фонвьелей, Вильфрид, неизвестно по какой причине сбежавший в Брюссель, в то время как его братья — Артур и Ульрик, находясь в Сен-Дени, «оказывают услуги» версальскому правительству, бранит Коммуну в своей брошюре, в которой он утверждает, что мы его приговорили к смерти.

Как будто нас могла интересовать смерть этого помешанного.

Этот храбрец пользуется случаем, чтоб оскорблять своих прежних друзей. Он не останавливается пред оскорблением их жен, забывая, что без помощи одной из них — госпожи Улис Паран — он и его братья подвергались бы часто риску умереть с голоду.

Будь мы победителями, эти люди и лизали бы нам сапоги, если бы им это разрешили.

Все эти гнусности, однако, превзойдены мерзким поведением мэра 6 округа, господина Эриссона, юриста, по отношению к убийству несчастного Тони Муалэна, глазного врача.

Этого беднягу приводят в мэрию; Q Н, Эриссон, прекрасно знает, что доктор же был облечен во время Коммуны никакими полномочиями и ш занимал никаких должностей.

Муалэн, таким образом, не мог причинить какого бы то ни было вреда версальцам. Его единственное преступление состоит в том, что он был известен, как социалист.

И*чтож! Этот адвокат, этот, якобы, республиканский магистрат, которого во имя порядка вновь поставили во главе округа, допускает, чтоб несчастного Тони Муалэна судили военным судом, не становясь на его защиту, и, не протестуя, позволяет вынести ему смертный приговор.

Осужденному предоставляется отсрочка в двенадцать часов для вступления в гражданский брак с подругой, которая уже давно делит с ним его жизнь.

Двенадцать часов! Ведь это целая вечность, в подобных обстоятельствах. Чего не сделал бы человек с сердцем за такой промежуток времени!

А Эриссон, этот блюститель порядка, юрист, так называемый республиканец, удовлетворился тем, что спокойно и даже, быть может, с сознанием исполненного долга, совершил это предсмертное бракосочетание. Он нашел вполне естественным выдать вслед за этим жертву ее убийцам.

Однажды днем Ляво получил секретное приглашение явиться в мэрию для весьма спешного сообщения.

Вернувшись, Ляво рассказывает, что вызвавший его служащий предупредил его о предстоящем у него завтра, очень рано утром, обыске.

В его присутствии, говорит служащий, было отдано официальное распоряжение.

Мы напрасно придумываем, куда я мог бы спрятаться. Мой проклятый кашель служит этому препятствием, так как обыск, несомненно, будет долгим и тщательным.

Как для моих друзей, так и для меня самым безопасным было бы мне уйти. Но куда? Вопрос этот легче поставить, чем разрешить.

Я, наконец, вспоминаю об одном из моих друзей, живущем на улице Марэ, сын которого, окончивший в прошлом году центральную школу — гражданский инженер, исполнял в качестве делегата Коммуны обязанности комиссара по надзору на одном из железнодорожных вокзалов.

С наступлением ночи я ухожу от моих друзей, соответственным образом загримированный, чтобы не попасть в руки агентов, которые, вероятно, бродят по окрестностям, и являюсь к гражданину М. Он радушно меня принимает и сам предлагает мне убежище, о котором я пришел просить.

Обыск с целью изъятия оружия произведен у него накануне, так что с этой стороны нет непосредственной опасности.

Три дня спустя мы читаем в газете, в отделе официальных распоряжений, что все, кто хотя бы в качестве простых служа-

¹ К в е с т у р а — казначейство. (Прим. персе.).

щих принимал какое бы то ни было участие в администрации Коммуны, будут отданы под суд по обвинению в захвате публичных должностей. Гнусная законная уловка, изобретение которой принадлежит республиканцам.

Повидимому, даже бедные почталыоны, которые так самоотверженно поддерживали сношения Парижа с провинцией, едва ли будут пощажены.

Даже на самых низших служащих и на них будут устраиваться облавы и они тоже попадут в число «разбойников», обличенных тем самым Жюлем Фавром, который послал своим дипломатическим агентам распоряжение потребовать от правительств, где они являются представителями, немедленной выдачи беглецов.

Итак, с ы н моего приятеля М. будет, несомненно, в ы д а н той компанией, г д е он был делегатом. К счастью, в настоящий момент он находится у родственников в п р о в и н ц и и . . . Но дело не обойдется без нового обыска и мое присутствие лишь усложнит положение.

Нужно искать нового убежища.

Я* тогда вспоминаю о моем друге Шарле Козар, совершенно непричастном к Коммуне.

Правда, он живет на улице Нации, между бульваром Барбес и шоссе Клиньянкур, и за этим кварталом зорко следят. Впрочем, быть может, он еще безопаснее других.

Моя милая жена, осведомленная обо всем происходящем, отправляется к нашим друзьям и знакомит их с положением. И они, в свою очередь, согласны меня приютить.

Приходится лишь опасаться привратницы. Ее сын служит в версальской армии, и достойная женщина поклялась, что погубит столько коммунаров, сколько будет в ее силах.

Ночью я философски шествую по бульвару Мажанта и подхожу к швейцарской, где находится этот цербер в юбке.

— • Г. Козар дома?

— Да, сударь. Только знаете, им пришлось поселиться этажей ниже, так как снаряд разрушил стену их квартиры.

— • А х , вот как? Н о они, надеюсь, н е б ы л и ранены?

— К счастью, нет. Но вы можете себе представить, что мать была страшно перепугана.

— Спасибо. Я найду к н и м поделиться новостями.

Приблизительно через полчаса г-жа Козар спускается за покупками и заговаривает с привратницей о моем визите. Я их друг из провинции, которому хотелось пред возвращением на родану с ними повидаться.

Сторонница Версаля не догадывается, что я остался у своих друзей. Все в порядке.

Последний ли это мой этап, наконец?

Итак, если не считать какого-нибудь случайного происшествия, я теперь обеспечен от всяких досадных приключений до тех пор, пока мне не представится возможность перебраться через границу.

Я не знаю еще, куда я направлюсь в изгнание. Это решит случай.

А пока я прикован к своей комнате, где мне нельзя ни пошевелиться, ни высунуть в окно нос.

Даже нет возможности поболтать с г-жей Козар, так как ее сын проводит обычно весь день вне дома и не нужно, чтобы хоть малейший непривычный шум мог выдать присутствие постороннего в этой мирной семье.

В другое время я с радостью воспользовался бы этим вынужденным одиночеством и покоем, чтоб порыться в библиотеке Шарля, усердного позитивиста. В ней много очень интересных книг.

Но в данный момент я не мог бы это сделать с пользой Д л я себя; я еще слишком взбудоражен.

Я с трудом читаю кое-какие газеты, занимающиеся лишь повторением все тех же нелепых или гнусных выдумок по поводу побежденных.

Из одной статьи в «Национальном Мнении», подписанной Л ю довиком Ганс, — псевдонимом, повидимому, — я, однако, узнаю, что «досадно, что я был расстрелян, так как в предстоящем большом процессе по поводу событий Коммуны я, несомненно, пролил бы некоторый свет на пожары, имевшие место в Париже.

Ведь известно, что я уже, по меньшей мере, двадцать лет мечтаю, как бы сжечь Париж, а главное Лувр, со всеми находящимися в нем сокровищами».

И, действительно, роюсь у себя в памяти, я вспоминаю, что лет < двадцать тому назад, споря с художниками, один из которых хвастал своей готовностью изрубить всякого, кто нападет на Лувр, я возражал, что никогда не пожертвовал бы жизнью хотя бы единого человека для спасения всех собранных в этом дворце художественных богатств. Заметьте же, как ничто не теряется и не забывается и в каком свете с течением времени и благодаря воображению предстают факты.

Так вот, мой дорогой... Людовик Ганс — раз вы так подписываетесь... я собираюсь вас очень удивить.

Тюльери сожжен и я этому очень рад, но Лувр был пощажен и я очень счастлив, что это так.

Однако, говоря правду, я не пролил бы и слезинки по поводу его разрушения, если бы, благодаря этому жертвоприношению, могла быть спасена Коммуна

Не воспользоваться ли мне своим затворничеством, раз я не в состоянии заниматься спокойно чтением, чтоб спросить себя, чем же было это великое движение, в жертву которому так великодушно принесено столько преданности и разума, а также, почему оно вызывает к себе такую гнусную и единодушную злобу.

Нельзя утверждать, что те, кто так и л и иначе принимали участие в революции 18 марта, сразу же ясно поняли ее огромное значение. По совести говоря, это относится и ко мне. Стихийный характер этой революции складывается, по моему мнению, из многочисленных мотивов.

Ясно, что ее главными причинами были отвращение и гнев, вызванные гнусным поведением так называемой «Национальной Обороны» во время первой осады Парижа.

Эти отвращение и гнев еще усилились из-за постыдного поведения «бордосской деревенщины», настолько подлой, что она могла освистать старика Гарибальди в благодарность за рыцарское мужество и самоотречение, которые он выказал по отношению к республиканской Франции.

Таким образом, когда эта деревенщина возымела смешное намерение низвести Париж до роли простой префектуры первого попавшегося департамента, положение было уже достаточно подготовлено, чтоб парижане, поймав на слове этих глупцов, могли тем более добиваться права быть самим себе хозяевами и самим управлять своими местными делами, как и самая незначительная коммуна Франции.

Затем Париж, этот революционный город, всегда своей кровью оплачивавший немногие политические вольности, завоеванные по сей день Францией, Париж не мог не чувствовать, что знаменитое «бордосское соглашение»^{*}, по глупости принятое, так называемыми, республиканскими депутатами, было для Тьера и его сообщников лишь средством подготовить новое удушение Республики.

Совокупность всех этих причин была более, чем достаточной, чтобы при малейшей провокации вспыхнул всеобщий гнев. И так как вначале все видели только это, движение было принято, если не с радостью, то, по крайней мере, как неизбежность.

Но, в таком случае, отчего же оно вызывает в настоящее время столько осуждения и даже бешенства по отношению к себе?

Первым делом потому, что это движение побеждено, и люди боятся быть заподозренными в его поддержке.

¹ Бордосский мир — точнее предварительное соглашение о мире. Окончательно мир был подписан во Франкфурте 10 мая 1871 г. Предварительные условия мира были приняты Национальным Собранием (1 марта), заседавшим в то время в Бордо. (Прим. перев.)

Но есть еще и другая сторона.

Нам говорят: «Ну, да! да! Существуют «преступления Коммуны», которые внушили к себе отвращение даже тем, кто вначале ее приветствовал и, быть может, стал бы на ее сторону, если бы она оказалась разумной и сдержанной».

«Преступления Коммуны!» Как вам это нравится!

И это после двух месяцев творившихся версальцами жестокостей, которым нет названия! После кровавой оргии, которую о н и уже д в е н е д е л и постыдно выставляют на показ, л ю д и с м е ю т говорить о «преступлениях Коммуны»!

Неужели Франция стала народом неизлечимых дураков?

Хорошо, рассмотрим этот вопрос о «преступлениях Коммуны» и выясним, наконец, в чем его суть.

Естественно, что с теми, кто абсолютно отрицает всякое право, кроме прав какого-нибудь монарха и его привилегированных и корыстолюбивых приближенных, содействие которых ему необходимо, считаться не приходится.

Это наши явные и тем самым наименее опасные враги.

М е ж д у н и м и и нами не может быть места никакому недоумению.

Но нам важно выяснить причины, которые заставляют так поносить нас тех, кто мнит себя друзьями Республики и чуть ли не Коммуны, тех, кто от простого либерализма доходит до самого непримиримого радикализма и даже чуть ли не до социализма (хотя они в один голос и обзывают нас «подлыми преступниками»).

По их мнению, наши «преступления» заключаются в следующем :

1. Коммуна не выставила никакой программы, которая дала бы возможность составить себе понятие о преследуемой ею цели.
2. Коммуна занялась вопросами, не имевшими к ней отношения. Она желала деспотически управлять Францией.

По этому поводу ученый Л и т т р э^{*} ставит нас еще ниже, чем Баденгэ.

3. И, наконец, будь Коммуна тысячу раз права в своей цели и средствах, она убивала Республику и раздирала на части речину в тот момент, когда единение всех граждан было так необходимо для общего блага.

Недобросовестность обвинителей необходимо установить путем исследования фактов, вменяемых в вину революции 18 марта.

Быть может, те, кто упрекает революцию в том, что она была лишь проявлением бесчинства и не ставила себе определенной цели, случайно не умеют читать?

¹ Литтрэ — философ-позитивист.

(Прим. перев.).

Что же объявляет Центральный Комитет с момента своего вступления в Ратушу?

«Цель революции 18 марта раньше всего в том, чтоб вернуть Парижу, а, следовательно, и всей Франции ту настоящую, верховную власть, которой еще раз овладели путем наглого захвата люди 4 сентября и предоставить, таким образом, нации абсолютную самостоятельность в деле политической и экономической реорганизации».

Комитет этот, не считая себя больше властью, а лишь временным орудием самодержавия народа, спешит призвать население Парижа к избранию уполномоченных, которым было бы поручено изучение основ этой реорганизации.

Разве этот план действий не более ясен, чем программы всех правительственных властей, которые у нас сменяются вот уж скоро столетие?

Новые пришельцы Ратуши, облеченные, несомненно, более серьезными полномочиями, чем были облечены их предшественники 1830, 1848 и 1870 г.г., так последовательно проводят в жизнь свою программу, что, несмотря на препятствия и интриги, они передают, спустя десять дней, избранникам парижского народа ту власть, которую Бордосское правительство им подбросило (черта доньше небывалая в истории наших политических революций).

Как же поступают, в свою очередь, избранники 26 марта? Присваивают ли они себе верховную власть, отрешась от своего, по существу, народного происхождения?

Конфискуют ли они по примеру своих предшественников, лже-революционных правительств, верховную власть своих выборщиков? Разве они когда-либо считали, что этим выборщикам впредь только и остается, что повиноваться новым хозяевам?

Послушаем, что говорит их председатель по старшинству в день открытия Коммунального Совета.

«Коммуна заботится о местных интересах.

Департамент или область — об областных интересах.

Правительство ведает национальными интересами».

Разве эта политическая и административная программа не абсолютно нова?

Она, несомненно, подлежит критике и изменению. Но не было ли это полным отрицанием формулы, до сих пор любезной сердцу всех политических партий, которые подчиняют Коммуну государству.

Не значит ли это, наоборот, объявить, что в будущем государство станет просто выражением общих всем коммунальным интересам?

Быть может, скажут, что это было лишь изложением личных взглядов автора, ни для кого необязательных, кроме него.

Это изложение программы было лишь естественным логическим выводом из предыдущих прокламаций Центрального Комитета, и Коммунальный Совет единодушно одобрил его, свидетельствуя, таким образом, что для него не существовало другого образа действий.

Реакционный депутат Тирар нисколько не обманывался на этот счет, сославшись на общее одобрение, которым была встречена эта программа; он воспользовался этим и заявил, что ему остается лишь удалиться, так как Совет вступил на путь политики.

Таким образом, один из самых заядлых врагов революции 18 марта добровольно признал, что Коммуна изложила свою программу.

Больше того, Коммуна столь добросовестно выполняла ее, что каждый декрет, касающийся общественной службы или же новых взаимоотношений, между служащими и нанимателями, принимался лишь после предварительного обсуждения в специальных комиссиях делегатами от заинтересованных в нем лиц и с их собственным одобрением.

Мы можем, между прочим, сослаться на декрет, касающийся отмены ночного труда в пекарнях. Он был издан лишь вследствие формального заявления рабочих этой профессии и согласно сделанным ими указаниям.

Упрекать коммунальную (communaliste) Революцию в том, что у нее нет никакой программы, означает не что иное, как выказать невежество и ли же самую настоящую недобросовестность.

Пусть так, скажут некоторые, якобы, доброжелательные и справедливые противники. Признаем программой Коммуны ту, которую изложил ее председатель по старшинству, гражданин Шарль Белэ.

В таком случае, почему же Коммуна занялась вопросами ведавать которые подлежат лишь нации, и, следовательно, правительству?

Прямо ушам не верится!

Как! Революция¹ 18 марта, вызванная поисками, явной целью которых было погубить Республику и вновь надеть на Францию тфмо чисто династических интересов, эта Революция должна была из уважения к своей программе — предоставить правительству, созданному объединенными монархическими партиями, заботу об осуществлении этой программы?

За это делегаты Коммуны сто раз заслужили бы название идиотов и даже предателей.

¹ В сущности в этом заключается вся аргументация, которой пользуются г.г. Лянжалэй и Коррьё — оба они позитивисты, — в борьбе с Коммуной в своей «Истории Революции 18 марта». (Прим. авт.).

Согласно хорошо известной поговорке, «чтоб приготовить рагу из зайца, нужно достать зайца».

Не было ли условием осуществления этой программы исчезновение как Версальского правительства, так и избравшего его «Злосчастного Собрания».

К тому же, разве правительство Тьера, наложив запрет на Париж, требуя от служащих, чтоб они покинули свой пост, тем самым не заставило Париж поневоле позаботиться об обслуживании нарушенных одним ударом интересов как коммунальных, так и национальных?

Разве не нужно было следить за поддержанием и сохранением материальной части разных служб и, что того еще важнее, за их функционированием во имя имеющих к ним отношение, общественных интересов?

Если Коммуна, заботясь по глупости о том, как бы не перешагнуть через границу подлежащих ее ведению чисто местных дел, тоже предоставила бы самим себе эти общественные службы, тогда те, кто теперь вменяет ей в вину ее заботы о них, не нашли бы достаточно презрения и брани, чтоб заклеить ее инертность.

А какую благодарность выказывают версальские победители по отношению к тем гражданам, которые посвятили себя этому делу разумной охраны?

Старый и искренний республиканец Трельяр, принявший на себя тяжелую задачу управления делами общественного призрения, был расстрелян на месте.

Члены комиссии Народного Образования, которые, не довольствуясь заботою о непрерывной работе школ, взяли на себя также охрану музеев, библиотек и всякого рода коллекций, теперь сосланы, на основании приговора, на каторгу или же в изгнание, как, например, Эли Реклю.

За каждым, кто, будь он самым незначительным лицом, в течение этих двух месяцев оказывал какую-нибудь услугу парижскому населению, гонятся и охотятся, как за диким зверем.

Они расстреливали даже врачей и сиделок за оказанную раненым помощь.

Мнимые защитники цивилизации не прочь даже отомстить почталюнам за то самоотвержение, с которым они поддерживали связь Парижа с провинцией.

И это так называемые либеральные умы, мнимые сыны Революции, позитивисты, они-то упрекают Коммуну в том, что она не ограничилась попросту управлением одними лишь коммунальными делами Парижа.

Эх, вы, честные люди — по крайней мере, хотелось бы верить этому — в тот день, когда вам удастся установить точную границу, даже для нормального времени, между местными интересами

Парижа и интересами национальными, вы сделаете нечто еще более трудное, нежели разрешение квадратуры круга¹.

— Дело еще не в том,—говорят, в свою очередь, патриоты и республиканцы искренние . . . и л и неискренние.

«Вы раздирали на части родину в тот момент, когда ей больше, чем когда бы то ни было, необходимо было единение. Вы, быть может, убили Республику!».

Ну, чтож! Патриоты и более искренние, нежели разумные республиканцы, посмотрим, чего стоит ваша аргументация.

Для того, чтоб в вашей упреке заключалась хотя бы некоторая видимость разумности, разумеется, нужно еще, чтоб Национальное Собрание и его правительство доказали свой патриотизм, не отдать должное, которому было бы с нашей стороны непростительно.

Тогда ли наши противники доказали свой патриотизм, когда они, в Бордо, поносили Гарибальди?

Или же тогда, когда, недовольные упорным сопротивлением Парижа, они называли его защитников «людьми по тридцать су»?

Или же тогда, когда они торопились заключить мир с завоевателем на любых условиях, лишь бы вернуть из Германии преданную Базеном армию и бросить ее на Париж?

«Пусть лучше погибнет вся Франция, лишь бы не восторжествовала Коммуна». Такова была усвоенная Тьером и Версальским собранием формула.

Если же у этих самоотверженных патриотов и их друга, знаменитого «освободителя страны», появится охота обвинять нас в клевете, суньте им два нижеследующих документа. Под этими знаменательными документами значится их подпись и они не могут от них отречься.

Первый из них помечен полуднем 21 мая 1871 года, т.-е. временем за несколько часов до вступления версальцев в Париж.

Он адресован Тьером Жюлю Фавру для передачи Бисмарку, которому тоже хотелось покончить с Коммуной.

«Пусть Г. де Бисмарк будет вполне спокоен. Война окончится в течение недели. Нами пробита со стороны Исси и брешь, расширением которой теперь заняты . . .

Умоляю г. де Бисмарка во имя дела порядка дать нам возможность самим закончить подавление антиобщественного разбоя, воцарившегося на несколько дней в Париже. Поступить иначе означало бы снова нанести ущерб партии порядка во Франции, а, следовательно, и в Европе. Пусть положатся на нас и общественный порядок будет отомщен в течение недели»

¹) Неразрешимая задача геометрии. (Прим. перев.).

Это письмо, как отмечает воспроизводящий его в своей истории правительства Тьера Жюль Симон, прекрасно обрисовывает положение.

Этот бывший пожиратель иезуитов вполне прав \

Разве -этим л ю д я м в самом деле важно спасение родины?

Полноте. Речь идет лишь о спасении партии порядка во Франции, и, следовательно, в Европе. На них можно положиться: они сами, ведь, пишут об этом Бисмарку, умоляя его предоставить им возможность действовать.

Но вот нечто еще более ясно выраженное и показывающее, какой высоты достигал патриотизм тех, кто очистил Францию от этих извергов по тридцать су.

Этот второй документ исходит от одного из самых горячих защитников Тьера, от главы либеральной, т.-е. орлеанистской партии:

«Многие сожалеют, что избранники не были смелы 8 февраля 1871 г. до конца и, подписывая мирный договор, не провозгласили в то же время в Бордо монархии. Избранникам представился, говорят, случай, который больше не повторится.

Бог знает, что было бы теперь с Францией. Восстановление королевской власти в Бордо послужило бы сигналом к гражданской войне и разложению страны—Коммуна распространилась бы по всем большим городам, она взбунтовала бы даже деревни, и у нас в борьбе с ней не оставалось бы иного выхода, как сдать остальную Францию иностранным армиям»¹.

Это циничское признание подписано без всякого стыда в конце исследования о «Консервативной Республике» господином Эрнестом Дювержье-де-Оранн.

Что же вы, наивные (будем вежливы) патриоты, думаете об этих самоотверженных защитниках Франции?

Не находите ли вы, что весь этот сброд версальских депутатов и их правительство могут теперь, не краснея, пожать руку тем, кому они ставили в вину «возвращение в 1815 году в фургон союзников?».

Патриотизм Тьера и всех правящих как республиканских, так и монархических классов! Право, можно лопнуть от смеха, когда говорят об этом.

Родина для этого сборища наглых плутов это — касса. Их Франция простирается лишь от банка до биржи и не далее того.

¹ Жюль Симон—Правительство Тьера, 3 - е издание, том II, стр. 183.
¹ «Revue des Deux Mondes». Выпуск от 1 августа 1872 г. стр. 568; и 569.

Разве все они в один голос не твердили от 4 сентября 1870 г. до 28 мая 1871 г.: «Помогите нам, храбрые немцы, спасти кассу. Мы ее поделим между собой. Труд работников, чьи отцы были нами убиты, даст нам впоследствии полную возможность вернуть свое».

Пусть те, кто нас обвиняет в растерзании родины и нанесении вреда республике, вспомнят об этих чудовищных расчетах, которые Коммуна, несмотря на свое кровавое поражение, в некоторой их части разрушила, или, по меньшей мере, сильно расстроила и внимательно прочитают следующие строки. Они извлечены из письма, написанного мне о д н и м из наиболее, по справедливости, уважаемых в значительном южном департаменте (Верхняя Гаронна) республиканцев, котрому пришлось бежать после 2 декабря в Швейцарию во избежание мести бонапартистов.

В этом письме гражданин Арман Лейг, в данный момент муниципальный советник в Тулузе, — делится со мной своими впечатлениями со времени возвращения во Францию непосредственно после 4 сентября и по сей день.

«Признаюсь вам, мой дорогой друг, я никогда не представлял себе, что Франция так низко пала. Таково было мое первое впечатление, когда я, еще в свою бытность в Женеве, узнал обо всех губительных проявлениях милитаризма в течение августа месяца и, наконец, о гнусном позоре Седана.

Мне казалось, что, стоя пред фактом падения империи и захвата территории, достаточно было бы хотя бы искорки любви к родине, да что я говорю, хотя бы малейшего остатка стыда, чтоб поднять все население и устроить одновременно во всех концах Франции то, что совершила после 18 марта Парижская Коммуна.

Но не произошло ничего подобного, ничего, что хотя бы сколько-нибудь приближалось к этому. Несомненно, некоторые почтенные личности, даже некоторые группы кое-где подавали надежды, но остальные? ...

Признаюсь, я считал страну нашу погибшей. Ей оставалось лишь пасть, как умеет пасть храбрый человек, а не трус.

Но для этого нужны бы ли бы другие люди, чем лю д и 4 сентября.

Какое отвратительное сходство между 2 декабря 1851 года и теми расправами, в которых погрязли эти бордосские и версальские люди!

Встанем ли мы когда-либо на ноги? — Сомневаюсь в этом.

е о споадевятсия унтеаш паоглесе ябилитившь, таемв, чотсоо, бепноноксртайинейПий амреиреж, снжекаоя-

Коммуна 1871 года спасут добродетель французов и всего человечества во всей их чистоте.

Когда столько низких людей соглашались стать подлецами. Коммуна сказала: нет, мы ими быть не хотим.

Если Франция когда-либо вновь подымется, то одно лишь это прошлое послужит ей точкой опоры; это будет означать, что она вновь охвачена духом Революции ...».

Сравните, господа республиканские патриоты, сравните эту мужественную и благородную речь с языком Тьеров, Дювержье-де-Оранн и других той же закваски.

О, разношерстные буржуа всех мастей: монархисты, бонапартисты, а также и вы, розовые и даже ярко-красные республиканцы, я вам сейчас перечислю настоящие преступления Коммуны, те преступления, которые, к ее чести будь сказано, ни те ни другие из вас ей никогда не простят.

Коммуна—это партия тех, кто вначале, в июле 1870 г., протестовал против войны, но кто, при виде вашей трусости во времена империи, угрожавшей чести и неприкосновенности Франции, пытался сделать невозможное, чтоб отбросить завоевателя по ту сторону границы. Вы же в это время думали лишь о том, как бы сдать ему Париж, чтоб вернуться поскорее к своему обычному образу жизни аферистов и прожигателей.

Коммуна, в течение шести месяцев ставила препятствия вашему предательскому делу.

Никогда, никогда вы не простите ей этого.

Коммуна доказала, что пролетариат был подготовлен к самоуправлению и мог обойтись без вас, тогда как вы утверждали, что лишь вы одни способны «вести дела».

Тому явное доказательство — немедленная реорганизация покинутых вами общественных служб.

Никогда вы не простите ей этого.

Коммуна пыталась заменить ваши правительства, построенные целиком на «государственной идее», которая прикрывает грабежи и всяческие ваши правительственные подлости, прямым действием и непрерывным контролем граждан.

Ее триумф грозил уничтожить навсегда ваше хищничество, ваши узаконенные грабежи и постоянное попираание справедливости.

Никогда, нет никогда вы не простите ей этого.

Вы, умеренные, радикальные и даже непримиримые республиканцы, еще менее, чем кто-либо другой, ибо, по примеру бонапартистов,—ваших двоюродных братьев—вы стремитесь к власти лишь для того, чтоб поживиться чудовищными барышами.

Вы никогда не простите Коммуне, что она надолго и, быть может, навсегда обманула ваши алчные надежды, эту единственную вашу программу, в отсутствии которой вы нас упрекаете.

Вот настоящие, единственные причины всей вашей клеветы, вашей единодушной и неукротимой ненависти к тем, кто был побежден в мае 1871 года и кто, в свою очередь, никогда не перестанет бросать вам в лицо то презрение и отвращение, которые вы им внушаете.

Но, воздав вам должное за ваш вой против Коммуны, необходимо, однако, признать, что, хотя движение в целом и было поистине изумительно и величественно, все же лица, на долю которых выпала задача осуществить его и привести к победе, не избегнут упрека истории в том, что они оказались не на высоте положения.

Смерть Дюваля, Флуранса, Вермореля, Варлэна, Делеклоза и Рауля Риго — если даже ограничиться лишь перечислением павших в борьбе членов Коммунального Совета — доказывает, что здесь не было недостатка в мужестве.

Общая всем самоотверженность и честность неоспоримы.

Но умелость и разумение, несомненно, не были на той же высоте, что и прочие качества.

И почему бы нам в этом не сознаться?

Конечно, никто из нас не претендовал на звание гениального человека.

Огромная и сложная задача Коммуны не могла быть разрешена одними лишь силами нескольких человек

Парижу пришлось считаться с двумя могущественными противниками, которыми он был окружен в иных условиях, чем во время первой осады. Силы их не только могли легко пополняться, но они даже могли бы соединиться, как это явствует из письма Тьера к Жюлю Фавру.

Несмотря на это опасное, представлявшее почти непреодолимые трудности, военное положение, необходимо было заняться полной внутренней реорганизацией, чтоб жить изо дня в день и в то же время пытаться наметить первые вехи того политического и экономического порядка, который подготовил бы наступление социального строя, составляющего предмет стремлений пролетариата.

Коммуна может по справедливости считать, что в борьбе с затруднениями административного характера она выказала больше умелости, чем буржуазия во время первой осады. Впрочем, это весьма слабая похвала.

Я в данном случае говорю не только о членах Коммунального Совета, но и обо всех гражданах, которые ему содействовали. Ко

К несчастью, Коммуна, за недостатком времени, а также из-за своих повседневных военных дел, не внесла в свое управление духа обновления.

Она, например, не сумела воспользоваться в организации правосудия тем, что должности чиновников при судах были покинуты лицами, их занимающими, для того, чтоб эти должности упразднить. Напротив, она совершила серьезную ошибку, назначив на них новых людей.

Коммуна дошла даже до того, что вновь назначила судебных следователей, забывая, что революционные социалисты с давних пор правильно настаивают на отмене негласного следствия. Этот гнусный пережиток варварства остался нетронутым в нашем, так называемом, цивилизованном обществе.

Но победоносная революция легко могла бы исправить все эти ошибки.

Ужасная, неисправимая оплошность Коммунального Совета, я готов назвать ее преступлением, ответственность за которое целиком падает на всех его членов без исключения, заключается в том, что он не захватил Французского Банка. Коммуна должна была уничтожить эту грозную Бастилию капиталистического общества

А она удовлетворилась тем, что в течение двух месяцев урвала у Банка несколько миллионов, половина которых к тому же принадлежала городу Парижу, в то время, как существовала такая нужда в деньгах для лучшей оплаты и содержания революционной армии, довольствовавшейся, как и во время Национальной Обороны, тридцатью су в день.

Между тем, хозяева учреждения прекрасно понимая, что для спасения положения не следовало скупиться, выдали версальскому правительству двести пятьдесят восемь миллионов в надежде отыгратья впоследствии на спинах пролетариев, уцелевших от буржуазной карточки

Независимо от этих ресурсов в звонкой монете, в портфеле Банка находились государственные бумаги, годные для продажи, на сумму в триста двадцать восемь миллионов.

Наконец, имелись еще клишэ для печатания банковских билетов.

Конфискация этого почтенного учреждения, поддерживающего труд, «как веревка поддерживает повешенного», могла бы совершенно изменить положение.

Коммуна могла бы серьезно вознаградить своих защитников и не только на словах, в декрете оделить их вдов и сирот.

Не нужны бы ли бы принудительные наборы, не дающие полезных результатов и создающие новую опасность измены

И § , было бы недостатка в рабочих руках Всякий знал бы, что если ему и суждено пасть в борьбе, старики и дети останутся обеспеченными.

Затем угроза уничтожить государственные бумаги и выпустить такое количество бумажных денег, которое понизило бы их ценность до уровня прежних ассигнаций, нагнала бы страх на эксплуататоров труда и они стали бы умолять Версаль о капитуляции.

Последствия этой конфискации могли бы иметь огромное значение.

Почему она не была произведена?

По всей вероятности, потому, что никто в Совете не понял в тот момент всего ее значения.

М н е остается лишь пожимать плечами, когда я читаю в газетах, что наш старый Белэ «спас Банк». Незаметно, чтоб он этим заслужил особую благодарность; ему пришлось скрыться в Швейцарию, чтоб спастись от пуль убийц, которые его несомненно так же мало пощадили бы, как и всех остальных

В действительности, нашему коллеге, быть другом которого я почитаю для себя за честь, не пришлось заняться этим спасением, ибо никто из нас и не помышлял захватить Банк.

Нет сомнений, что гражданин Белэ отнесся бы враждебно к о - всякой попытке этого рода.

Старый прудонист был еще слишком сильно пропитан буржуазными предрассудками, чтоб присоединиться к подобному акту Несмотря на в с ю свою преданность Социальной Революции, он еще верит, что пролетарии смогут добиться бесплатного кредита, и при его помощи сорганизоваться в ассоциацию Блаженны верующие!

Но один уже тот факт, что все мы, зная его взгляды на этот счет, делегировали его в Банк в качестве представителя Коммуны, и что его там удерживали, чуть ли не умоляя остаться, когда он дважды собирался уходить в отставку, этот факт, повторяю, бесспорно доказывает ослепление Коммуны.

Одна лишь демонстрация была произведена по приказу Ключере в бытность его военным делегатом; «о единственной ее целью было установить у Банка пост федератов — простой вопрос караульной службы. Демонстрация эта не имела никаких последствий.

Итак, принимая на себя, в качестве члена Коммунального Совета, свою долю ответственности, я не колеблясь заявляю- вот единственное настоящее преступление Совета

Поистине одна лишь цивилизованная буржуазия, в особенности когда она находится в страхе, умеет широко ставить вопрос.

От времени до времени моя жена с нашим младшим сыном приходит с бесконечными предосторожностями навестить меня.

Сегодня оба они явились до того расстроенные, что семья Козар и я вначале подумали, что произошла какая-нибудь новая катастрофа

Они находились, однако, лишь под впечатлением услышанных ими речей, тем более в своей сущности гнусных, что лицо, их произносившее, казалось, даже не подозревало всей их чудовищности.

Сцена эта произошла в омнибусе.

Вагон был задержан на своем пути партией пленных, сопровождаемых солдатами и большим отрядом полицейских

Это зрелище, естественно, стало предметом разговоров в омнибусе и речь вновь зашла о так называемых «преступлениях» федератов

Тут против них поднялся со всех сторон вопль.

Однако, с уст одного пассажира сорвалось несколько слов участия к только что повстречавшимся несчастным.

Тогда старая, почтенного вида дама, сидевшая против моей жены, вмешивается в разговор.

— Вот так несчастье¹ — говорит она спокойным и презрительным тоном, — всех их следовало расстрелять с детьми вместе.

И в ответ на послышавшиеся восклицания, продолжает

— Да разве вы не понимаете, что, когда их детям будет двадцать лет, они захотят отомстить за отцов² и придется начинать сначала

И эти-то люди и возмущаются при одном лишь воспоминании о «Варфоломеевской ночи»^{*} и «Драгоннадах»². Они — члены Общества покровительства животным.

Когда извозчик мучает лошадь, они закрывают лицо, быть может, даже прольют несколько слезинок.

Но чуть дело коснется сохранности их денег, как раздается другая песня³ режьте⁴ убивайте⁵ — требуют они хором.

«Главное, не шадите детей, они могут вспомнить».

¹ Варфоломеевская ночь — знаменитое в летописях религиозных войн во Франции массовое избиение протестантов (гугенотов) в Париже по приказу короля Карла IX (в 1572 г.). (Прим. перев.).

² Драгоннады (от слова драгун) — карательные экспедиции, которыми и правительство Людовика XIV думало истребить, задушить протестантизм, гнездившийся по преимуществу на юге, в Севенских горах (Прим. пере*).

Даже Жорж Занд, женщина и социалистка, правда, в духе Луи блана, и та тоже чувствует потребность поздравить подлого Дюма — своего «дорогого сына», как она его называет, с его гнусной и трусливой статьей. В ней этот человек, осыпая оскорблениями побежденных, сражаться с которыми он бы не посмел, называет их жен «самками»-

«Это прекрасно, как слова Цицерона», — пишет ему Жорж Занд. Трусость лишила ее, буржуазку, сразу всякого стыда и всякой жалости.

Среди этого гнусного соревнования попадают, однако, благородные исключения и я сейчас только получил тому новое доказательство.

Я уже лет пятнадцать, как дружен с Б ..., владельцами большого склада мебели Магазины их, находящиеся в квартале Инвалидов, подвергались большому риску в последние дни и борьбы. Зная, как мало должны были они быть довольны событиями, благодаря которым они могли разориться, я, разумеется, никогда и не подумал бы о том, чтоб попросить их о какой бы то ни было услуге.

Но, если я не собирался просить их о помощи, то они решили предложить ее мне, или, во всяком случае, моей семье, так как, согласно уверению газет, считали меня умершим.

Борьба не успела еще окончиться, как г-жа Б, несмотря на опасность путешествия по прилегающим к Ратуше улицам, которые полны шпионов, следящих за каждым подозрительным домом, явилась к нам домой, на улицу Лион-Сен-Поль узнать, что случилось с моей женой, ее матерью и нашим мальчиком.

Она не застает там никого, так как моя жена не вернулась еще домой, не имея особого желания подвергаться риску возможного ареста и оставить, таким образом, без поддержки свою дряхлую мать и мальчика, которому еще не исполнилось девяти лет

Г-жа Б. не унывает. Несколько дней спустя, она вновь приходит и получает от привратника — честного человека—некоторые успокоительные известия. Она сообщает ему свое имя, чтоб моя жена, вернувшись, была осведомлена о ее посещениях.

Жена торопится пойти ее поблагодарить за такой знак внимания и рассказывает ей, а также и ее мужу, что слух о моей смерти ложен, но что друзья не знают, каким образом меня вы-проводить, не подвергая меня риску ареста на границе в виду неимения паспорта.

— Разве он вынужден тотчас же уехать¹ — замечает г-н Б

— Конечно, нет. Но через неделю это будет также трудно, как и теперь.

— Кто знает? — возражает он, без дальнейших объяснений.

Спустя три дня Б. появляется с торжественным видом у Козар.

— Ваше дело в шляпе, дорогой друг,—говорит он мне и возвращает паспорт, полученный им накануне на свое имя, и снабженный всеми необходимыми визами.

В драгоценном документе упоминается, что г - н Б. отправляется в сопровождении своей жены, также имеющей при себе паспорт, в Женеву, чтоб навестить одного из их сыновей, который там учится.

Г - н Б. моего роста, мы почти что похожи друг на друга. Он принес в жертву дружбе очень красивую бороду, факт, заинтриговавший меня в момент его прихода, так как мне было известно, как он ею дорожил.

Но, увы! волосы у него совсем серебряные, что и отмечено в паспорте, а в моих каштановых волосах не видно ни одного белого волоска. Какой-то дурак даже писал, что я их крашу.

Г-жа Б, для большей правдоподобности, проводит меня до Женевы.

Но остается преодолеть еще два препятствия.

Мне нужно выучиться подделывать подпись г-на Б., чтоб иметь возможность воспроизвести ее при каждом требовании. Затем абсолютно необходимо иметь седые волосы.

Подделать подпись, это еще выполнимо. Но выбелить волосы, вот в чем загвоздка.

Тут невозможно воспользоваться, как в театре, обманом зрения. Путешествие будет довольно продолжительным и вся суть в том, чтоб не быть арестованным в Белльгарде. Несомненно, вместе со мной была бы арестована и г-жа Б., а я ни за что на свете не хотел бы подвергнуть ее этому.

— Я об этом подумаю, — говорит тогда мой друг Ляво, — который как раз пришел меня навестить и присутствует при нашей беседе.

Само собой разумеется, что г - н Б. настолько деликатен, что не говорит при посещении ни одного слова по поводу последних событий.

Наконец, мой друг Ляво, нашел настоящий способ выбелить волосы.

Напрасно он, под тем предлогом, что ему, как фотографу, ^асто приходится воспроизводить портреты актеров в ролях стариков, просил у парикмахеров и специалистов нужный ему рецепт, в виду того, что белила и мыльный порошок не создавали на клишэ необходимой иллюзии.

У всех был один и тот же ответ: кому же серьезно придет на ум, п о м и м о театра и костюмированных балов, придать себе в и д старика. К тому же, для лысых имеются парики с настоящими седоватыми и даже совершенно белыми волосами. Этого достаточно.

Люди красят волосы в каштановый, в черный цвет, но в белый никогда.

Потому-то ни химики, ни артисты волосяного дела не производили изысканий в этом направлении.

Путем размышлений друг наш, наконец, додумался, и радостный, приносит нам каштановый - парик, над которым он поупражнялся.

Он принял самый естественный серебристо-серый оттенок, который держится прочно. Как его ни трясти, от него не отделяется ни малейшая частица.

Один лишь частый гребень, несколько раз проведенный по волосам, может справиться с этой микстурой.

Я обещаю Ляво сохранить его открытие в тайне на тот случай, что кому-нибудь другому пришлось бы, в свою очередь, им воспользоваться. В самом деле, господам полицейским нет никакой надобности знать его.

После трех дней повторных втираний, я обладаю весьма почтенной головой старика. Испарина головы в течение ночи ничуть ее не меняет.

Успех достигнут полнейший и, как всегда, путем простейшего приема, что лучше всего гарантирует от какой-либо подделки.

Что же касается подписи, то я достиг такого совершенства • в подражании г - н у Б., что л и ш ь благодаря м о е м у великодушию, я не стану в Женеве разорять его, фабрикуя от его имени фальшивые векселя.

2 июля 1871 года.

Этот день б ы л м н о ю назначен для от'езда в сопровождении г-жи Б. из Парижа.

Дополнительные выборы, которые должны состояться, привлекают всех шпионов к избирательным участкам. О н и понадеются арестовать там находящихся на подозрении несчастливцев, которые будут столь неосторожны, что осуществят свою верховную власть.

Надзор за вокзалами будет ослаблен.

В шесть часов вечера г-жа Б. приходит обедать к Козарам, но мы еле дотрагиваемся до еды.

У каждого сжимается сердце, и хотелось бы, чтобы уже на* ступил следующий день.

Ни моя жена, ни ребенок не явились — этого требовала самая простая осторожность.

Немного раньше семи часов мы спускаемся, я и моя спутница, без всякого багажа, как будто выходим после визита.

Мы проходим пешком по бульвару Мажанта по дороге к Северному вокзалу, где возьмем извозчика.

Мать моего друга, прекрасный человек, следует за нами издали, испытывая настоящий страх. Она слыхала разговор двух людей, хорошо известных всему участку в качестве шпионов, о том, что они кого-то выслеживают.

Один из них говорил другому: он, несомненно, на этой улице, наконец-то, мы его поймает.

К несчастью, не одному мне приходится скрываться; дело может идти о ком-нибудь другом, а не обо мне.

Мы подходим к Северному вокзалу через несколько минут после прихода поезда. Там находится всего лишь одна карета, и та открытая.

Отказываться брать ее, когда в это время дня еще совсем тепло, значило бы навлечь на себя подозрение. И вот мы мчимся рысью на Лионский вокзал чрез Шато-д'О, большие бульвары и Лионскую улицу.

У входа мало пассажиров

— Два билета первого класса, в Женеву.

При слове «Женева» какая-то личность, с ухватками полицейского, стоящая у входа, пристально глядится в меня.

— У вас имеется паспорт?

— Конечно, вот он. *

— Но вы спросили два места?

— Со мною едет моя жена, вот и ее паспорт.

— Где же она?

Я указываю ее агенту. Она около отделяющего нас барьера,

— Хорошо; выдайте господину билеты.

Кассир выдает мне два билета и я иду сдать наш багаж, который г. Б. днем оставил на хранении.

Наконец мы входим в вагон.

Это поезд-экспресс, первый, который отправляется в Женеву без пересадки, так как взорванные во время войны мосты только теперь исправлены. Тем лучше, наша авантюра благодаря этому будет менее рискована.

Бьет восемь часов, и поезд трогается

На другое утро он прибывает в Амберье.

В виду того, что наше отделение было полно, мы до сих пор могли лишь обмениваться банальными фразами. Я пользуюсь теперь остановкой, чтоб поговорить с г-жей Б. о нашем деле

/ Мы приближаемся к критическому моменту. Не больше, чем в ^ferq» два часа, мы б у д е м в Бельгарде, в самом опасном д л я нас L пункте

Моя спутница, несмотря на все свое мужество и самоотверженность, охвачена волнением, которое может сыграть с нами скверную штуку.'

— Притворитесь, будто вас одолевает сон. Это покажется вполне естественным и ваше беспокойство будет менее заметно

Вот мы и в Бельгарде.

Машина, тендер и вагоны сейчас же окружаются шпионами и жандармами.

«Бельгард Бельгард. Никто не должен выходить, — кричат во все горло служащие.

Полная противоположность тому, что происходит на этом же самом месте, когда возвращаешься из Швейцарии «Все выхо- jifiT», — говорят тогда путешественникам.

У каждой двери, выходящей на перрон и на колею, стоит по сторожу. Избежать осмотра невозможно.

Мы находимся как раз в первом отделении первого вагона; церемония с нас и начинается

К нам вторгаются комиссар охраны и агент

— Ваши паспорта, пожалуйста, господа пассажиры!

Я вынимаю свой. Полицейский его разворачивает и медленно читает, старательно меня разглядывая

— А вы, сударыня?

Г-жа Б. протягивает с сонным видом документ, точно раздосадованная тем, что ее потревожили.

Человек бросает на него беглый взгляд и спрашивает меня

— Это ваша жена, сударь?

— Да, она очень устала

Осмотр продолжается таким же образом из вагона в вагон, из отделения в отделение.

К счастью, в поезде всего лишь четыре пассажирских вагона и один почтовый. Но, тем не менее, это продолжается добрых полтора часа.

Наконец начальник станции произносит сакраментальное «трогай», и спустя несколько секунд, мы везаем в туннель, прорезающий гору Кредо, к склонам которой прилепился знаменитый форт де л'Эклюз.

Нам больше нечего опасаться, так как наш поезд теперь остановится лишь на месте назначения

В туннеле, длиною более 4-х километров, мы с г-жей Б. сердечно обнимаемся к великому изумлению наших дорожных спутников. Им, повидимому, совершенно непонятна такая вспышка

нежности между двумя супругами, возраст которых совершенно не соответствует таким излипаниям.

Через полчаса мы выходим на вокзал Корнавэн и отправляемся на почту, чтоб отправить другу Ляво следующую телеграмму: «Фотографии очень удачны. Закажу скоро новые».

— Ну нет, этого уж извините не будет, — воскликнул, если не ошибаюсь, наш друг, обнимая мою жену, которая с трепетом ожидала, у него депеши о благополучном прибытии.

О, дорогой, старый Париж, увижу ли я тебя когда либо!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй раз за двадцать три года буржуазные республиканцы, вопреки своим обещаниям, не нашли ничего лучше, как утопить в крови справедливые требования рабочих.

Июнь 1848 г. и май 1871 г. выучат пролетариев, чего им следует впредь ожидать от буржуазного братства.

Дважды на протяжении четверти века мы их наблюдали за работой, этих «сынов Революции» ... их матери, как говорил Бансель.

Теперь изведена точная мера той нежности, которую эти «друзья народа» испытывают по отношению к тем, кто трудится, страдает и умирает в горестях.

Власть дважды находилась в их руках. Дважды от них лишь зависело сделать Республику освободительницей угнетенных и несчастных, и оба раза они безжалостно и бессовестно их убивали.

Приходится во имя справедливости признать, что в этом отношении они действуют более широко, нежели их политические конкуренты.

Даже царь всея Руси не посмел бы в настоящее время подобным образом уничтожить тысячами своих петербургских подданных.

Никто никогда не сможет превзойти классических республиканцев в консервативной жестокости.

Означает ли это, что пролетариям, над которыми тяготеют всякого рода поборы, взыскиваемые господами нынешнего социального порядка, остается лишь, отчаявшись в Республике, кинуться навстречу какой-нибудь новой монархической реставрации в надежде получить от нее то, что им не сумели и не хотели дать республиканцы... то, что можно это утверждать, они им никогда не дадут.

Это означало бы впасть в другую крайность. Существующее между республиканцами и монархистами серьежное разногласие!

касается лишь способа стричь стадо. .. всегда годное лишь для Стрижки.

В большинстве богатые и, следовательно, менее нуждающиеся монархисты, пользуются иногда менее жестокими приемами.

Согласие устанавливается, главным образом, между бонапартистами и республиканцами, этими сиаемскими близнецами. Политика для них и хлысь ремесло, способствующее более быстрой обогатению, нежели другие профессии; достигнуть преуспевания, их единственной цели, в последних они бы ли бы неспособны.

Однако, республиканская партия, которая с 1848 г. являет собой зрелище, по своей гнусности во много раз превосходящее самые мрачные ожидания, эта партия насчитывает несколько человек, чье социальное положение, отчасти созданное их личным трудом, будь то в области искусства или науки, казалось должно было бы их предохранить от заразы.

Почему же они, казалось бы свободные от всяких мелочных неприятных забот об эгоистических интересах, не только не реагировали на то, что их политические друзья так опустили, но, очутившись у власти, сами также оказались свирепейшими нашими противниками.

Вот что важнее всего уяснить себе и в чем, быть может, будет заключаться истинное значение этих записанных мною теперь «воспоминаний», единственное, которое я имел в виду, опубликовав их.

Республиканская партия, к счастью не имеющая ничего общего ни с Республикой, ни с Революцией, в течение вот уже скоро целого столетия доказывает свою низость и жадность. Ее политические измены и финансовые плутни ни в чем не уступают гнусности бонапартистов.

Но, подлое отношение республиканской партии к пролетариату не может быть объяснено одной лишь ее нечестностью.

Оно зависит, с одной стороны, от ложного мировоззрения, а с другой от того, что эта партия, в сознании своего бессилия разрешить экономические затруднения, в которых она запуталась, находит для себя более простым отрицать их и ли же, пользуясь ими, самой удить рыбу в мутной воде.

Напичканные классическими традициями эти люди, которые • течение целого столетия официально представляют Республику, видели в ней всегда лишь некий способ проявления принципа власти, столь же архи-святой для них, как и для самодержавнейшего деспота.

Для этих честных людей безразлично, получена ли ими власть от бога или от народа. Когда представители этого знаменитого

И*

принципа—избираемые и л и нет—говорят, п о д д а н н ы м , управляемым остается только повиноваться.

Что же, однако, подразумевают монархисты и республиканцы под властью?

• Не что иное, если вам угодно, как откровение всего справедливого и истинного, всего, что должно стать законом для всех, правилом поведения для граждан при их сношениях с правителями — божьей милостью, или же призванными более и л и менее в с е о б щ е й и более и л и менее сознательной подачей голосов.

«Бог возложил на меня призвание», — говорят первые. «Народ вручил мне полномочие» — говорят вторые.

Призвание? Полномочие? Д л я чего?

Но для того, чтоб различать истинное от ложного, полезное от вредного, добро от зла. Другими словами: впредь по нашему постановлению истинным, полезным и хорошим будет объявлено лишь то, что м ы , в силу нашего призвания или полномочия, определим как таковое д л я охраны нашего могущества; а все, что будет стремиться к нанесению ему вреда, будет рассматриваться как преступное и, следовательно, наказуемое.

Возможно и, что республиканцы серьезно считали, что власть, добытая и м и благодаря согласию самих управляемых, станет, таким образом, по-настоящему законной. Это соответствовало знаменитой аксиоме: «Глас народа — глас божий», бывшей у них тогда в такой чести, а теперь, к счастью, низведенной на ту же ступень, что и папская непогрешимость, видоизменением которой она и была.

Таким образом, всеобщее голосование, бывшее лишь средством установить наличие более или менее полного согласия между заинтересованными по тому или другому вопросу общественного блага, было превращено республиканцами в принцип такой важности, что он первенствует над правом тех, кто им пользуется, как орудием своей мнимой верховной власти.

В силу этого замечательного принципа суверенный народ является в действительности еще более, нежели прадные короли, рабом майордомов \ Они, под более современными названиями: депутатов, министров и т. п. становятся до такой степени его хозяевами, что они именно и регулируют работу и ограничивают действия призрачного властелина, лишённого даже права назначить подходящее д л я него время действия.

Более того, одни лишь эти уполномоченные пользуются правом точно определять условия и чуть ли не продолжительность своего мандата!

¹ М а й о р д о м ы —управляющие поместьями франкских королей в эпоху раннего средневековья, фактически сосредоточившие власть в своих руках.

(Прим. перев.).

.JU-'Одним словом, верховная власть народа состоит просто-на-эджте в том, чтоб своим голосованием санкционировать и формально в указанный уполномоченными этого народа момент узаконить все отклонения от справедливости, все гнусные притеснения и вымогательства, которым в «прежние времена» он подвергался со стороны монархов.

В Республике, как и в монархии, единственным законом • является власть, т.-е. воля и интересы правителей.

Народу, и л и как его лицемерно называют, самодержцу, остается единственное право высказывать пожелания.

При обоих режимах одна и та же шарманка наигрывает все тот же мотив.

Весь спор между монархистами и республиканцами заключается в том, кто из них будет вертеть ручку и... в чей карман пойдет сбор.

¹ Легко понять, что при действии таких положений, называемых философскими и даже юридическими, народам всегда приходится подвергаться «стрижке».

Предположим, однако, что самодержавный народ, случайно напав на собрание честных людей, которые захотели бы лояльно отнестись к своим обещаниям, избрал одних только неподкупных депутатов.

Он, наконец, обладает правительством, которое решило распределить справедливо налоги; уничтожить бесполезные должности; избавить государство от присосавшихся к нему паразитов, принудить финансовые и промышленные компании к точному в ы - полнению контрактов, регулирующих их отношения с государством, которое, о д н и м словом, решило положить конец всему, что даже с строго буржуазной точки зрения является в какой бы то ни-было мере привилегией или ложащейся тяжелым бременем, и тем самым пагубной монополией.

Это правительство, действующее в рамках того, что условлено называть: «уважением к законности и к приобретенным правам», не продержалось бы и месяца.

Финансисты и полицейские, в конечном счете, единственные настоящие правители, как это ясно и с документами в руках доказывает в своей «Промышленной империи» Жорж Д ю ш е н ^{*}, наложили бы на него еще до этого срока запрет, подвергли бы отлучению на этот раз действительно настоящему, ибо они лишили бы его всякого кредита и тем самым помешали бы его функционированию... легально разумеется.

Напрасно призывало бы оно на помощь политическую революцию; к тому же такое предположение, поскольку дело идет о правительстве, нелепо.

¹ Н а п е ч а т а н о в 1 8 6 9 г. *Щрпч. ат.*)

И к чему бы это привело? Разве революция, к которой это правительство обратилось бы, не оставила бы все на своем месте?

Сколько уже было совершенно бесплодных, даже с чисто административной точки зрения, политических революций на протяжении почти целого столетия.

Чем больше перемен, тем хуже все становится. Правительству честных республиканцев — допустим невозможное, — не оставалось бы иного выхода, как удалиться ... или же решиться принять участие в дележе пирога с тем, чтоб потопить свои угрызения совести в крови «неисправимых врагов общественного порядка», т.-е. эксплуатируемых.

В наше время Республика ценна лишь постольку, поскольку она является отрицанием всяких преимуществ и привилегий не только административного порядка, но, главным образом, порядка экономического.

Истинное превосходство нового республиканского мировоззрения состоит в том, что оно уничтожает все права, якобы приобретенные или захваченные какой бы то ни было группой в ущерб коллективу и будущим поколениям, с тем, чтоб всякий, вновь прибывающий, нашел для себя место на «жизненном пиру».

Одним словом, современная Республика — это Республика Социальная, не имеющая ничего общего с прежними республиками рабов, столь дорогими сердцу дипломированных господ.

Великая заслуга Парижской Коммуны 1871 г. в том, что она это поняла.

И поэтому также, несмотря на те неудачи, которые могут быть вменены ей трудящимися в вину, эта настоящая народная революция послужит отправным пунктом для окончательного разрыва между пролетариатом и его эксплуататорами, будь то абсолютные и конституционные монархисты, и ли же более или менее радикальные и даже непримиримые республиканцы.

И — да не забудут этого пролетарии, — среди их неумолимых врагов последние не являются наименее опасными.